

Содержание

ОБРАЗОВАНИЕ

- М.А. ВИНОГРАДОВА, Е.В. КРЫЛОВА
Инклюзивное образование в России (история вопроса и современные проблемы)
Inclusive education in Russia (background and contemporary issues) 4
- Е.Г. ИВАНОВА
Адаптация как категория современной науки
Adaptation as a category of modern science 11
- М.В. ЗАХАРЧЕНКО
Духовно-нравственная культура как категория
(Проблема категориального разворачивания понятия)
Spiritual-moral culture as a category (The problem categorical expand the concept) 16
- Ю.С. ИСАЧЕНКО
Методологические основания педагогического проектирования
Methodological bases the pedagogical design 22
- А.С. КОЛЕСНИКОВ
Философско-мировоззренческое обеспечение педагогического процесса
The philosophical software pedagogical process 25

ЭКОНОМИКА

- В.Е. ЗАСЕНКО
Последовательность разработки моделей торговых систем
и классификация методов моделирования
The sequence of development of models of trading systems
and classification methods for modeling 31
- Т.В. СТЕПАНОВА
Оценка социально-экономической эффективности обслуживания в сфере общественного питания
Assessment of socio-economic efficiency services in sphere of public catering 37
- В.Д. Крыжановский, А.В. Дементьев
Проблема государственного регулирования отношений собственности
в трудах русских мыслителей
The problem of state regulation of ownership relations in works of Russian philosophers . . . 41
- Д.С. ЛЕМЕШКО
Принятие управленческих решений в условиях неопределённости и оценка риска волатильности
Decision-making in conditions of uncertainty and volatility risk assessment 46
- В.М. Никоноров
Особенности формирования цены антиквариата
Peculiarities of formation of the prices of Antiques 58
- Т.А. ПЕРЕВЕРЗЕВА
Эволюционный аспект развития институциональных отношений
в торговом предпринимательстве 65
- В.М. Притулюк
Страховые услуги на российском рынке и их потенциал
Insurance services in the Russian market and their potential 72
- С.А. КИМЕЛЬМАН
Горная и ценовая рента в современной российской экономике
Mining and price rent in the modern Russian economy 75
- Д.О. КРЮКОВ
Стратегическое развитие компании через диверсификацию
The company's strategic development through diversification 87

ОБЩЕСТВО

М.Е. АПОН Подготовка и проведение цензурной реформы 1865 года: опыт реформирования отношения общества и власти Preparation and carrying out censorship reform 1865: the experience of reforming the relationship between society and authorities	94
С.П. БЕЛЬЧИКОВ Эволюция представлений о сущности уголовного наказания в русском обществе XVIII – XIX веков The evolution of ideas about the nature of the criminal punishment in Russian society in the XVIII - XIX centuries.	103
Д.Н. СОЛОВЬЁВ, А.В. КАЗАКОВ Система управления казачеством	108
Б.В. МАКОВ Формирование теоретических оснований синергетической концепции устойчивого развития Development of the theoretical of the bases synergetic concept of sustainable development	116
Р.И. ПОПОВИЧЕНКО Нравственная идея как основание гражданского общества в философии права Г.В.Ф. Гегеля Moral idea as the basis of civil society in the philosophy of law GWF Hegel.	122
Ю.Е. ПУТИХИН Идея экономической и социальной справедливости на рубеже XXI века (критическая интерпретация социальной философии Дж. Ролза) The idea of economic and social justice at the turn of the XXI century (critical interpretation of social philosophy John Bordley Rawls)	127
А. В. Фаизов «ЭВОЛЮЦИЯ» ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА (1726-1730 гг.) «Evolution» of the Supreme Privy Council (1726-1730)	133
О.Г. ЦЫПЛАКОВА Структурный анализ современного российского общества: проблема критериев стратификации Structural analysis of modern Russian society: the problem of stratification criteria	139
В.П. ШИЛОВ Цена Победы The Value Of The Victory.	141
О.В. ЯРУХИН Естественно-правовая трактовка сущности общества и государства в дореволюционной политической мысли Naturally legal interpretation of the essence of the society and the state in pre-revolutionary political thought.	144

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.М. Колесников –
главный редактор

И.М. Зейналов –
заместитель
главного редактора

Н.С. Хрусталева –
заместитель
главного редактора

И.Н. Гаврильчак

Н.В. Войтоловский

В.М. Власова

Н.П. Ильин

В.В. Домаков

Д.В. Масленников

Н.Ю. Макаров

О.В. Васюхин

Н.В. Зеленецкий

Журнал «Образование, экономика, общество» издается

Национальным открытым
институтом России

г. Санкт-Петербург,

при поддержке вузов-партнеров

Национального открытого

университета России

Учредитель: Негосударственное частное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Национальный открытый институт России
г. Санкт-Петербург»

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору за
соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-21674
от 15.08.2005.

Издание распространяется
в действующих в Российской
Федерации и зарубежных странах
высших и средних профессиональных учеб-
ных заведениях,

в представительствах федеральных и мест-
ных органов законодательной и исполни-
тельной власти.

Все права на материалы, опубликованные
в номере, принадлежат журналу «Образо-
вание, экономика, общество». Перепечатка
без разрешения редакции запрещена. При
использовании материалов ссылка на «Обра-
зование, экономика, общество» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за досто-
верность информации и сведений, содержа-
щихся в рекламных объявлениях. Публика-
ции для аспирантов бесплатные.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнe-
нием авторов.

РЕДАКЦИЯ

Т. Л. Фёдорова
ответственный секретарь
тел.: (812) 430-0716,
доб. 247
e-mail: s.sobolev@noironline.ru

О.Н. Миляев
член редакционного
совета,
научный редактор
тел.: (812) 430-0716,
доб.207

К.А. Чирко
художественный редактор,
компьютерная вёрстка
тел./факс: (812) 430-0716,
доб. 244
e-mail: k.chirko@noironline.ru

С.И. Некрасов
корректор
тел./факс: (812) 430-07-16,
доб. 247

Адрес редакции и издателя: 197183, г. Санкт-Петербург,
ул. Сестрорецкая, д. 6, тел.: 430-0716
www.noironline.ru

Цена свободная.

Подписано в печать 03.08.2011.

Отпечатано в типографии

ООО «ИКЦ», 197183,

г. Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 6.

Заказ № О.Э.О. – 2.

Тираж 1000 экз.

ISSN 1992-6103

Подписной индекс «Почта России» 78774

М.А. ВИНОГРАДОВА, кандидат педагогических наук, НОИР

Е.В. КРЫЛОВА, кандидат педагогических наук, НОИР

M. Vinogradova, candidate of pedagogical Sciences, NOIR

E. Krylova, candidate of pedagogical Sciences, NOIR

Инклюзивное образование в России (история вопроса и современные проблемы) Inclusive education in Russia (background and contemporary issues)

Аннотация: В настоящее время, несмотря на существование многих норм в области прав человека, люди с инвалидностью испытывают множество ограничений в повседневной жизни. около 650 млн. человек) – это люди с инвалидностью, люди, имеющие ограниченные возможности, специальные потребности. Физические ограничения часто не позволяют им посещать общественные учреждения и пользоваться транспортом. Что же делается на местах для создания доступной среды, и с какими трудностями сталкиваются директора школ, исследуют авторы.

Abstract: At the present time, despite the existence of many standards in the field of human rights, people with disabilities had many limitations in everyday life. about 650 million people with disabilities, people with disabilities, special needs. Physical constraints often prevent them from attending public institutions and use of transport. What is being done on the ground to create an accessible environment, and the difficulties faced by school principals, exploring the authors.

Ключевые слова: общество, государство, инвалид, школа, доступная среда, социальные барьеры, индивидуальная мобильность, ответственность, особые потребности.

Keywords: society, state, disabled, school, accessible environment, social barriers, individual mobility, responsibility, special needs.

Более четырёх лет назад, 3 мая 2008 года, вступил в силу важный международный документ – Конвенция ООН о правах инвалидов, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 года.

Примерно 8% населения планеты (около 650 млн. человек) – это люди с инвалидностью, люди, имеющие ограниченные возможности, специальные потребности. Физические ограничения часто не позволяют им посещать общественные учреждения и пользоваться транспортом. Отношение общества исключает инвалидов из культурной жизни и нормальных человеческих взаимоотношений.

И в настоящее время, несмотря на существование многих норм в области прав человека, люди с инвалидностью испытывают множество ограничений в повседневной

жизни. Многие проблемы вызваны существованием физических и социальных барьеров, при которых даже хорошие законы в отношении инвалидов остаются бездействующими. Конвенция и нацелена на преодоление таких барьеров, на формирование среды, в которой осуществление прав происходит на основе действительного равенства.

Конвенция затрагивает права инвалидов в области здоровья, образования, занятости, реабилитации, участия в политической жизни, закрепляет принципы недискриминации, уважения независимости и личной самостоятельности человека, доступности, полного включения и вовлечения в общество. Новая конвенция содержит 50 статей, направленных на защиту и поощрение прав инвалидов, ликвидацию дискриминации

по отношению к ним, обеспечение их права на работу, здравоохранение, образование и полное участие в жизни общества, доступа к правосудию, личной неприкосновенности, свободы от эксплуатации и злоупотреблений, свободы передвижения, индивидуальной мобильности и т.д.

В Конвенции ООН о правах инвалидов в статье 24 говорится:

1. Государства-участники признают право инвалидов на образование. В целях реализации этого права без дискриминации и на основе равенства возможностей государства-участники обеспечивают инклюзивное образование на всех уровнях и обучение в течение всей жизни, стремясь при этом:

а) к полному развитию человеческого потенциала, а также чувства достоинства и самоуважения и к усилению уважения прав чело-

века, основных свобод и человеческого многообразия;

b) к развитию личности, талантов и творчества инвалидов, а также их умственных и физических способностей в самом полном объёме;

с) к наделению инвалидов возможностью эффективно участвовать в жизни свободного общества.

2. При реализации этого права государства-участники обеспечивают, чтобы:

a) инвалиды не исключались по причине инвалидности из системы общего образования, а дети-инвалиды – из системы бесплатного и обязательного начального образования или среднего образования;

b) инвалиды имели наравне с другими доступ к инклюзивному, качественному и бесплатному начальному образованию и среднему образованию в местах своего проживания;

с) обеспечивалось разумное приспособление, учитывающее индивидуальные потребности;

d) инвалиды получали внутри системы общего образования требуемую поддержку для облегчения их эффективного обучения;

e) в обстановке, максимально способствующей освоению знаний и социальному развитию, сообразно с целью полной охваченности принимались эффективные меры по организации индивидуализированной поддержки.

В России действительное решение вопроса создания доступной среды для детей-инвалидов началось уже в XXI веке. В 2005 году в Москве прошла первая международная конференция «Развитие инклюзивных школ в России». Ведущий специалист отдела социальной защиты Управления федерального имущества и развития материально-технической базы Федерального агентства по образованию Б.В. Белявский представил материал о состоянии и перспективам развития лиц с ограниченными возможностями здоровья в

Российской Федерации. Докладчик указал на важность принятия законодательно-нормативной базы о специальном (коррекционном) образовании и разработки управленческих мер, способствующих адаптации, реабилитации и социализации детей на основе социального партнёрства. «Обоснованием необходимости более широкого внедрения модели интегрированного обучения служат объективные факторы, в первую очередь связанные с ростом инвалидизации населения в целом, и детей в частности. Социальная «воронка» нездоровья втягивает в себя всё большее количество детей. По данным Министерства здравоохранения и социального развития РФ 16% российских детей хронически больны. На начало 2013 г. в стране насчитывалось 620,3 тыс. детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, по сравнению с 2003 г. рост составил – 158 тыс. человек. Министерство образования и науки РФ определяет число детей с ограниченными возможностями здоровья в 1,6 млн., это – 4,5% от общего количества детей (30 млн.), но интегрированы в образовательную среду по оценкам специалистов менее половины». Анализ социально-демографической, экологической обстановки в стране позволяет сделать ужасающий прогноз: «увеличение числа детей с особенностями развития в год прогнозируется в пределах 27 тысяч».

Н.Н. Малофеев, директор НИИ коррекционной педагогики, член-корреспондент Академии наук РФ, указывает на привлекательность форм интеграции и инклюзии для родителей детей-инвалидов, педагогов. Включение ребёнка в образовательную среду без соответствующего обеспечения – оборудование, подготовленные специалисты, обученный персонал – является бесполезным и даже вредным для ребёнка. «Если ребёнку предоставляется доступ к общей образовательной системе, не имеющей условий для обе-

спечения соответствующего его особым потребностям обучения, в действительности нарушается его право на качественное образование. Формальная интеграция является, на наш взгляд, скрытой формой дискриминации».

В России процесс интеграции протекает не так как за рубежом. На Западе обсуждение проблем специального обучения и интеграции велось и ведётся в рамках жёстких законодательных положений, регулирующих процесс интеграции, в России же подобного рода дискуссии из-за отсутствия закона о специальном образовании осуществляются вне законодательного поля.

Н.Н. Малофеев предупреждает, что при отсутствии необходимой законодательной, экономической, социальной базы поспешное широкое внедрение новаций, попытки подмены системы специального образования тотальной интеграцией могут привести не к равенству прав, а к потере детьми с особыми образовательными потребностями возможности получить адекватное образование, обеспечивающее продвижение в психическом и социально-культурном развитии.

В то же время инклюзивное образование (включение) направлено не только и не столько на обучение инвалидов. Цель такого образования – раскрыть потенциальные возможности каждого ребёнка и развить их. Поэтому такая форма обучения наиболее приемлема для обучения детей со специальными нуждами.

В государствах стран СНГ немало сделано для развития инклюзивного образования и для обучения детей-инвалидов.

На Украине создано два модельных центра инклюзивного образования с дальнейшим распространением лучших практик и созданием на их базе ресурсно-тренинговых центров. Полученные результаты стали основой для дальнейшего развития инклюзивных образовательных практик в Украине, для

внедрения необходимых изменений в систему подготовки педагогов, формирования общественного мнения, демократизации общества. По инициативе Института специальной педагогики Академии педагогических наук Украины и Всеукраинского фонда «Крок за кроком» для апробации инновационной деятельности в образовательных учебных заведениях Министерство образования и науки Украины издало приказ о проведении Всеукраинского научно-педагогического эксперимента «Социальная адаптация и интеграция в общество детей с особенностями психофизического развития путём организации их обучения в общеобразовательных учебных заведениях».

Министерство народного образования Узбекистана и Азиатский банк развития подписали два грант-контракта. В соответствии с ними Азиатский банк развития выделил Узбекистану \$ 1,5 млн. на совершенствование системы получения общего образования детьми с ограниченными возможностями и реформы в системе образования. В настоящее время активно ведётся работа по внедрению системы интегрированного и инклюзивного образования.

Аналогичные процессы проходят на территориях Белоруссии, Армении, Азербайджана, Грузии.

В России этот процесс проводится на уровне отдельных регионов, инициативных групп. Основная причина, как уже говорилось выше, отсутствие закона о специальном образовании.

Многие проекты осуществляются благодаря полученным грантам: г. Новодвинск Архангельской области – создание центра инклюзивного образования стало возможным благодаря российско-норвежскому проекту «Развитие системы сервисных центров социальной помощи семьям детей с ограниченными возможностями», международные программы Калининградской области и республики Карелия.

Наибольшего успеха в области инклюзивного образования достигли специалисты США. Доктор Джеймс Леско, ведущий специалист службы раннего образования для детей с особыми потребностями и без них (Делавэр, США), в докладе «Инклюзивные школьные сообщества: стратегии достижения успеха» провёл аналитическое сравнение интегрированного и инклюзивного образования. Интегрированное образование представляет собой систему помощи лицам с ограниченными возможностями в условиях «обычной» среды, а не в специальных школах. Плюсы – ребёнок с ограниченными возможностями и «нормальный» ребёнок имеют единое социальное пространство. Минусы – система обучения и воспитания остаётся неизменной. Ребёнок с проблемами в развитии либо адаптируется к системе, либо становится для неё неприемлемым. Инклюзивное образование строится на следующих принципах:

- все дети разные;
- все дети могут учиться;
- есть разные способности, раз-

личные этнические группы, разный рост, возраст, происхождение, пол.

Таким образом происходит адаптация системы к потребностям ребёнка.

Новый несокращённый универсальный словарь Вебстера (Webster's New Unabridged Universal Dictionary, 1994) определяет инклюзию (включение) как «процесс, при котором что-либо включается, то есть вовлекается, охватывается, или входит в состав, как часть целого».

Отделение раннего детства Совета по делам особенных детей (Ilene S. Schwartz, University of Washington Charlene Green, Clark County School District, Las Vegas, Nevada, 1993) определяет инклюзию как «...ценность, которая обеспечивает право всех детей вне зависимости от их способностей принимать активное участие в жизни общества в существующих в данный момент условиях».

Инклюзия – это принадлежность к сообществу (группе друзей, школе, тому месту, где живём). Быть инклюзивным означает искать пути для всех детей быть вместе во время обучения (включая детей с инвалидностью). Инклюзия означает раскрытие каждого ученика с помощью образовательной программы, которая достаточно сложна, но соответствует его способностям. Присутствие в школе инвалида, его молчаливое сидение на уроке – это не есть инклюзия. Доктор Джеймс Леско определил преимущества инклюзивного образования:

Инклюзивное образование подходит для всех учеников, не только для инвалидов. Помогает раскрыть и реализовать индивидуальные возможности каждого ребёнка. Вот почему школу инклюзивного образования называют школой будущего.

Существенными трудностями, которые мешают российским школам, в частности школам Санкт-Петербурга, перейти на форму инклюзивного образования, не являются только сложности материально-технического оснащения. Это недостаток знаний учителей и администрации образовательных учреждений о проблемах инвалидности и, вследствие этого, их неготовность к включению детей-инвалидов в процесс обучения.

В нашей стране накоплен большой опыт специального образования, не имеющий западных аналогов научных разработок. Для отечественной системы специального образования нужна особая концепция интегрированного, инклюзивного обучения. Необходим особый специалист, другая оценка образовательных программ и знаний учащихся. Общее и специальное образование всегда отличались

в своих подходах к оценке результата. При специальном обучении обсуждение и оценка результата фокусируется на прогрессе отдельных учеников, в то время как достижения общего образования обычно выражаются количеством школьников, достигших поставленной цели. Многие педагоги, родители и лица, определяющие школьную политику, не удовлетворены современной системой оценки итогов обучения. Хотя все согласны с тем, что возможность измерения результата важна в учёбе. Прийти к согласию в вопросе, что является важным и значительным итогом обучения, оказывается сложнее.

Инклюзивные школы расширяют профессиональные знания педагогов. Такое образование требует новых и более гибких способов преподавания, разработки учебных программ, которые бы были максимально эффективны для всех учащихся. Накопление профессионального опыта, который даёт работа в этих школах, поощряет непрерывное совершенствование специалистов.

Обычный учитель может быть успешен при условии, если:

- он достаточно гибок,
- ему интересны трудности и он готов пробовать разные подходы,
- он уважает индивидуальные различия,
- он может слушать и применять рекомендации других членов команды,
- он чувствует себя уверенно в присутствии другого взрослого в классе,
- он согласен работать с другими учителями в одной команде.

Основная деятельность учебного заведения инклюзивного образования:

Учебная, которая включает в себя:

- подготовку специалистов (учителей, специальных педагогов и психологов) для работы с лицами, имеющими специальные потребности, в условиях образовательных учреждений общего типа;
- повышение квалификации и переподготовку учителей и административных работников образовательных учреждений.

Работники, вовлечённые в процесс обучения, должны владеть стратегиями и процедурами, об-

легчающими процесс включения, т.е. социальную интеграцию среди сверстников, средством приспособления к широкому кругу возможностей ученика. Должны уметь выразить принятие и уважение индивидуальных особенностей обучения, применимость ко всем составным частям программы и привычной манере поведения в классе.

Методическая:

- определение принципов формирования индивидуальной программы обучения,
- разработка программ инклюзивного образования, учитывающих потребности каждого ученика,
- научно-методическая помощь и сопровождение образовательного процесса,
- профориентационная работа среди лиц с особыми потребностями.

Научная:

- изучение психофизических особенностей детей и подростков со специальными потребностями для определения эффективной модели инклюзивного образования.

Без специальной подготовки педагогического состава наших образовательных учреждений переход на систему инклюзивного образования (реализация положений Конвенции ООН о правах инвалидов) будет очень медленным и сложным.

Каждый ребенок, независимо от своих физических, психических, интеллектуальных, культурно-этнических и иных особенностей, имеет право на получение общего образования. Чтобы дети-инвалиды могли это право реализовать, в школах для них должны быть созданы особые условия. Но беда ряда нормативных документов министерства образования и науки в их оторванности от реальной жизни и понимания действительного бюджета школы, директору которой, даже если у него нет ни одного обращения семьи детей-инвалидов о поступлении на учёбу,

необходимо найти и вложить весьма значительные средства на данные мероприятия.

А если такие средства не найдены, то по статье 9.13 КоАП РФ наказание может быть достаточно серьёзным: "Уклонение от исполнения требований к обеспечению условий для доступа инвалидов к объектам инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры влечёт наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 2 до 3 тыс. рублей, на юридических лиц - от 20 до 30 тыс. рублей".

Давайте разберёмся, что же необходимо срочно сделать в школах.

Нормативные требования к созданию доступной среды для инвалидов

Требование к обеспечению беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной инфраструктуры, в т. ч. к школам, **закреплено в действующих нормативных актах.** В частности, согласно ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" Правительство РФ, органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления и организации независимо от организационно-правовых форм должны создавать условия инвалидам (включая инвалидов, использующих кресла-коляски и собак-проводников) для беспрепятственного доступа к объектам социальной инфраструктуры: жилым, общественным и производственным зданиям, строениям и сооружениям, спортивным сооружениям, местам отдыха, культурно-зрелищным и другим учреждениям.

За уклонение от исполнения требований к созданию условий инвалидам для беспрепятственного доступа к объектам социальной инфраструктуры должностные и юридические лица несут административную ответственность в со-

ответствии с законодательством РФ. В настоящее время такая ответственность установлена ст. 9.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.

Советы по оборудованию зданий и помещений для инвалидов с нарушением опорно-двигательного аппарата, зрения и слуха содержатся в Методических рекомендациях, нацеленных на устранение наиболее часто встречающихся барьеров на пути следования инвалидов и других маломобильных групп населения при посещении административных зданий и служебных помещений, установленных письмом Минздравсоцразвития России от 11.04.2012 № 30-7/10/2-3602.

С 1 января 2013 г. вступил в действие СП 59.13330.2012 «Свод правил. Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения. Актуализированная редакция СНиП 35-01-2001». В этом документе впервые в российском законодательстве используется термин "универсальный дизайн", который закреплен в Конвенции о правах инвалидов. "Универсальный дизайн" – это дизайн предметов, обстановок, программ и услуг, призванных сделать их максимально удобными для всех людей без дополнительной адаптации.

В то же время в письме Минрегиона России от 15.08.2011 № 18529-08/ИП-ОГ дано разъяснение, что актуализированные своды правил не отменяют действия предыдущих сводов. Ими необходимо руководствоваться до тех пор, пока не будут официально внесены изменения в Перечень национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона "Технический регламент о безопасности зданий и сооружений".

Таким образом, в настоящее время основным документом для проектировщиков и строителей любых зданий общественного назначения, в т. ч. образовательных учреждений, является старый СНиП 35-01-2001 «Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения», утвержденный постановлением Госстроя России от 16.07.2001 № 73.

Требования к доступности зданий и помещений для учащихся с разной формой инвалидности

Очевидно, что для детей-инвалидов с разными физическими и сенсорными возможностями требуются разные приспособления и оборудование, для того чтобы они могли посещать обычные школы по месту жительства. Для учащихся с нарушением опорно-двигательного аппарата вход в здание школы необходимо оборудовать пандусом с перилами с двух сторон. Поручни пандусов следует располагать на высоте 0,7 и 0,9 м. Ширина пандуса при одностороннем движении должна быть 0,9–1 м в свету между перил, максимальный уклон пандуса – 8%. При перепаде высот пола на путях движения 0,2 м и менее допускается увеличивать уклон пандуса до 10%.

Следует иметь в виду, что в нормативных документах уклон определяется в процентах (или как соотношение высоты подъема на длину пандуса по горизонтали), а не в градусах. 8% (1 : 12,5) соответствует 5°. Иными словами, если длина пандуса в 12,5 раз больше высоты крыльца, то уклон пандуса должен составлять 8%.

Для создания безбарьерной среды для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата требуется дорогостоящая реконструкция самого здания школы и подготовки его территории. Дети с сенсорными ограничениями (инвалиды по зрению и слуху) нуждаются в создании условий, компенсирующих имеющиеся у них ограничения жизнедеятельности

При благоустройстве территории школы необходимо от ближайшей остановки и парковки до крыльца здания организовать безбарьерный пешеходный путь. Для инвалидов по зрению должны быть предусмотрены предупреждающие и направляющие тактильные полосы. Встречающиеся на пути высокие бордюры в местах пересечения тротуара с проезжей частью нужно понизить до одного уровня с дорогой, ступеньки или перепады высот – выровнять либо продублировать пологим пандусом. Ступеньки наружного крыльца лестницы должны иметь высоту 0,12 м и ширину 0,4 м.

Дверь в здание школы должна открываться в сторону, противоположную от пандуса. Ширина рабочего полотна двустворчатой двери должна быть не менее 0,9 м. Один из турникетов на входе необходимо сделать без «вертушки» и шириной не менее 0,9 м для свободного прохода учащихся с нарушением опорно-двигательного аппарата, в т. ч. на инвалидных колясках.

В самом здании нужно организовать пути движения, учитывая, что:

- ширина пути при движении кресла-коляски в одном направлении должна быть не менее 1,5 м, при встречном движении – не менее 1,8 м;
- ширина прохода в помещении с оборудованием и мебелью должна быть не менее 1,2 м;
- конструктивные элементы внутри здания и устройства, размещаемые в габаритах путей движения на стенах и других вертикальных поверхностях, должны иметь закругленные края и не должны выступать более чем на 0,1 м на высоте от 0,7 м до 2 м от уровня пола;
- ковровые покрытия на путях движения необходимо плотно закрепить, особенно на стыках полотен и по границе разнородных покрытий;
- двери в помещения не

должны иметь пороги и перепады высот; нижнюю часть дверных полотен на высоту не менее 0,3 м от уровня пола необходимо защитить противоударной полосой от повреждения инвалидной коляской;

- прозрачные двери и ограждения должны быть из ударопрочного материала.

Лестницы внутри здания должны иметь закругленные, надежно закрепленные поручни, непрерывные по всей длине, а конструкция поручней – исключать возможность травмирования людей. Завершающие части поручня должны быть длиннее лестничного марша или наклонной части пандуса на 0,3 м. Если в школе больше одного этажа, здание необходимо оборудовать лифтом или подъемником.

Безбарьерную среду в школе необходимо постоянно поддерживать в рабочем состоянии, оперативно устранять недостатки, поломки.

Мебель и оборудование в классах нужно размещать с учетом досягаемости для инвалидов на колясках. Под столами и другими поверхностями должно быть свободное пространство на высоту около 0,65–0,7 м, чтобы они могли подъехать к ним вплотную. Проходы между рядами парт должны быть не менее 0,9 м. Доску желательно повесить чуть ниже обычного. Чтобы определить приемлемый уровень для колясочников, можно сесть на обычный стул и попробовать из этого положения дотянуться до доски. Перед доской должно быть достаточно места, чтобы ребенок на коляске или костылях свободно перемещался.

Оборудуя школьные туалеты, нужно обратить внимание на следующее:

- как минимум одна из раковин должна быть установлена на высоте не более 0,8 м от уровня пола и на расстоянии от боковой стены не менее 0,2 м;
- универсальная кабина

уборной, предназначенная для учащихся с инвалидностью, должна иметь ширину не менее 1,65 м и глубину не менее 1,8 м без раковины и 2,2 м при наличии раковины;

- возле унитаза следует предусмотреть пространство для размещения кресла-коляски и поручни; поручень с той стороны, с которой инвалид на кресле-коляске подъезжает и пересаживается на унитаз, должен быть откидным;

- высота унитаза должна соответствовать возрасту ребенка (специальный унитаз для колясочников имеет высоту, равную высоте сиденья инвалидной коляски, для старших классов она составляет 0,46–0,48 м);

- водопроводные краны должны быть рычажного или нажимного действия.

Мобильные подъемники или подъемные платформы не обеспечивают полной свободы перемещения, поэтому если в школе нет лифта, желательно оборудовать доступный туалет на каждом этаже.

Для слабовидящих учащихся, чтобы им было легче ориентироваться в здании, на отдельные конструктивные элементы и мебель должна быть нанесена маркировка. Так, например, для предупреждения о начале лестничного марша нижнюю и верхнюю ступени следует выделить контрастным (желтым или белым) цветом. На прозрачных полотнах дверей нужно сделать яркую контрастную маркировку высотой не менее 0,1 м и шириной не менее 0,2 м, расположенную на уровне не ниже 1,2 м и не выше 1,5 м от поверхности пути. Рабочее полотно двери необходимо выделить с помощью контрастной надписи, таблички или рисунка.

Важная визуальная информация в здании и помещениях школы должна быть выполнена крупным (высота прописных букв не менее 7,5 см) рельефно-контрастным шрифтом (на белом или желтом фоне). Для незрячих учащихся ее необходимо продублировать шрифтом Брайля.

Мебель в классах также долж-

на быть хорошо различимого контрастного цвета.

Для учащихся с нарушением слуха доступность школьной среды достигается за счет использования специальных световых сигналов, дублирующих звуковые: предупреждающих о начале и конце урока, о пожарной тревоге и т. п. То, что учащийся не может услышать, он должен иметь возможность увидеть и прочесть.

Разумеется, не каждая школа сегодня может выполнить все указанные выше рекомендации, однако к этому необходимо стремиться. Но в стремлении к абсолютному выполнению всех, безусловно правильных и актуальных требований, наверное есть смысл подумать о том, насколько они актуальны абсолютно для всех школ, и хватит ли реально на это сил и средств местных бюджетов, из которых финансируются школы. Возможно, есть смысл сначала выявить реальные и потенциальные потребности каждого микрорайона и сделать "меньше, но лучше"?

Литература:

1. Конвенция о правах инвалидов (заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006)
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.07.2013)
3. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" (ред. от 02.07.2013)
4. <Письмо> Минздравсоцразвития России от 11.04.2012 № 30-7/10/2-3602 <О методических рекомендациях, нацеленных на устранение наиболее часто встречающихся барьеров на пути следования инвалидов и других маломобильных групп населения при посещении административных зданий и служебных помещений>
5. Письмо Минрегиона России от 15.08.2011 № 18529-08/ИП-ОГ "О разъяснении статуса сводов правил – актуализированных СНиПов"
6. СП 59.13330.2012 "Свод правил. Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения. Актуализированная редакция СНиП 35-01-2001" (утв. приказом Минрегиона России от 27.12.2011 № 605)
7. СНиП 35-01-2001 "Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения" (утв. постановлением Госстроя России от 16.07.2001 № 73)
8. Перечень национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона "Технический регламент о безопасности зданий и сооружений" (утв. распоряжением Правительства РФ от 21.06.2010 № 1047-р)

Е.Г. ИВАНОВА, старший преподаватель кафедры психологии НОИР
E. Ivanova, senior teacher of Department of psychology of NOIR

Адаптация как категория современной науки Adaptation as a category of modern science

Аннотация: Проблема адаптации относится к числу сложных и неоднозначных вопросов научного знания, она выступает объектом исследования различных областей науки (философии, физиологии, психологии, педагогики и многих других). Следует заметить, что представители различных наук рассматривают проблему адаптации под тем углом зрения, который свойственен данной области знаний. В связи с этим в литературе не однозначен подход к данной проблеме: предлагаются различные её дефиниции, а также различные методы изучения. Точки зрения известных учёных на проблему адаптации исследует автор.

Abstract: the Problem of adaptation refers to the number of complex and controversial issues of scientific knowledge, it is the object of research in various fields of science (philosophy, physiology, psychology, pedagogy, and many others). It should be noted that representatives of different Sciences consider the problem of adaptation of the right angle of view, which is peculiar to this field of knowledge. In this regard, the literature is not unique approach to the problem: there are different definitions and different methods of study. The point of view of famous scientists on the problem of adaptation explores the author.

Ключевые слова: адаптация, психология, человек, процесс, конфликт, стресс, практика, центральная нервная система, организм, внешняя среда, бихевиоризм, приспособление.

Key words: adaptation, psychology, people, process, conflict, stress, practice, Central nervous system, the body, the external environment, behaviorism, fixture.

Среди актуальных проблем современного научного знания проблема адаптации занимает особое место. Мало что может сравниться с адаптацией по сложности изучения и важности для жизни. Выживание и успешное функционирование любого биологического вида определяется наличием в его поведении как адекватного условиям среды приспособительного механизма, так и использованием разнообразных адаптивных стратегий.

Последствия социальных и экономических потрясений последних десятилетий привели к увеличению числа людей, которые в той или иной сфере жизнедеятельности столкнулись с проблемой нарушения адаптации, то есть с различными видами дезадаптации. Поэтому перед современной наукой стоит задача создания пригодных для практики методов повышения адаптивных возможностей человека и предотвраще-

ния дезадаптации. Но не следует забывать, что пригодный для практики (действенный, а не «мёртворожденный») метод базируется на глубоком теоретическом анализе сущности изучаемого феномена. Таким образом, если следовать давно существующему в науке принципу природосообразности, то можно сказать, что разработке методов повышения адаптивных возможностей и предотвращения дезадаптации должно предшествовать глубокое изучение природы самого феномена адаптации.

Вследствие того, что проблема адаптации относится к числу сложных и неоднозначных вопросов научного знания, она выступает объектом исследования различных областей науки (философии, физиологии, психологии, педагогики и многих других). Следует заметить, что представители различных наук рассматривают проблему адаптации под тем углом зрения, который свойственен дан-

ной области знаний. В связи с этим в литературе не однозначен подход к данной проблеме: предлагаются различные её дефиниции, а также различные методы изучения.

Термин «адаптация» (приспособление) введён в научный оборот немецким физиологом Г. Аубертом (1865) и изначально использовался в биологических науках. Адаптация в том смысле, как понимал её Г. Ауберт, означала явление приспособления чувствительности органа зрения (или органа слуха) к действию раздражителей. Позднее было обнаружено, что функционирование всех органов чувств связано с явлением адаптации. Это положило начало серьёзному изучению проблемы адаптации, которая в дальнейшем вышла за рамки эволюционной теории и общей биологии, стала проникать в медицину, социологию, психологию и другие науки.

Современные справочные, научные и научно-популярные из-

дания содержат многообразие дефиниций категории «адаптация», анализ которых позволяет сделать вывод о том, что по объёму и содержанию понятие носит междисциплинарный характер и требует осторожного и рафинированного обращения. Так, Ю.А. Урманцев (1998) обращает внимание на следующие недостатки дефиниций рассматриваемого понятия: тавтологичность и, вызванное этим обстоятельством, отсутствие указаний на существенные, специфические, выделяющие именно адаптацию, признаки; отражение, как правило, одного (реже двух, трёх) аспектов адаптации из многообразия существующих; вызванное этим отсутствием корректного определения вообще, а тем самым и методологических указаний о возможных путях развития учения об адаптации.

Большинство определений адаптации содержит в себе в качестве таксономической категории этимологический дескриптор «приспособление» (от латинского *adaptatio*). М.А. Березин¹ указывает на возможность выделить несколько групп определений понятия адаптации.

В наиболее общем виде определения первой группы имеют вид: «Адаптация – это приспособление...» Подобные определения представляют адаптацию исключительно через приспособление как процесс. При этом за пределами определений остаётся сущность, содержание этого процесса. Более того, в литературе встре-

чаются определения адаптации, в которых эти дескрипторы приводятся одновременно («процесс приспособления» или даже «комплекс процессов»), что создаёт впечатление синонимии и, отчасти, тавтологии.² В более узком контексте адаптация рассматривается как процесс взаимодействия человека и социальной среды с целью сохранения гомеостаза.³

Другую группу дефиниций составляют определения, раскрывающие понимание адаптации как результата процесса приспособления, при этом предпринимаются попытки терминологически развести процесс адаптации (адаптациогенез) от адаптации как результата приспособительного процесса.⁴ Подобные точки зрения фиксируют детерминистскую причинно-следственную природу адаптации: адаптация – результат является следствием адаптации – процесса. Предполагается, что адаптация – результат отражает количественную характеристику явления, а адаптация – процесс – его качественную сторону.⁵

Кроме того, имеются точки зрения на то, что достижение состояния адаптации является результатом деятельности системы^{6,7}. Как следствие, в отечественной литературе по проблеме отмечаются точки зрения, объединяющие эти позиции, например: «Под психической адаптацией понимаются процессы и явления, наблюдаемые на уровне нервно-психической деятельности... представляющие собой психическую регуляцию в

ситуации неразрешимых привычными средствами конфликтов и связанной с этим крайне высокой степенью психической напряжённости, в состоянии стресса».⁸

Значительно реже встречаются определения адаптации через другие ключевые дескрипторы, например, через условия и латентные свойства явления: «Адаптация – способность человека, функциональная возможность его центральной нервной системы приспособливаться к условиям окружающей среды»⁹; «Адаптация... выражается в способности человека... менять способы социального и природного приспособления...»¹⁰

В некоторых дефинициях центральными конструкциями являются «нестандартные» дескрипторы: «Адаптация (психическая) – совокупная деятельность биологической и социально-психологической подсистем психики»¹¹; «Адаптация – совокупность морфофизиологических, поведенческих, популяционных и других особенностей данного биологического вида...»

Содержание понятия «адаптация» можно трактовать как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле основное внимание уделяется филогенетическому аспекту. При этом адаптация понимается как форма отношения организмов к внешней среде, которая обуславливает выживание достаточного количества индивидуумов для сохранения вида.¹² Адаптация в узком смысле предполагает ана-

1 Березин М.А. К вопросу о терминах, связанных с феноменологией психической адаптации // Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность: Материалы Сибирского психологического форума. 16-18 сентября 2004 г. – Томск: Томский государственный университет, 2004. – С. 341–346.

2 Большая советская энциклопедия. Т. 1 / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – С. 622.

3 Бурлачук Л.Ф., Коржова Н.Ю. Психология жизненных ситуаций. – М, 1998. – С. 70, 78.

4 Большая советская энциклопедия. Т. 1. – С. 622.

5 Дичев Т.Г., Тарасов Ю.Е. Проблема адаптации и здоровье человека. – М., 1976.

6 Александровский Ю.А. Пограничные нервно-психические расстройства. (Руководство для врачей). – М.: Медицина, 1993. – С. 34.

7 Немчин Т.А. Нервно-психическое напряжение. – Л.: Медицина, 1983. – С. 83.

8 Воробьев В.М. Психическая адаптация как проблема медицинской психологии и психиатрии // Обзор. психiatr. и мед. психол. им. В.М. Бехтерева. – 1993. № 2. – С. 34.

9 Гиндикин В.Я. Лексикон малой психиатрии: Справочное издание. – М.: Крон-пресс, 1997. – С. 67.

10 Изуткин А.М., Петленко В.П., Царегородцев Г.И. Социология медицины. – Киев: Здоров'я, 1981. – С. 37.

11 Александровский Ю.А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация. – М.: Наука, 1976. – С. 23.

12 Философские проблемы теории адаптации / Под ред. Г.И. Царегородцева. – М., 1975. – С. 35.

лиз процесса взаимодействия организма со средой и изучение его роли в индивидуальной жизни организма, то есть уделяется внимание онтогенетическому аспекту.

В современной науке также существуют различные аспекты изучения проблемы адаптации человека. Так Е.В. Филиппова, В.И. Лубовский (2003) выделяют: биологический и социальный аспекты.

Биологический – общий для человека и животных – включает приспособление организма к изменяющимся условиям внешней среды. Адаптация живых организмов к окружающей среде рассматривается в эволюционно-историческом аспекте. Такой подход был обоснован Ч. Дарвином¹³, Ж. Бюффеном¹⁴. Развитие и адаптация выступают важнейшими характеристиками эволюционного процесса. Важно то, что при изучении явления биологической адаптации выявляется её диалектическая противоречивость: она – и процесс, и результат, причём проводится разграничение адаптации–результата от адаптации–процесса.

Под социальной адаптацией понимается процесс активного приспособления индивида к условиям социальной среды посредством усвоения им представлений о нормах и ценностях данного общества (как в широком смысле, так и применительно к ближайшему социальному окружению – общественной группе, трудовому коллективу, семье). Само развитие личности связывается некоторыми учёными с её способностью к жизненному приспособлению. Так, К. Юнг личностью, или персоной, называет такой комплекс функций, который обеспечивает приспособление человека к внешнему миру.

Исследование адаптации в биологии связано с именами отече-

ственных учёных И.М. Сеченова, И.П. Павлова, И.Е. Введенского, А.А. Ухтомского. Основным в понимании феномена адаптации является выдвинутое И.М. Сеченовым положение о взаимодействии организма и среды.

Роль поведения в процессе адаптации к окружающей действительности рассматривалась И.П. Павловым.¹⁵ Реагирование организма на среду, позволяющие поддерживать внутреннее равновесие, он назвал восстановлением «внутреннего равновесия» (И.П. Павлов, 1951). Открытые им условно-рефлекторные механизмы служили достижению «уравновешивания» организма с этой средой. В 1903 году в своей программной речи «Экспериментальная психология и психопатология на животных» Павлов говорил: «К сожалению, мы не имеем до сих пор чисто научного термина для обозначения этого основного принципа организма – внутренней и внешней уравновешенности его».¹⁶

Позднее У. Кэннон (Walter Cannon) назвал такую «уравновешенность» гомеостазом (от греческих *homoios* – подобный, сходный и *stasis* – стояние, неподвижность). Следует заметить, что Кэннон фундаментально обосновал предложенную ещё в 1878 году французским учёным К. Бернарром¹⁷ идею о саморегуляции постоянства внутренней среды организма, её веществ и процессов, о мудрости защитных реакций и автоматизме работы внутренних органов. В книге «The Wisdom of the Body» («Мудрость тела») Кэннон (1929) определяет гомеостаз как «совокупность скоординированных реакций, обеспечивающих поддержание или восстановление постоянства внутренней среды организма».

Неспецифические компоненты и стадии физиологической адаптации описаны в [1936 году](#) канадским физиологом Г. Селье¹⁸ как общий адаптационный синдром, или стресс (англ. stress – давление; нагрузка; напряжение). Следует заметить, что впервые термин «стресс» в физиологию и психологию ввёл ещё У. Кэннон. Селье первоначально избегал употребления термина «стресс», так как тот использовался для обозначения «нервно-психического» напряжения (синдром «бороться, или бежать»). Только в 1946 году он начал использовать термин «стресс» для обозначения адаптационного синдрома. Следует заметить, что постепенно понятие стресса получило самые разнообразные толкования, особенно в психогигиеническом контексте. При этом нередко упускается из виду, что, согласно Г. Селье, стресс выступает нормальной, естественной приспособительной реакцией на постоянно меняющиеся внешние условия. Селье считал, что стресс сложился в процессе эволюции как необходимое неспецифическое звено более сложного целостного механизма адаптации. Полная свобода от стресса означала бы смерть.

Проблема адаптации также занимает важное место в исследованиях отечественных (Б.Г. Ананьев, Ф.Б. Березин, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьева, А.В. Петровского и др.) и зарубежных (Г. Гатман, Н. Миллер, Р. Хоманс, Р. Хенки, Л. Филлипс и др.) психологов. Несмотря на большое количество исследований проблем адаптации в психологии, остаётся ещё очень много неясного в понимании сущности, видов и структуры этого феномена, а также определяющих его факторов. Хотя вопросы адаптации рассматриваются во многих рабо-

13 Дарвин Ч. Сочинения. Т. 5: Происхождение человека и половой отбор / Ред. Е.Н. Павловский. – М.: Изд-во АН СССР, 1953.

14 Бюффон Ж. Всеобщая и частная естественная история. – СПб., 1989.

15 Павлов И.П. Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 3. Кн. 1 и 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

16 Ярошевский М.Г. Уолтер Кеннон, Иван Павлов и проблема эмоционального поведения // Вопросы психологии. – 1995. № 6. – С. 55–65.

17 Bernard C. Les phenomenes de la vie. Paris, 1878.

18 Selye H.A Syndrome Produced by Diverse Nocuous Agents. Nature. Vol. 138, July 4 (1936). P. 32.

тах З. Фрейда. А в ставшей классической работе Анны Фрейд «Эго и механизмы защиты»¹⁹ рассмотрены механизмы, процессы защитной адаптации. Право называться создателем психоаналитической концепции адаптации по праву принадлежит немецкому психоаналитику Г. Гартманну (H. Hartmann).

Адаптация, согласно Г. Гартманну, включает как процессы, связанные с конфликтными ситуациями, так и те процессы, которые входят в свободную от конфликтов сферу Эго.²⁰ Гартманн и другие психоаналитики проводят различие между адаптацией как процессом и адаптированностью как результатом этого процесса.²¹ Хорошо адаптированным психоаналитики считают человека, у которого не нарушены продуктивность, способность наслаждаться жизнью и психическое равновесие. В процессе адаптации активно изменяется как личность, так и среда, в результате чего между ними устанавливаются отношения адаптированности. Учёный считает процесс адаптации человека многослойным, причём представление об уровне адаптации лежит в основе концепции здоровья человека.²²

Дальнейшее развитие представлений об адаптации нашло своё отражение в трудах Э. Фромма (Erich Fromm). В книге «Бегство от свободы» Фромм ставит вопрос о необходимости различать адаптацию статическую и динамическую. Статическая адаптация – это приспособление, при котором «характер человека остаётся неизменным и постоянным и возможно появление только каких-либо новых привычек». Динамическая адаптация – приспособление к внешним

условиям, стимулирующее «процесс изменения характера человека, в котором проявляются новые стремления, новые тревоги».²³ Невроз, по мнению Э. Фромма, пример динамической адаптации к иррациональным условиям, неблагоприятным для психического и физического развития.

Психоаналитическая теория адаптации человека является в настоящее время одной из самых разработанных. Психоаналитики создали широкую систему понятий и открыли ряд тонких процессов, с помощью которых человек адаптируется к социальной среде. По справедливому замечанию А.А. Налчаджяна, многие вопросы психологии адаптации личности впервые сформулированы представителями психоанализа и ряд достижений психоаналитиков в этой области (например, открытие и довольно подробное описание целой системы защитных механизмов) представляет непреходящую ценность для психологии.²⁴

В зарубежной психологии значительное распространение получило необихевиористское (Г. Айзенк, Р. Хэнки) определение адаптации, которое используется, например, в работах Г. Айзенка и его последователей. Адаптацию (adjustment) они определяют двояко: состояние, в котором потребности индивида, с одной стороны, и требования среды – с другой, полностью удовлетворены. Это состояние гармонии между индивидом и природной или социальной средой; процесс, посредством которого это гармоническое состояние достигается.²⁵

В отличие от понятия «приспособление» (adjustment), активно используемое необихевиористами,

у сторонников интеракционистского направления адаптация относится к более стабильным решениям – хорошо организованным способам разрешать типичные проблемы.²⁶ Интеракционисты считают, что все разновидности адаптации обусловлены как внутриспсихическими, так и средовыми факторами. Согласно Л. Филипсу, адаптированность выражается двумя типами ответов на воздействия среды: в принятии и эффективном ответе на те социальные ожидания, с которыми человек встречается в соответствии со своими воззрениями и полом; не только в принятии социальных норм, но и в гибкости, эффективности при встрече с новыми и потенциально опасными ситуациями, а также в способности придавать событиям желаемое для себя направление.²⁷

Взгляды интеракционистов на адаптацию отличаются от бихевиористского подхода тем, что проводится различие между адаптацией и приспособлением, тогда как бихевиористы для всех случаев используют термин «приспособление». Также интеракционисты указывают на необходимость различать ситуативную и общую адаптацию к типичным проблемным ситуациям.

Бихевиористская, интеракционистская и особенно психоаналитическая интерпретации психической адаптации являются наиболее распространёнными и содержат много полезных идей, удачных формулировок проблем и указания путей дальнейших эмпирических и теоретических исследований. Однако приведённые определения только частично отражают существенные особенности адаптации личности.

19 Freud A. Das ich und die Abwehrmechanismen. L., 1946.

20 Hartmann H. Ego psychology and the Problem of adaptation. NY, 1958. P. 10.

21 Там же. С. 24.

22 Там же. С. 32.

23 Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2009.

24 Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). – Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1988. – С. 16–17.

25 Encyclopedia of Psychology. H.J. Eysenck, W. Arnold, R. Meili (EDS.). Herder & Herder, N-Y, 1972. Vol. 1. P. 25.

26 Шибутани Тамотсу Социальная психология. – Ростов-на-Дону, Феникс, 2002 г. – С. 78.

27 Philips L. Human adaptation and his failures. N-Y&London, 1968. P. 71.

В совершенно ином аспекте проблема адаптации рассматривается в тех научных направлениях, которые сконцентрировались на изучении познавательных процессов и рассматривают их становление по приспособительному принципу.

Важнейший вклад в разработку широкого понятия адаптации внёс швейцарский психолог Ж. Пиаже. Согласно его концепции организму свойственны две основные функции – организация и адаптация. Функции – это биологически присущие организму способы взаимодействия со средой. Каждый акт поведения представляет собой определённую структуру, а её динамический аспект составляет адаптация, которая состоит в балансе процессов ассимиляции и аккомодации. В результате внешних воздействий у субъекта происходит включение нового объекта в уже существующие схемы действия. Этот процесс называется ассимиляцией. Если новое воздействие не полностью охватывается существующими схемами, то происходит перестройка этих схем, их приспособление к новому объекту. Этот процесс прилаживания схем субъекта к объекту называется аккомодацией.

Указанные процессы тесно связаны между собой и опосредствуют друг друга (что не исключает в каждом конкретном случае ведущей роли какого-либо из них). «Точно так же, – писал Пиаже, – как нет ассимиляции без аккомодации (предварительной или текущей), так нет и аккомодации без ассимиляции».²⁸

В отечественной психологии проблема адаптации разрабатывается в трудах К.К. Платонова, Г.М. Андреевой, Р.Д. Атаеваой, Ф.Б. Березина, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбовича, А.Р. Кудашева, А.А. Налчад-

жяна, А.В. Петровского, А.А. Реана.

К.К. Платонов²⁹ выделяет несколько взаимосвязанных видов психической адаптации (и, соответственно, дезадаптации) человека, которые рассматриваются им как структурные компоненты адаптационного процесса:

1. Психофизиологическая адаптация, или свойство организма целесообразно перестраивать физиологические функции в соответствии с требованиями среды.

2. Собственно психологическая адаптация, нарушения которой связаны с напряжённостью, психологическим стрессом.

3. Психосоциальная адаптация, или адаптация личности к общению с новым коллективом.

Похожий взгляд на составляющие психической адаптации высказывает Ф.Б. Березин, согласно которому адаптация может быть представлена тремя аспектами: социально-психологическим, проявляющим себя в адекватной организации макросоциального взаимодействия; собственно психологическим, цель которого – поддержание психического гомеостаза, сохранение психического здоровья; психофизиологическим аспектом – оптимальная организация психофизиологических соотношений, сохранение соматического здоровья.³⁰ Автор подчёркивает неотъемлемую взаимосвязь всех компонентов, определяющую установление адекватных соотношений между психической деятельностью, обуславливающей поведение, и физиологическими механизмами, которые это поведение обеспечивают.

По определению Ц.П. Короленко³¹, под «психической адаптацией» понимается адаптация на уровне психических функций, в их инте-

гральной связи, она является наиболее высоким уровнем адаптации. Психофизиологическая же адаптация отражает адаптацию не только на уровне психической сферы, но и связанных с ней физиологических функций, причём это разделение в значительной мере условно.

К вышеназванным близка позиция А.П. Коцюбинского, Н.С. Шейниной³², по мнению которых психическая адаптация состоит из трёх взаимосвязанных блоков: биологического, психологического и социального. Структурные компоненты адаптации выделены в соответствии с представлениями о трёх уровнях психической регуляции – биологическом, индивидуально-личностном и личностно-средовом. При этом каждая из компонент психической адаптации, в свою очередь, имеет собственную сложную структуру.

Таким образом, для современной науки важно постижение феномена адаптации и адаптациогенеза в единстве их биосоциальных детерминант и компонентов. Термин, появившийся первоначально в биологии, может быть отнесён к таким общенаучным понятиям, которые, по словам Г.И. Царегородцева, возникают на «стыках», «точках соприкосновения» наук или даже в отдельных областях знаний и распространяются в дальнейшем на многие сферы естественных и социальных наук. Адаптация, как общенаучное понятие, содействует синтезу знаний различных (природных, социальных, технических) систем. В этой связи вполне обоснованной представляется точка зрения Ф.Б. Березина³³, который рассматривает адаптационную концепцию как один из перспективных подходов к комплексному изучению человека.

28 Piaget J. *Biology and Knowledge*. Chicago, 1971. XII. P. 8.

29 Платонов К.К. *Структура и развитие личности*. – М.: Наука, 1986.

30 Березин Ф.Б. *Психическая и психофизиологическая адаптация человека*. – Л.: Наука, 1988.

31 Короленко Ц.П. *Психофизиология человека в экстремальных условиях*. – Л.: Наука, 1978.

32 Коцюбинский А.П., Шейнина Н.С. *Об адаптации психически больных // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева*. – 1996. № 1–2. – С. 203–212.

33 Березин Ф.Б. *Психическая и психофизиологическая адаптация человека*. – Л., 1988.

М.В. ЗАХАРЧЕНКО, доктор философских наук, профессор,
 Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования
 M. Zakharchenko, doctor of philosophical Sciences, Professor,
 Saint Petersburg Academy of postgraduate pedagogical education

Духовно-нравственная культура как категория (Проблема категориального разворачивания понятия)

Spiritual-moral culture as a category (The problem categorical expand the concept)

Аннотация: Можно говорить о специфической ситуации в научно-практическом педагогическом дискурсе. Категории «духовно-нравственное развитие», «духовно-нравственная личность», «духовно-нравственное воспитание» вполне институционализированы, методологические же основания, на основе которых можно развивать теоретические представления о духовно-нравственном развитии и воспитании, не проработаны. Это порождает весьма специфическую ситуацию лавинообразного роста всяческих терминов с прилагательным «духовно-нравственный». Насколько обосновано их появление и как оно связано с развитием культуры и общества в целом стремится автор публикации.

Abstract: We can talk about the specific situation in the scientific and practical pedagogical discourse. Category "spiritually-moral development", "spiritual and moral personality", "spiritual and moral education" it is institutionalized, methodological same grounds on which one can develop theoretical understanding of the spiritual and moral development and education, is not elaborated. This gives rise to the very specific situation of exponential growth of all kinds of terms with the adjective "moral". How justified their appearance and how it relates to the development of culture and society seeks the author of the publication.

Ключевые слова: культура, нравственность, образование, личность, теология, религиозное образование, социокультурные ценности, антропология, педагогика, герменевтика

Key words: culture, morality, education, personality, theology, religious education, socio-cultural values, anthropology, education, hermeneutics

Категория духовно-нравственной культуры сегодня используется достаточно широко, однако теоретическое осмысление её находится на начальной стадии. Есть авторы, которые подвергают сомнению осмысленность такого сочетания категорий: не является ли духовно-нравственная культура пустым понятием? Необходимо со всей серьёзностью отнестись к такой проблематизации.

В законе «Об образовании» присутствуют два понятия с прилагательным «духовно-нравственный»: формирование и развитие личности [человека] в со-

ответствии с принятыми в семье и обществе духовно-нравственными и социокультурными ценностями (ст. 12 п.1) и в напрямую связанной с теологией религиозным образованием формулировке названия ст.87 «Особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации. Особенности получения теологического и религиозного образования»

Понятие духовно-нравственного развития хорошо раскрыто и обосновано в докторской диссертации игумена Георгия (Шестуна). Он раскрывает это понятие через систему кате-

горий, среди которых – духовно-нравственное становление, развитие индивидуальных способностей, личностное развитие. Раскрывая понятие, Шестун эксплицирует специфическую онтологию, коррелирующую с традициями христианского богословия.

Категория «духовно-нравственное воспитание» широко представлена в педагогике сегодня: оно вполне институционализировано в научно-практическом педагогическом дискурсе. Наиболее заметное явление в институционализации понятия духовно-нравственного воспитания за последний год – широкое обсуждение Концепции

Духовно-нравственного воспитания (авторы Данилюк, Кондаков, Тишков) в составе проекта ГОС нового поколения. Однако теоретическое содержание категории разрабатывается явно недостаточно. В диссертационных исследованиях оно присутствует скорее эксплицитно. Методология логической разработки данного понятия обсуждалась не активно.

Таким образом, можно говорить о специфической ситуации в научно-практическом педагогическом дискурсе. Категории «духовно-нравственное развитие», «духовно-нравственная личность», «духовно-нравственное воспитание» вполне институционализированы, методологические же основания, на основе которых можно развивать теоретические представления о духовно-нравственном развитии и воспитании, не проработаны. Это порождает весьма специфическую ситуацию лавинообразного роста всяческих терминов с прилагательным «духовно-нравственный». Исследования, статьи, методические разработки, конкурсные работы полны такими терминами, как «духовно-нравственные аспекты», «духовно-нравственные мероприятия», «духовно-нравственные уроки», «духовно-нравственные методики».

Очевидно, что далеко не все понятия допускают прилагательное «духовно-нравственный». Сегодня, однако, когда интерес к духовному измерению жизни общества перемещается если не в центр, то на заметное место в публичном дискурсе, авторы легко поддаются соблазну «попасть в тему» простым механическим встраиванием указанного прилагательного в привычные категориальные схемы. Прилагательное порой появляется на страницах изданий в самых причудливых сочетаниях. Таким причудливым сочетанием представляется нам понятие «духовно-нравственная грамотность», введённое коллективом авторов под руководством

Адамского в проекте ГОС общего образования. Совершенно невозможным представляется также понятие «духовно-нравственная компетентность», – однако такое сочетание уже встречается в педагогическом дискурсе. Никто пока не употребил категорию «духовно-нравственные технологии», – но это вполне прогнозируемое явление в условиях полного отсутствия каких-либо критериев вкуса в сфере категориального развития педагогической науки в современной России.

Тезис, который я хочу зафиксировать жёстко: среди педагогических терминов с прилагательным «духовно-нравственный» возможно и реально наблюдается появление пустых терминов. То есть тех, которые не отражают никакой реальности и в лучшем случае бесполезны, а по большей части вредны для решения актуальных задач развития образования в России, которое должно обеспечивать укрепление нравственного достоинства человека. Думаю, сегодня мы можем утверждать, что по этому приоритету развития образования в России достигнуто бесспорное общественное согласие.

Тогда необходимо ставить отчётливую задачу: должна быть разработана методология, позволяющая построить рефлексивную систему понятий, в логике разворачивания которой понятия с прилагательным «духовно-нравственное» не будут пустыми. На такой основе могут быть сформулированы чёткие критерии, позволяющие выявлять специфическую взаимосвязь понятий, содержащих в своей структуре определение «духовно-нравственный».

В настоящей статье я предлагаю рефлексивные размышления о возможных подходах к формированию такой методологии.

Стартовая точка размышления – анализ вхождения понятия «духовно-нравственная культура» в тезаурус современного научно-

практического дискурса. Линия, которую я могу здесь рефлексивно анализировать, связана с одной из его частей – с педагогическим дискурсом.

Понятие духовно-нравственной культуры формулирует академик В.С. Леднев в контексте проблем развития содержания образования. Он формулирует его на основе авторского подхода к теории учебного плана. Эти подходы в значительной мере определили структуру ещё действующих ныне ГОС общего образования. Ключевым понятием в этом подходе является понятие образовательной области.

Морфология содержания образования моделируется на основе ключевой идеи об изоморфизме структуры личности, структуры культуры и структуры учебного плана. Согласно этой модели, цель образования состоит в том, чтобы обеспечить передачу полноты культурной традиции из поколения в поколение. Структуры «объективированной» культуры в процессе образования преобразуются в структуры личности, способной действовать согласно формам, нормам и принципам культуры. «Опосредующей» системой, организующей этот процесс обмена структур личности и структур культуры, является образовательная область как единица структуры содержания образования. Так, если мы говорим о трудовой, физической, правовой, гуманитарной, информационной культуре общества, мы формируем соответствующие образовательные области, ответственные за формирование соответственно трудовой, физической и пр. «культур» личности. Следуя этой логике, академик Леднев разработал методологию включения в структуру учебного плана образовательной области «информационная культура». Её освоение занимает сегодня ведущее место в потоке инновационных процессов.

Схема В.С. Леднева обладает высоким конструктивным потенциалом. Она очень полезна в ка-

честве принцип-схемы при моделировании процессов разработки организационно-педагогических моделей и моделей распределения содержания образования по структурным компонентам учебно-воспитательного процесса. Однако она предполагает имплицитное смысловое согласие по таким сложным вопросам, как структура личности и структура культуры. Если такового нет, она сильно дефицитна. Прежде всего: она не содержит критериев определения того, набор каких «культур» необходим и достаточен для реализации педагогического идеала. Не содержит она и никаких оснований для раскрытия какого-то определённого педагогического идеала. Эта схема основана на ряде предпосылок, которые имеют свой генезис в традициях теории и практики отечественной школы. Педагогический идеал – это «всесторонне развитая личность». Культура – это труд, познание, крепость тела, готового к труду и обороне, общение, искусство. На основе этих представлений В.С. Леднев выделяет изоморфный набор «культур» общества и личности: познавательную, коммуникативную, трудовую, физическую, эстетическую. Эти пять «культур» задавали структуру классического учебного плана. Потом В.С. Леднев добавил к этому списку культур информационную, отталкиваясь от идеи трансформации традиционного общества в информационное, вследствие чего существенно изменяется структура культуры. В этой же логике он начал обсуждать проблему включения в структурную модель ещё одного компонента – того, который должен обеспечить целостность всей структуры. Так он выдвинул идею духовно-нравственной культуры. В публикациях эта идея не нашла отражения. Процесс происходил на серии семинаров в ИОСО РАО на рубеже тысячелетий.

Хочу акцентировать внимание на том, что проблема духовно-нравственной культуры как

структурного компонента общественной и личностной культуры появляется в связи с проблематикой целостности и полноты. Я полагаю, что здесь скрыт исходный пункт любого дискурса о духовно-нравственной культуре: понятие духовно-нравственной культуры отображает проблему целостности личности и целостности культуры.

В логике Леднева идея целостности в полной мере коррелировала с идеей полноты. Полнота набора структурных компонентов моделирования личности или культуры, а значит и областей учебного плана, напрямую связывалась с ответом на вопрос: какой набор структурных элементов обеспечивает целостность? Только такой набор элементов мог рассматриваться как полный. Идея духовно-нравственной культуры как структурного элемента учебного плана появляется у В.С. Леднева именно из строгой фиксации: существующее представление о структуре личности неполно. Стандартный набор «культур» не даёт возможности формирования целостной личности. Понятие духовно-нравственной культуры вводится как понятие о ключевом элементе, который восполняет набор элементов до целостности. Духовно-нравственная культура общества как элемент культуры общества восполняет культуру общества до целостности, духовно-нравственная культура личности как элемент восполняет культуру личности до целостности, духовно-нравственная культура как элемент содержания образования восполняет содержание образования до целостности.

Мы, следовательно, можем сделать ещё один шаг в утверждении, что в основании модельного представления В.С. Леднева положена специфическая онтологическая и антропологическая модель «целостного бытия» и «целостной личности», характерная для размышлений отечественных педагогов на протяжении столетий. Эта

онтологическая модель укоренена в классической метафизике (в данном случае имеется в виду не метод, противопоставленный диалектике, а философская традиция мышления, исходящего из трансцендентных принципов и начал). Он получил впервые своё философское выражение в категориях античной философии – «идеи» или «эйдосы» Платона, «энтелехия» и «форма» Аристотеля и составил основу также и логических структур христианского богословия. Этот подход был отвергнут в русле философского материализма и позитивизма. Для Аристотеля целое не складывается из частей, но предпослано как энтелехия бытия, обнаруживающая себя в процессе раскрытия сущности существующего. Для материализма, полагающего в основу атомистический принцип (начиная с Демокрита), целое складывается из частей и не представляет из себя ничего иного, нежели специфически соединённые части. Единство и целостность – это категории мышления, они «в действительности» не существуют. Демокрит заявил этот принцип лапидарно: «вещи существуют во мнении, в действительности же существуют атомы и пустота». В логике системного и синергического подходов происходит некоторая корректировка этого представления. Говорят о системном или синергическом эффектах. Существует «системный эффект»: произвольный набор элементов не образует систему. Только определённый их набор, приведённых в специфические взаимоотношения, даёт специфический «эффект системы», некоторое приращение качества, другой уровень бытия. Так объясняется, например явление жизни. Жизнь – это «системный эффект» специфического взаимодействия достаточно большого набора неживых элементов.

В принципе, модель Леднева можно пытаться толковать и в категориях системного эффекта или в категориях синергии. Мне важ-

но акцентировать здесь внимание на следующем. Введение понятия духовно-нравственной культуры выводит нас за пределы чисто деятельностной картины педагогического процесса.

Принципы описания педагогической реальности, в которой должны происходить процессы духовно-нравственного становления личности, требуют моделирования своеобразной «методологической матрицы». Система принципов разворачивается на трёх уровнях. Это принципы онтологические, антропологические и деятельностные.

Педагогическая наука привыкла сегодня сразу требовать ответа на вопрос: «что будем делать». Она как будто предполагает решёнными ответами на вопросы – кто будет делать? Каков предмет его деятельности? В каком мире всё это происходит? Какова система представлений о бытии тех, кто осуществляет деятельность? Какова их – пользуясь терминами Хайдеггера – метафизическая позиция?

Оставляя за пределами статьи содержательную сторону данных проблем, акцентирую внимание на формальной: развитие методологии, позволяющей решать задачи духовно-нравственного воспитания, требует существенного развития методологии педагогических исследований, значительного повышения места и роли исследований антропологических и онтологических оснований педагогической деятельности.

Этим рефлексивным суждением я хочу закончить первую линию исследования вопроса о вхождении понятия «духовно-нравственная культура» в педагогический дискурс.

Вторая линия исследования связана с рефлексией социокультурных оснований, на которых развивались идеи о духовно-нравственной культуре как элементе содержания образования.

Какая содержательная проблема решалась? Наиболее ёмко

можно сформулировать так: проблема мировоззренческой основы образования. Идея «целостного, научного, коммунистического мировоззрения» обнаружила свою ложность. В новых условиях, когда идеологический диктат коммунистической партии был разрушен, никто уже не мог принудить ставить знак равенства между определениями «научное», «целостное», «коммунистическое». Для общества в целом, для многих людей проблема становления мировоззрения личности в современном мире обнаружила всю свою глубину, остроту и сложность. Однако вместо того, чтобы серьёзно разбираться с мировоззренческим уровнем целеполагания в образовании в новых условиях, педагоги от категории мировоззрения попытались отказаться совсем.

Всерьёз обсуждались ценностные ориентиры образования и проблема переориентации образования с интересов социальной системы на интересы личности. При этом для кого-то явно, а для кого-то неявно интересы личности формулировались таким образом, что через них отечественное образование разворачивалось в сторону обслуживания интересов иной социальной системы – индивидуалистически ориентированной системы западного мира.

В категории духовно-нравственной культуры нашли концентрированное выражение тенденции осмысления совокупности проблем, связанных с утратой в российском образовании традиционных ценностных ориентиров, укоренённых в истории и культуре Отечества («ценностная дезориентация»).

Был снят политический запрет на просветительскую деятельность Православной Церкви в обществе. Была сформулирована мысль о том, чтобы вернуться к основам отечественной школы имперского периода и рассматривать веру Церкви как мировоззренческую основу образования. Однако после

длительного периода атеистического диктата, подчинившего себе процесс духовного становления трёх поколений наших сограждан и в условиях информационной агрессии секулярной цивилизации, такая идея выглядела утопично.

Между тем очевидно дала о себе знать незыблемость некоторой основы общества, ценностных ориентиров, которые не позволяли большинству наших сограждан бездумно принять в качестве жизненных принципов лозунги «обогатитесь любой ценой», «пользуйся жизнью и не думай ни о чём». Понятие традиции, традиционных ценностей постепенно выходит на первый план в прояснении интуитивных представлений россиян о самобытности отечественной культуры и о необходимости самостоятельного цивилизационного самоопределения России в современном мире.

Понятие духовно-нравственной культуры – ДНК общества – осмысливается в таком ключе, чтобы отражать идеи о непреходящей ценности традиций и о необходимости опоры на традицию в процессе личностного развития и духовного становления личности.

Духовно-нравственная культура как содержание образования должна обеспечивать целенаправленный процесс взаимодействия образующейся личности и некоторых структур определённой культуры, в результате которого ценностные ориентации личности формируются в соответствии с фундаментальными ценностными ориентациями данной культуры. Категории традиции и традиционных ценностей здесь оказываются ключевыми.

В такой перспективе проявляется совокупность объектов, которые необходимо моделировать и соотносить между собой, чтобы раскрывать понятие духовно-нравственной культуры. Это:

– структура содержания образования,

– система ценностных ориентаций в структуре личности,
– ценностная система конкретной культуры.

Таким образом, понятие духовно-нравственной культуры требует осмысления не только в педагогическом ключе, но и как категория культурологии (ценностная структура культуры), психологии (ДНК личности), социологии (ДНК общества), философии (ДНК как общее понятие).

Ранее в наших статьях (1) мы дали несколько определений этого ряда.

Духовно-нравственную культуру (ДНК) личности мы определяем как форму реализации «высших даров» человека: свобода, творчество, нравственное действие, познание и самопознание, выражение мира в слове. Важнейшее место в ДНК личности занимает нравственность – способность человека к осуществлению нравственного закона как «закона свободы». Духовно-нравственная культура личности формируется в процессе приобретения «опыта свободы» построения системы отношений к универсалиям: к себе, к миру, к другому человеку, к Богу. Этот опыт носит синергийный характер и осуществляется во взаимодействии с другими людьми в лоне культурной традиции через последовательные выборы – познавательные, волевые, нравственные и пр. Процесс формирования духовно-нравственной культуры личности можно определить как процесс духовно-нравственного становления человека. Его условия и формы образуют традиции культуры, составляющие стержень духовно-нравственной культуры общества.

Духовно-нравственная культура общества – совокупность идеалов, смыслов, ценностей, норм, к которым тяготеет энергия творчества людей, составляющих данное общество, а также традиций, поддерживающих вектор этого направления, этих форм, позволяющих освоить содержание

идеалов и ценностей, образцов, в которых они выражены. Составляющие элементы ДНК общества: идеалы, смыслы, ценности, образцы, концепты, символы, нравственные нормы, правовые нормы, традиции. Традиции следует понимать в широком смысле, как способы организации совместной деятельности людей, устойчиво сохраняющей свои существенные характеристики на протяжении многих поколений. В этом смысле наука, искусство, философия, как структуры духовной деятельности, являются традициями. (1, 2)

На уровне философско-антропологическом предлагается следующее определение.

Духовно-нравственная культура (ДНК) общества – основание устойчивого воспроизводства норм, ценностей, идеалов в смене поколений.

Я предпосылаю этому определению понимание человека в онтологии свободы. Нормы, ценности, идеалы определяют способ жизни человека, только если они принимаются в логике самоопределения – иначе это не ценности, не идеалы, а границы индивидуальной свободы. В этом случае их регулирующая функция в значительной степени иллюзорна – она всегда работает только в определённых границах, которые нужно каждый раз заново полагать. Так, в истории достаточно примеров, когда Божии заповеди использовались управленческой элитой в логике манипулятивного управления.

Для познания ДНК общества нам необходимо искать не механизмы воспроизводства ценностей и норм в предпосланной социальной ткани, а способ связи людей, порождающий ценностное отношение как таковое. Иными словами, необходимо рассматривать социальную ткань в модусе генетическом, понимая, что для каждого человека, грядущего в мир, каждый раз всё начинается с начала. Как выражено в дивном четверостишии И. Бунина:

... В лунном окне
Девушка косы плетёт при луне.
Ярок и нов ей весенний рассказ,
Миру рассказанный тысячу раз.

Для разворачивания такой методологии необходимо полное переосмысление понятия традиции. Современное социологическое понимание традиции складывается на предпосылках философии Просвещения.

В отношении понятия традиции продолжает господствовать установка, сформированная в рациональном дискурсе Нового Времени и закреплённая в массовом идеологическом сознании усилиями Просвещения. Мишель Фуко определил её как «установку на современность».

В дискурсе Нового времени формируется бинарная оппозиция «традиция и современность», при этом традиция исключается из рационального опыта. В эпистемологии знание «по традиции» трактуется как знание, не подтверждённое собственным опытом познания. В антропогуманитарном праксисе, содержанием которого является созидание человеком самого себя и собственной социальности, деятельность, направленная на совершенствование, связана с преодолением традиционности и с деконструкцией рамок традиционного сообщества, по определению узких и неизбежно стесняющих человека.

Однако реакция традиционалистов и мощный поток научных исследований, направленных на исследование феноменов исторической преемственности и наследования в культуре, утвердили понимание феномена традиции как важного условия, стабилизирующего общественное развитие. В особенности немецкие историческая, философская и социологическая школы сформировали установку на отношение к традиции в идеологии «духовного родства», преемственности духовно-

исторического опыта. Достойный венец немецкой мысли, работавшей в данном направлении, – это философская программа Гадамера, понимающего традицию как «герменевтический круг», создающий саму возможность человеческого общения и человеческого понимания на различных временных дистанциях. (3)

К сожалению, герменевтические подходы пока не вышли за пределы теоретического дискурса. Создание педагогической герменевтики – дело будущего. Однако

есть надежда, что будущего ближайшего. Основание тому – живой и многосторонний интерес к традиционным ценностям, обширное общественно-педагогическое движение православных педагогов, работающих над освоением ценностей православной традиции в современном образовании. (4)

В дискурсе об образовании ясно звучат подходы, рассматривающие введение в традицию как цель образования. Одна из основных задач образования – обеспечить устойчивость отечественной

культуры, нашей цивилизации, иначе наша история не будет продолжаться. Все изменения, вносимые в государственную систему образования, должны оцениваться только с одной позиции: насколько они обеспечивают решение этой задачи. (5) Представляется, что именно эта мировоззренческая перспектива задаёт культурно-исторический и социально-культурный контекст разворачивания теоретического содержания понятия духовно-нравственной культуры.

Литература:

1. Игумен Георгий (Шестун), Игумен Киприан (Яценко), Захарченко М.В. Методологические основы образовательной области «Духовно-нравственная культура» // Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи // Педагогика. – 2008. № 9. – С. 40-46.
2. Захарченко М.В. Методологические основы новой образовательной области духовно-нравственная культура // В сб.: Духовно-нравственные ценности в образовательном пространстве России (7 Рождественские образовательные чтения): Материалы всероссийской научно-практической конференции (5–6 февраля). – Тюмень: ТюмГНГУ, 2008. – С. 16–30.
3. Захарченко М.В. Культура и образование в перспективе традиции. Традиция как предмет теоретического осмысления: Монография. – СПб.: СПбАППО, (Научные школы Академии), 2007. – 164 с.
4. Захарченко М.В. Цивилизационная традиция как основа педагогического целеполагания в условиях глобализации. Менталитет, мировоззрение, среда в педагогике ненасилия // Сб. научных статей по проблемам педагогики ненасилия: Материалы научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 19 апреля 2007 г.) / Под ред. Козловой А.Г., Маралова В.Г., Гавриловой М.С. – СПб.: «67 гимназия. Verba Magistri», 2007. – С. 21–25.
5. Игумен Георгий (Шестун), Захарченко М.В. Введение в традицию как цель образования: Знаменские чтения 2000–2004: Сборник материалов / Под ред. М.В. Захарченко. – СПб.: СПбАППО, 2006. – С. 41–51.

Ю.С. ИСАЧЕНКО, кандидат педагогических наук,
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
Yu. Isachenko, candidate of pedagogical Sciences,
Bryansk state University named after academician I.G. Petrovsky

Методологические основания педагогического проектирования Methodological bases the pedagogical design

Аннотация: Процесс обучения носит двусторонний характер (учитель, с одной стороны, и учащиеся – с другой), при проектировании необходимо выделить как относительно самостоятельные компоненты: деятельность учителя и деятельность учащихся, учитывая при этом как деятельность каждого отдельного ученика, так и деятельность коллектива учащихся.

Abstract: the learning Process is bilateral in nature (the teacher, on the one hand, and students on the other), at designing it is necessary to allocate relatively independent components: activities of the teacher and the activity of pupils, taking into account as the activity of each individual student and the activities of the team of students.

Ключевые слова: педагогическое проектирование, обучение, результат, деятельность учителя, планирование, система ценностей, технологии обучения

Key words: pedagogical designing, training, result, the activities of teachers, planning, values, technologies of training

Любое проектирование начинается с уточнения структуры образовательной парадигмы, её содержательного наполнения, т.е. методологических основ. В настоящее время в педагогике определены основные направления развития в области:

- перехода на личностно-ориентированное образование;
- создания благоприятных условий для развития креативности детей и способностей их к самореализации;
- гуманизации и гуманитаризации;
- формирования системы ценностей;
- применения здоровьесберегающих и природно-сообразных технологий и т.д.

В связи с этим уточнение феномена педагогического проектирования позволит упорядочить терминологическое пространство, рассмотреть компоненты проектировочной деятельности,

выделить этапы создания педагогического проекта, выявить закономерности процесса проектирования.

Педагогическое проектирование представляет собой деятельность, осуществляемую в условиях образовательного процесса и направленную на обеспечение его эффективного функционирования и развития. В связи с этим цель, будучи идеальным представлением конечного результата, служит основной предпосылкой проектировочной деятельности педагога. Известно, что проблема – это концентрированное проявление противоречий между потребностями общества, выраженными в социальном заказе, и невозможностью науки своевременно их удовлетворить. Поэтому основополагающий смысл проектирования видится в выполнении социального заказа, что требует предельной конкретизации, т.е. описания, обеспечивающего измеримость, достижимость, гибкость и конкретность целей.

Выделяя общую сущность педагогического проектирования, на наш взгляд, необходимо:

1) рассмотреть близкие по значению понятия проектирования, моделирования, прогнозирования и планирования, используемые в педагогической литературе, сравнить их и соотнести;

2) проанализировать содержание объектов проектирования – технологии обучения и структуры учебной деятельности.

Проектирование в педагогике может быть представлено в различных интерпретациях:

- как вид педагогической деятельности;
- как этап любой отдельной деятельности (например, коммуникативной).

По определению Л. Клинберга, педагогическое проектирование представляет собой умственное представление учителем процесса обучения и его результатов. Проектирование обучения – это творческий процесс мысленного построения обучения, его мыслен-

ного моделирования и планирования¹. Л. Клинберг рассматривает педагогическое проектирование как вид дидактической деятельности, предшествующий организации педагогического процесса.

Учитывая то, что процесс обучения носит двусторонний характер (учитель, с одной стороны, и учащиеся – с другой), при проектировании необходимо выделить как относительно самостоятельные компоненты: деятельность учителя и деятельность учащихся, учитывая при этом как деятельность каждого отдельного ученика, так и деятельность коллектива учащихся.

В связи с этим проектирование в педагогике может включать в себя проектирование всего процесса обучения, включая и деятельность учителя, и деятельность учащихся, и проектирование только деятельности учащихся.

В.И. Загвязинский в описании процесса проектирования выделяет стратегический и тактический уровни. Стратегия связана с формированием целей, выработкой идей и замыслов, определением общей логики изучения темы. На тактическом уровне происходит конкретизация общей логики системы методов и процессов, применяемых в обучении².

Логика педагогического проектирования представляется В.И. Загвязинским как движение от осознания целей к анализу объективных и субъективных условий педагогической ситуации, затем к педагогическому прогнозу, полученному на основе соответствия указанных факторов с закона-

ми и принципами обучения. От прогноза к конкретным учебно-воспитательным и познавательным задачам и, наконец, к выбору методов, приёмов и организационных форм обучения³.

Таким образом, проектирование в педагогической науке рассматривается как процесс создания представления о будущем процессе обучения. Действия и операции, входящие в состав проектировочной деятельности, делятся:

- на мыслительные (та часть деятельности, которая связана с анализом ситуации, прогнозированием);
- на практические (объективируются в конкретном документе [плане учителя] представления, отражающие деятельность учителя по управлению учебным процессом).

В.В. Монахов определяет четыре возможных результата педагогического проектирования:

- 1) педагогическая система;
- 2) система управления образованием;
- 3) система методического обеспечения;
- 4) проект образовательного процесса⁴.

Свою концепцию педагогического проектирования В.В. Монахов разработал на основании нижеследующих подходов учёных к структуре педагогического проектирования.

В.П. Беспалько⁵ (этапы проектирования, адекватные компонентам педагогической системы: цель; содержание; ученик; учебный процесс; учитель; оргформы).

Л. Николов⁶ (цель – образ результата; средство – целостный процесс продуцирования; результат – элемент целево-результативного уровня структуры). Гиг Дж. Ван⁷ (формирование стратегии и предварительное планирование; оценивание предлагаемых вариантов; реализация, анализ результатов и коррекция в ходе реализации). Ж.Т. Тощенко⁸ (уточнение общих потребностей; определение цели в виде результата, которого желательно достичь; отбор средств по реализации цели; принятие конкретной концепции в виде программ действий). Е.А. Крюкова⁹ (разработка замысла – общего представления о системе факторов, обеспечивающих достижение цели; постановка цели с учётом 3-х источников целеполагания; сбор необходимой информации и отбор средств по реализации поставленной цели, которые обеспечат её достижение; динамическое структурирование процесса; продумывание вариантов развития взаимодействия субъектов в процессе обучения; диагностика результатов; оформление процесса и результатов проектирования). И.А. Колесникова¹⁰ (целеполагание; прогноз; конструирование практики; получение и оценка результатов). В.В. Сериков¹¹ (разработка замысла; диагностическое задание цели; определение состава и условий, ведущих к новообразованию; обобщённая характеристика педагогической ситуации; динамическое структурирование процесса (расстановка во времени); нахождение педагогических средств; продумывание вариантов поведения

1 Клинберг Л. Проблемы теории обучения. – М.: Педагогика, 1989.

2 Загвязинский В.И. Педагогическое предвидение. – М.: Знание, 1987.

3 Там же.

4 Монахов В.В. Педагогическое проектирование – современный инструментарий дидактических исследований // Школьные технологии. – 2001. № 5. – С. 75–89.

5 Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. – М.: Педагогика, 1989.

6 Николов Л. Структура человеческой деятельности. – М., 1984.

7 Гиг Дж. Ван. Прикладная общая теория систем. – М., 1981.

8 Тощенко Ж.Т., Антов Н.А., Лапин Н.И. и др. Социальное проектирование. – М., 1982.

9 Крюкова Е.А. Введение в социально-педагогическое проектирование. – Волгоград, 1998.

10 Колесникова И.А. Теоретико-методологическая подготовка учителя к воспитательной работе в цикле педагогических дисциплин: Автореф. дисс. ... докт. пед. наук. А. 1999.

11 Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. – М.: Логос, 1999.

педагога; диагностика результатов). В.Е. Радионов¹² (предстартовый этап [осознание потребности в преобразованиях]; декомпозиция; трансформация [первоначальные идеи обретают отчетливую структуру, реальное содержание]; конвергенция [сборка частных проектных решений в программы развития образовательных систем и стандартов]). Е.С. Заир-Бек¹³ (информация о проблеме, условиях, ситуации, их анализ; формулировка проблемы и замыслов её решения; список желаемых целей [прояснение]; цели проекта как ценности образования; цели как конкретно измеряемые результаты; цели как средство достижения и создания условий для развития образовательных процессов). Е.С. Заир-Бек (1995 г.)¹⁴ (определение замысла; эскиз проекта; разработка моделей действия [стратегия]; планирование реальных стратегий на уровне организации задач и исполнения условий их реализации; организация обратной связи, оценка процесса образования; оценка и анализ результатов; оформление документации; защита, доклад, сообщение, публикация). И концепции других учёных.

В качестве объекта проектирования выступает; как правило, определённая педагогическая конструкция: технология, метод, содержание образования, учебная программа и т.д. Такое ограничение связано с тем, что в педагогике

многие процессы плохо управляемы, неоднозначны, и поэтому их проектирование зачастую малоэффективно. Даже имея внешне традиционное выражение, объект проектирования должен строиться на новой идее, ибо потребность в проектировании возникает тогда, когда найдена новая возможность решения существующей проблемы. Создание известного известным способом низводит проектирование до уровня обычной разработки той или иной педагогической конструкции.

Субъектом проектирования выступают педагог или группа специалистов, обладающих следующими специфическими чертами:

- творческим мышлением и способностью к изобретательству;
- профессионализмом и высокой работоспособностью;
- общественно значимыми ценностными ориентациями;
- способностью предвидеть последствия перспективных изменений действительности, реализуемых в педагогическом проекте.

Средства проектирования, как любой деятельности, можно условно разделить на материальные и духовные. К первым относятся законодательные акты, документация, технические средства, схемы, таблицы и т.д. Ко вторым – общие средства научных исследований, ключевые теоретические положения смежных наук и т.д. Учётная специфика педагогической

деятельности и проектирования, подчеркнём, что большее значение имеют духовные средства, что не умаляет роли материальных.

Методы проектирования достаточно разнообразны, поскольку их использование зависит не только от проблемы и предмета проектирования (объективные критерии), но и от особенностей самих субъектов, от того набора методов, которыми владеют конкретные проектировщики (субъективные критерии). В частности, к ним относятся эвристические методы решения изобретательских задач, моделирование, методы квалиметрии и т.д.

Результатом проектирования является педагогический проект, функциональная специфика которого зависит от следующих условий: состояния среды, особенностей субъектов, занятых подготовкой конкретного проекта, возможностей связей между элементами проекта, возможностей его эффективного использования, ожидаемых результатов.

Суммируя приведённый материал, следует ещё раз подчеркнуть, что педагогическое проектирование представляет собой сложный самостоятельный процесс, синтезирующий в себе технические и гуманитарные области научного познания, традиции и современные достижения педагогики, что в свою очередь определяет методологию и перспективы дальнейшего развития.

12 Радионов В.Е. Теоретические основы педагогического проектирования: Дисс. ... докт. пед. наук. СПб. 1996.

13 Заир-Бек Е.С. Педагогическое проектирование в системе образования. – СПб., 1995.

14 Заир-Бек Е.С. Теоретические основы педагогического проектирования: Дисс. ... докт. пед. наук. СПб. 1995.

А.С. КОЛЕСНИКОВ, доктор философских наук, профессор,

Санкт-Петербургский государственный университет

A. Kolesnikov, doctor of philosophical Sciences, Professor, Saint-Petersburg state University

Философско-мировоззренческое обеспечение педагогического процесса

The philosophical software pedagogical process

Аннотация: Автор убедительно доказывает, что "Мы реализовали те методологические проекты в педагогике, которые были у нас ранее. Пришло другое время, необходимо думать о новой методологии и стремиться реализовывать её. Так, феноменология рассматривается как кросс-культурная методология Запада и Востока во многих сферах, а не только в педагогике. Она позволяет обращаться к инокультурному опыту, вынося за скобки собственные культурные стереотипы. Феноменология признаёт аподиктичность сознания, его предданность. Современные события сделали проблему более трудной, и нет никакой уверенности – должно ли образование быть, прежде всего, профессионально-техническим, моральным, или культурным. Более чем две тысячи лет назад Аристотель рекомендовал гармоничное соединение всех трёх. В гуманитарном знании мир задан человеку не вещно-натуралистическим, а духовно-смысловым образом как ценностная сущность, подлежащая пониманию и истолкованию. Основные задачи гуманитария в этом случае – ценностно окрасить мир, наполнить его смыслом, сделать сопричастным человеку (экзистенциальный аспект) и общечеловеческой культуре (культурологический аспект). Последовательный учёт и проведение всечеловеческих интересов в познании и практике устраняет предпосылки разрыва науки и морали".

Abstract: the Author convincingly proves that "We implemented the methodological projects in pedagogy, which we had previously. Come another time, you must think about a new methodology and strive to implement it. So, phenomenology is considered as a cross-cultural methodology of East and West in many areas, not only in pedagogy. It allows you to refer to foreign experience, bringing the brackets own cultural stereotypes. Phenomenology recognizes apodicticity consciousness, his original reality. Modern events are made the problem more difficult, and there is no certainty - whether the education to be, above all, technical, moral, or cultural. More than two thousand years ago Aristotle recommended harmonious combination of all three. In the Humanities the world's asked the man not real right naturalistic and spiritually meaningful way as a value entity, subject to the understanding and interpretation. The basic problems of the Humanities in this case is of value to paint the world, filling it with meaning, to make engaged to a man (the existential aspect) and universal culture (cultural aspects). Consistent accounting and conducting of universal interests in the knowledge and practice eliminates background rupture of science and morality".

Ключевые слова: методология, педагогика, мировоззрение, интеллигентность, философия, просвещение, общество, мораль, цивилизационное пространство, рефлексия, культура, идеология, созерцание, бытие. личность.

Keywords: methodology, pedagogy, philosophy, intelligence, philosophy, education, society, morality and civilization space, reflection, culture, ideology, contemplation, Genesis. the personality.

Технологически опосредованные социальные перемены происходят так быстро, что субъекты (политические, экономические, культурные и т.п.), прежде ясно видевшие социальные силы и культурные основания, на которые они опирались, теперь напряжённо вглядываются в туман трансформации, идентификации, поиска своего иного. Потребительская культура и культурный

плюрализм порождают приспособленческие тенденции к быстрым переменам, которые стремятся превратить в добродетель. Плыть по течению – становится стратегией, помогающей быстрее закончить со своим своеобразием и своей культурой. Сфера педагогики не избежала влияния приспособленчества. Так создаётся квазипедагогика, которая через технологическое опосредование

создаёт новые формы образования на микроуровне (типа биопедагогика). Порождается качественно новая культурная среда, практически лишённая подлинного ощущения времени и пространства (американский неомарксист и постмодернист Джеймсон называет это постмодернистским опытом «спада переживаний»).

Во многих вопросах здесь должна помочь философия, которая

имеет образовательную функцию и включает не только обучение навыкам рассуждения и аргументации, истории мысли, этике. Во все эпохи философия функционирует в двух модусах. Во-первых, философия является стержнем образовательной программы, того, что продуцируется из поколения в поколение. Философия не просто помогает научиться думать, она помогает научиться думать не математически, не химически, не биологически, не экзистенциально. Она даёт сущностную установку на бытие-интеллигентом. Не интеллектуалом или технарём, а именно интеллигентом. Благодаря этому философия позволяет выработать критический взгляд, прежде всего на самого себя и на ту систему ценностей, в которой ты пребываешь, но в то же время и на обоснованность этой системы ценностей. Поэтому в западных странах, несмотря на давление Болонского процесса, академическая философия занимает достойное место, а педагогика соразмеряет свои основания и поиски через компаративную педагогику с другими (иностранскими) системами образования и воспитания.

Во-вторых, существует неакадемическая философия, философия как образ жизни. Таковой она конституировалась уже в классическом античном понимании. Поэтому философ не обязательно должен быть профессионалом. Как и профессионал может быть хорошим выразителем для передачи философской традиции, но при этом не быть философом. Так что со времён Сократа не изменилась императивность тезиса «философия – это образ жизни». В таком случае его голос значим и слышим. Философ должен говорить не то, что от него хотят услышать, а то, что надо сказать.

И первый и второй модусы сейчас эволюционируют в сторону этической проблематики в самых разных формах – от педагогической (прикладной) этики,

этики как прагматики, до этики в некоем более высоком смысле этого слова. Мы реализовали те методологические проекты в педагогике, которые были у нас ранее. Пришло другое время, необходимо думать о новой методологии и стремиться реализовывать её. Так, феноменология рассматривается как кросс-культурная методология Запада и Востока во многих сферах, а не только в педагогике. Она позволяет обращаться к инуюльтурному опыту, вынося за скобки собственные культурные стереотипы. Феноменология признаёт аподиктичность сознания, его преданность. Современные события сделали проблему более трудной, и нет никакой уверенности – должно ли образование быть, прежде всего, профессионально-техническим, моральным, или культурным. Более чем две тысячи лет назад Аристотель рекомендовал гармоничное соединение всех трёх. В гуманитарном знании мир задан человеку не вещно-натуралистическим, а духовно-смысловым образом как ценностная сущность, подлежащая пониманию и истолкованию. Основные задачи гуманитария в этом случае – ценностно окрасить мир, наполнить его смыслом, сделать сопричастным человеку (экзистенциальный аспект) и общечеловеческой культуре (культурологический аспект). Последовательный учёт и проведение всечеловеческих интересов в познании и практике устраняет предпосылки разрыва науки и морали.

Система образования каждой страны отражает особенности её истории, социально-экономического развития, политической структуры, специфику историко-культурных и собственно педагогических традиций. Самые общие тенденции развития образования проявляются в своеобразных национальных традициях. Игнорировать их – значит отказаться от конкретно-

исторического подхода к общественным явлениям.

Мы знаем, что в двух сферах – в педагогике и в философии все считают себя специалистами. Однако это лишь подобие педагогики – квазипедагогика, как и всё, что вырастает в чреве цивилизации и стремится быть похожим на культуру. Здесь главным критерием признания педагогических идей есть обязательность простоты. Это непреодолимое желание всё упростить пронизывает, между прочим, все виды человеческой деятельности в поле цивилизации. История педагогики показывает, что качества и свойства её, самоусуществляющиеся в пространстве культуры, совершенно иные. Именно здесь педагогика отвечает своим естественным основаниям, своему прямому назначению и исходному терминологическому содержанию: педагогика – это деятельность, вырастающая из воспитания, а обучение, образование – лишь сопутствующий процесс.

История педагогики и философские толкования педагогики показывают, что все попытки объяснить сущность человека неизбежно заканчиваются выводом о том, что у человека есть качества, которые невозможно свести ни к его природным задаткам, ни к среде, ни к таким качествам, которые можно было бы объяснить только образованием или воспитанием. Эти качества и составляют человеческую сущность, и называются они личностью. В этом, пожалуй, главный урок всей истории наук о человеке, в том числе философии и педагогики.

Проблема здесь в том, что образование имеет своей основой цивилизацию, а воспитание – культуру. Подмена воспитания образованием приводит к тому, что учащийся должен регистрировать все знания, которые даёт ему педагог, и это, по сути, закрывает для человека путь деятельного усвоения культуры. В рамках образования учебная работа строится по законам существо-

вания и развития цивилизационного пространства, и в содержание образования закладывается только профессионально полезные необходимые знания. Так образование в качестве мировоззренческой основы вынуждено ориентироваться на эгоизм, индивидуализм, не очень беспокоясь минимизацией моральных и других факторов, сдерживающих индивидуализм. В цивилизационном пространстве они выступают вредными пред-рассудками. Побеждает идеология либерализма, концентрирующаяся на «Я». Все последние технологии образования: от экстерната до дистанционного, строят свою деятельность в соответствии с такой идеологией.

Однако чем успешнее профессионал действует в цивилизационном поле, тем более эффективно он работает на обострение всех цивилизационных противоречий. В этом смысле в педагогике вообще человек готовится к бытию в пространстве цивилизации как вещь, полезная обществу. По всей видимости, надо акцентировать, что педагог – технолог, а воспитатель – учитель, воспитывающий человека в качестве человека. Естественно, что каждый конкретный человек испытывает на себе воздействие образовательного рода и воздействие воспитательного рода. Формирование или воспитание в человеке способности к эмпатии, способности быть сочувственным, если отсутствует в практике педагога, становится практикой совершенно других людей и обстоятельств, в которые попадает ребёнок или юноша.

Эффективность педагогических теорий, в конечном счёте, определяется тем, насколько ясно осознаются в них *цели и средства воспитания* как цели и средства формирования человека-личности в этом двойном пространстве. Так что все прагматические проблемы цивилизации упираются в степень развития культуры, энергоёмкости культурного пространства, а она,

в свою очередь, определяется реально прожитой жизнью реальных людей, цели и средства усилий которых оказались сорентированными на культуру, оказались лично данными. Именно такие *люди-личности*, в первую очередь, расширяют культурное пространство, актуализируют его и тем самым создают возможности для успешной работы педагога в каждый конкретно-исторический момент развития цивилизации.

Это особенно ясно предстаёт в тех случаях, когда реально сталкиваются в активном житнетворении представители прагматического и культурного мировоззрений и способов жизнедеятельности. В первом случае мы имеем ситуацию, для которой вовсе не обязательно существование абсолютных моральных ориентиров, и не обязательно существование подвижников, готовых идти на жертву ради следования этим ориентирам. Во втором случае речь идёт об обязательности не только абсолютных ориентиров в форме идеалов, но и об обязательности их воплощённости.

Проблема ориентиров ставит остро и проблему образовательных стандартов. Часто это классически трактуется как вопрос об учебном плане: какое знание имеет большую ценность? Это всегда был не лёгкий вопрос для ответа. В разных странах имеются свои преимущества. Французы, например, в центр образовательного процесса ставят смысл своей культуры. Японцы ещё более делают акцент на культуру, имея при том этнически гомогенное население. Но те же французы продолжают обсуждать и критиковать то, что они преподают в школах. Время от времени эти споры становятся настолько интенсивными, что они выливаются в уличные демонстрации. И в Англии, и во Франции, и в Японии за последние пятьдесят лет было испробовано множество параллельных стандартов и экспертиз. Однако национальные

стандарты не являются панацеей. Необходима взвешенная оценка к разнообразным подходам в образовании. Они служат стимулом и как критерием для школы и школьной системе.

Однако в наши дни национальное продвижение в образовательном процессе всё больше обеспечивается сравнением с другими. Так акцентируется роль *экспертизы*, которая становится не просто академическим предприятием, поскольку она касается многих факторов социального контекста страны. Среди них артикуляция между экспертизой и учебным планом; отношения между агентствами, ответственными за каждое из этих действий; степень, с которой преподаватели вовлечены в политику и фактическую практику учебного плана; формулировки экспертизы, пригодность её на производстве, степень важности результатов.

Проблема в том, что экспертизы всё меньше и меньше, вероятно, поощряют инновационные и прогрессивные учебные планы, к которым призывают как школа, так и образовательный рынок. Образование испытывает давления от местного и национального правительства, школьной администрации, преподавателей, родителей, студентов, профессоров университета, предпринимателей и союзов. В определённых странах при случае они могут включать и политические партии. Затронутые проблемы включают формат экспертизы, требования и управление. Сравнительное исследование экспертиз становится всё более настоящим занятием в определении результатов и причин специфичности оценочности методов.

Далее на арене появляются психологические и социологические движущие силы, *культурные, лингвистические, этнические и другие «исключительные»* группы, уровни достижения которых – очевидно ниже национальных норм и чьё участие в господствующей тенденции национальной жизни огра-

ничено. Двухязычные программы образования, широкие социальные и личные цели образования, много вариантов практики, организация, критерии для оценки. В мире необузданного национализма обучение – слишком часто само воплощение национализма, и нации являются отчаянными защитниками своих школьных систем. Только сравнительный анализ и международное сотрудничество, взаимное доверие и толерантность могут вывести школьные системы из коллапса самодостаточности.

Но здесь мы сталкиваемся с тем, что философия и образование так дифференцировались, что уже не слышат друг друга. Существуют образования – интеркультурное, мультикультурное, национальное, инновационное, билингвальное, плюралистическое, интровертное, трансформативное, демократическое, патриотическое, либеральное, профессиональное, гражданское, гендерное, прагматическое, спортивное, медицинское, экономическое, историческое, сельскохозяйственное, общее, доступное, частное, элитное, специальное, дистантное, бизнес образование, музыкальное, эстетическое, андрогическое, инклюзивное, эксклюзивное, моральное, интерактивное, поощряющее, развивающее, феминистское, образование одарённых, инвалидов и т.п. Идёт создание новых дисциплин, а значит, и сфер образований. Со всем этим разнообразием пытается справиться педагогика – она и социальная, и революционная, и критическая и т.п. по списку. Философия тоже включается в эту схему, т.е. есть философия гендерного образования, мультикультурного и т.д. Правда, философия ещё сейчас имеет такую прагматику, что ей не подобрать образование (философия любви, ненависти, метафизика смерти, философия пива и проч.).

Плохо это или хорошо? А вы попробуйте ответить: в какой стране мы живём и кто такая Россия. В теоретической рефлексии

в XIX–XX веках обнаружилось самые различные взгляды на этот счёт. Важнейшие из них таковы: 1) идеи исключительности России в мировой истории и культуре; 2) идея России как Востока; 3) идея России как Запада; 4) идея России как особой, славянской, цивилизации; 5) идея России как Евразии, отличной и от Востока, и от Запада; 6) идея российской специфики, выражающейся в сочетании восточных и западных черт или в колебании между Востоком и Западом; 7) идея российской самобытности в рамках христианского мира; 8) идея византизма России; 9) идея универсализма русского духа; 10) идея России как синтеза Востока и Запада; 11) идея России как необходимого элемента мирового синтеза. Или это «другая Европа»? Есть идеологемы образа новой России в рамках гуманитарных технологий – совокупности технологий, направленных на создание, образование, обработку либо изменение правил и рамок общения и взаимоотношения людей согласно вызовам изменяющейся внешней (как общественной, так и природной) среды.

Мы привыкли к тому, что проблемы культуры, в особенности в кризисные эпохи, рассматриваются в обществе в качестве второстепенных, подчинённых целям цивилизации. В это время отношение к культуре строится по остаточному принципу, и этот принцип рассматривается нами как нормальное положение вещей, – воистину не до журу. В педагогике в это время господствует её образовательная составляющая, а воспитание сводится к технологии, когда плодятся огромное число правил, законов, предписаний, разъяснений и пропагандируются авторитарные (как наиболее простые и эффективные) способы воздействия на всех членов общества.

Итак, нам необходимо определить *мировоззренческие основания педагогического процесса* и его элементы. Они распадаются

на ряд этапов: встреча (культур и психотехник), интерпретация, познание сути, компаративные исследования и диалог, ассимиляция и прагматика. В основе этих оснований лежит рефлексивная система – идеалы, нормы, эталоны, регулятивы, каноны, императивы, которые дисциплинируют, как сам педагогический процесс, так и его исследования. Нормосообразность означает правовую упорядоченность интеллектуальных инициатив, она выполняет охранительную функцию защиты интересов, прерогатив научного сообщества в целом. (Кристаллизация семантических и процедурных кодексов – этих рычагов коррекции и контроля поиска – соответствует определённому способу мысли, находящему выражение в исторических и дисциплинарных формах логики, методологии, философии.)

Логико-методологическая, *философская рефлексия* складывается как целенаправленная фиксация и обоснование общезначимости, общеобязательности неких познавательно ценных правил, выступая тем самым критической и ценностной завершённой интеллекта, судом разума, привносящего на почву мыследеятельности правовые отношения. Рефлексивные механизмы концентрируются на знании с целью квалифицирования его под углом зрения воплощения «достоверности», «доказательности», «оптимальности». Рефлексия занята проблематизацией и созданием образцов, и проявляется в конкретных эпохах в качестве укоренённых в культуре эшелонированных динамических образований со специфическим складом теоретизирования, рационального познания, понимания, смыслообразования. В научный дискурс, таким образом, вплетены механизмы регулирования, регламентирования, реагирования, вводящие, в частности в педагогику, сетку гносеологических предпочтений и удостоверяющие ценность, достоинство её знания.

Сущностно-отличительный признак современной науки, включая педагогику, – включённость субъективной деятельности в тело знания, активная и жизненная культура исследователя, необходимость междисциплинарного и мультипрофессионального взаимодействия, рассмотрения этических проблем, противостояние узости или этноцентризму, кросс-культурное исследование образования, возможность идентифицировать потенциалы и пределы международного заимствования и адаптации.

Наука в XX веке прошла путь от классики к *неклассике* и неонеклассике. Неклассику от классики отделяет пропасть, мировоззренческий, общекультурный барьер. Это повсеместный и интенсивный реформистский процесс, который, отбирая из тогдашней созвучной ему духовной среды параметры, обрушился на традицию и смял её, утвердив новый тип ментальности. Стилеобразующие слагаемые неклассики включают в себя психоанализ (мотив непрозрачности психического, синкретичности его, механизмов символизации и кодификации), психологизм (интуиционизм, непосредственно наблюдаемое, интересубъективность), феноменологию (возможность конструирования и конституирования действительности и субъективной спонтанности), персонализм (личность как самотворящая стихия), модернизм (допущение новых типов реальности, отход от наглядности, локальность), волюнтаризм, прагматизм, полифундаментальность (принятие многоуровнево-системной реальности), интегратизм (многомерная, поливариантная действительность, целое и часть слиты), синергизм (самоорганизующиеся, неравновесные, открытые системы), холизм (действительность – иерархия целостностей), анти-созерцательность, релятивизм, дополнительность, когерентность (синхронизированность различ-

ных событий), нелинейность, топологичность (объекты с вариативной топологией), симметрия, отказ от определённости, поворот от «бытия» к «становлению» (учёт эволюции, истории), интертеорию (каскадный принцип организации, теория развёртывается как пучок).

Преодолевая некритические догмы классики, неклассика, однако, не порывает всецело с ней. Ибо при определении задачи науки – раскрытия природы бытия, все они переплетаются, но обоснованием выделения и обособления неонеклассического этапа выступает фактор ценности, сосредоточение на вопросе понимания того, что должно быть (проект мира).

Неонеклассика становится в ситуации превращения знания в орудие, рукотворную планетарную силу, когда возникает вопрос цены, жизнеобеспечения истины. Человек приходит к распутью, что важнее: знания о мире или знание деятельности в мире? Радикализуется утверждение: «центр перспективы – человек, одновременно и центр конструирования универсума». Так появляется цепочка – «реальное знание и его человеческий потенциал в онаучиваемой реальности». Вместо натурацентризма – аксиологическая антропологизация; высшим кредо выступает не знание – цель, а антропный принцип: знание – средство, т.е. познавательная экспансия должна получать гуманитарное оправдание. Так обостряется проблема соотношения знания и цели, истины и ценности. Знание – это инструмент, ориентированный на утверждение нас в мире. Происходит сдвиг с субстанциализма на креативизм, с онтологии на телеологию (целеполагание).

Естественно появляются новые тенденции. Среди них – синкретизм, телеономия (целесообразность как идущая от человека активный поток привнесения в мир человеческих обстоятельств). Антропосфера приобретает модус онтологии природной жизни. Бытие

в неонеклассике – осмысленный сгусток ценностно-целевых воплощений; оно воспринимается через призму оптимального путём выживания, т.е. тех идеалов гуманитарных констант, абсолютов, которые пролонгируют вершение родовой истории. Становится актуальным принцип терпимости: этическая толерантность к продуктам педагогического творчества, легализация здорового плюрализма, восприимчивость к аргументам, отсутствие идиосинкразии к инакомыслию. Наблюдается кризис претензий знания и метода на познавательную исключительность.

Поскольку философия является универсальным синтезом культуры, фокусируемого на оппозиции «субъективное – объективное», то проблема метода в философии – важная проблема.

К числу *неотъемлемых признаков метода науки* относят:

- объективность (опосредованность достоверным знанием),
- общезначимость (интерсубъективность действий в отличие от персонифицированных актов),
- воспроизводимость (инвариантность действий для любого субъекта в тождественно-подобной ситуации),
- целесообразность (осмысленность, рациональная подконтрольность осуществления отдельных шагов и систем операций в целом, целостность, последовательность аргументов),
- детерминистичность (заданность, предусмотренность, генетическая связность принципов последовательностей, цепочек интеллектуального движения в предметности – педагогике, образовании),
- необходимость (гарантированность результатов при соблюдении норм, методологическая и теоретическая надёжность),
- эффективность (запланированность социальной ассимиляции, внедрения, потребления, как самого процесса, так и его результата),

– новизна (развитие инновационных проектов, методов и методологий, аналитических моделей или теорий и понятий).

Все эти методы должны работать и в педагогике, и мы должны их обосновать и продемонстрировать.

Конечно, меняются и определения образования. В исследовании О.А. Михалиной приводится анализ определений образования, которые отражают современные подходы в его понимании: 1) образование – процесс «поиска и усвоения человеком определённой системы знаний, навыков и умений и результат этого усвоения, выраженный в определённом уровне развития познавательных сил, а также в теоретической и практической подготовке человека»¹; 2) образование как подсистема обще-

ства, оно должно соответствующим образом отвечать на требования общества, влиять на социальные процессы²; 3) образование как ценность, в этом случае ценности являются интегративной основой определённой социокультурной общности; 4) образование – стратегический ресурс и социальный капитал (Р. Патнам, Ф. Фукуяма). Образовательная деятельность рассматривается как фактор развития (прежде всего социально-экономического) общества; 5) образование – это «человеческий капитал», который включает в себя врождённые таланты и способности, приобретённые знания, опыт и т.д. С точки зрения современных социально-экономических подходов «человеческий капитал» – это источник развития общества и страны; 6) образование – услуга,

некий «товар», который необходим как индивиду для достижения определённых личных и социальных целей, так и определённым группам и сообществам³.

Всё вышеперечисленное позволяет говорить об образовании как сложной системе, которая, как и всякая система, представляет собой единство, состоящее из взаимозависимых частей. В качестве элементов образования выделяют «систему объектов и субъектов образовательной деятельности, взаимодействующих между собой и с окружающей средой для получения интегрированного результата – образованной личности»⁴. Таким образом, основным результатом образовательной деятельности должно стать формирование определённого социокультурного типа личности.

1. Михалина О.А. Введение в сравнительную философию образования: учеб. пособие. Т. XXIII // Прил. к жур. «Философия образования» – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – С. 47.

2. Там же. С. 48.

3. Там же. С. 48–52.

4. Там же.

Сценарии для экономики

В.Е. ЗАСЕНКО, доктор экономических наук,

профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита, НОИР

V. ZASENKO, doctor of economic Sciences,

professor of the Department of finance, monetary circulation and credit, NOIR

Последовательность разработки моделей торговых систем и классификация методов моделирования

The sequence of development of models of trading systems and classification methods for modeling

Аннотация: Главным направлением в моделировании торговых процессов является информационное моделирование, создание изоморфных абстрактных имитационных моделей, когда каждому элементу структуры объекта соответствует один элемент структуры модели. Правда, практически не всегда это достижимо. Поэтому мы будем использовать разумную агрегацию и дезагрегацию информации при сохранении диссипативности системы. Моделирование торговых систем должно подчиняться следующим принципам: интегративности, неопределённости, инвариантности главных видов деятельности.

Построить достаточно сложную модель очень просто. Однако ценность её от этого не возрастает. Мы будем стремиться к построению эффективных моделей, то есть к нахождению таких их описаний, которые давали бы ответ на конкретно поставленный вопрос и легко просчитывались.

Таким образом, моделирование систем позволит делать обоснованный выбор из ряда альтернативных торговых стратегий, даст возможность сократить объём продолжительных и дорогостоящих экспериментальных работ.

Abstract: The main focus in the modeling business processes is information modeling, creation isomorphic abstract simulation models, when each element of the structure of object corresponds to one element of the model structure. However, practically it is not always achievable. Therefore, we will use reasonable aggregation and disaggregation of information while maintaining dissipatively system. Simulation trading systems should comply with the following principles: integrity, uncertainties, the invariance of the main activities.

To build a rather complicated model is very simple. However, the value of it is not increasing. We will strive to build an effective model, i.e. to find these descriptions, which would answer exactly the question and easily calculated.

Thus, modeling of systems will allow you to make informed choices from a number of alternative trading strategies that will allow to reduce volume of long and costly experimental work.

Ключевые слова: торговая система, моделирование, математические средства, анализ, алгоритм, эксперимент, торговые объекты, интерполяция, экстраполяция, прогноз, стабильность.

Keywords: trading system, modeling, mathematical tools, analysis, algorithm, experiment, retail facilities, interpolation, extrapolation, forecast, stability.

Модель представляет собой объект – систему, которая создаётся исследователем с целью получения новых знаний об объекте оригинале и отражает только системные свойства оригинала с точки зрения разработчика. Построение моделей торговых систем на макро-, мезо-, микроуровне и использование инструментальных математических

средств с целью анализа, планирования и управления ими представит дополнительную информацию для выбора того или иного решения в применении имеющегося потенциала.

Существует определённая последовательность разработки моделирования систем, которая может состоять из следующих этапов: построение концептуальной

модели системы по системообразующему или системообразующим факторам; разработка алгоритма модели системы; разработка программы модели системы для ЭВМ и проведение экспериментов с моделью системы.

Концептуальная модель может состоять из следующих подэтапов: постановка задачи моделирования; определение требований к исходной

информации и её сбору; выдвижение гипотез и предположений; определение параметров и переменных модели; обоснование выбора показателей и критериев эффективности системы; составление содержательного описания модели.

При постановке задачи моделирования даётся чёткая формулировка целей и задач исследования реальной системы, обосновывается необходимость моделирования, выбирается методика решения задачи с учётом имеющихся ресурсов, определяется возможность разделения задачи на подзадачи.

При сборе необходимой исходной информации следует иметь в виду, что именно от качества исходной информации об объекте моделирования зависит как адекватность модели, так и достоверность результатов моделирования.

Гипотезы при построении модели системы служат для заполнения «пробелов» в понимании задачи исследователя. Предположения дают возможность провести упрощение модели. В процессе работы с моделью системы возможно многократное возвращение к этому подэтапу в зависимости от полученных результатов моделирования и новой информации об объекте.

При определении параметров и переменных составляется перечень входных, выходных и управляющих переменных, а также внешних и внутренних параметров системы.

Выбранные показатели и критерии эффективности системы должны отражать цель функционирования системы и представлять собой функции переменных и параметров системы.

Разработкой концептуальной модели завершается составлением содержательного описания, которое используется как основной документ, характеризующий результаты работы на первом этапе.

Разработка алгоритма модели включает следующие подэтапы: построение логической схемы алгоритма; получение математиче-

ских соотношений; проверка достоверности алгоритма.

Вначале создаётся укрупнённая (обобщённая) схема моделирующего алгоритма, которая задаёт общий порядок действий при моделировании исследуемого процесса. Затем вырабатывается детальная схема, каждый элемент которой впоследствии превращается в оператора программы.

Для комбинированных моделей разрабатывается аналитическая часть в виде явных функций и имитационная часть в виде моделирующего алгоритма.

Проверка достоверности алгоритма должна дать ответ на вопрос: насколько алгоритм отражает замысел моделирования, сформированный на этапе разработки концептуальной модели.

Третий этап. Разработка программы для ЭВМ включает следующие подэтапы: выбор вычислительных средств, проведение программирования, проверку достоверности программы.

Прежде всего, выбираются тип ЭВМ и язык программирования. Создание программы по детально разработанному алгоритму может осуществить программист без участия и помощи разработчика модели. После составления программы производится проверка её достоверности на конкретном примере. Необходимо оценить затраты машинного времени для расчёта одной реализации моделируемого процесса, что позволит разработчику модели правильно сформулировать требования к точности и достоверности результатов моделирования.

На последнем этапе проводятся серийные расчёты по составленной и отлаженной программе. Он состоит из следующих подэтапов: машинного эксперимента, представления результатов моделирования, интерпретации результатов моделирования, выдачи рекомендаций по оптимизации режима работы реальной системы.

Перед проведением рабочих расчётов на ЭВМ должен быть состав-

лен план проведения эксперимента с указанием комбинаций переменных и параметров, для которых должно проводиться моделирование системы. Задача заключается в разработке оптимального плана эксперимента, реализация которого позволяет при сравнительно небольшом числе испытаний модели получить достоверные данные о закономерностях функционирования системы. Результаты моделирования могут быть представлены в виде таблиц, графиков, диаграмм, схем, и т.д. Целесообразно предусмотреть вывод результатов на экран дисплея и на принтер.

Интерпретация результатов моделирования имеет целью переход от информации, полученной в результате машинного эксперимента с моделью, к выводам, касающимся процесса функционирования объекта – оригинала. На основании анализа результатов моделирования принимается решение о том, при каких условиях система будет функционировать с наибольшей эффективностью.

Такова общая схема моделирования систем, которая обычно рассматривается в методической литературе. На наш взгляд, прежде чем акцентировать внимание на модели, реализуемой на ЭВМ, необходимо накопить опыт разработки моделей систем по первым двум этапам: построение концептуальной модели системы по системообразующему или системообразующим факторам и разработка алгоритма модели системы с использованием имеющихся статистических и математических методов, которые, как правило, поддаются «ручному счёту» с использованием стандартных программ (например, Excell). И только после этого проводить интерпретацию результатов моделирования и выдачу рекомендаций по оптимизации режима работы реальной системы.

Такой подход будет более экономичным. Не каждое предприятие может полностью реализовать два последних этапа по механизации моделирования систем. Если

моделирование объектов будет повторяться, то будет накапливаться опыт по моделированию каких-либо систем, то есть появится массовая востребованность на эти виды работ. В этом случае будет актуальным проведение серийных расчётов по составленным и отлаженным программам и т.д. В этом случае будут оправданы и дальнейшие затраты по созданию математической модели системы, реализуемой на ЭВМ, связанные с переходом от содержательного описания к формальному алго-

ритму. Промежуточным звеном между ними может служить математическая схема. Существует ряд типовых математических схем, которые могут лечь в основу разрабатываемого конкретного моделирующего алгоритма: непрерывно-детерминированные модели, дискретно-детерминированные модели, дискретно-стохастические модели, непрерывно-стохастические модели и др.

Развитие методов моделирования происходило по различным направлениям (детерминирован-

ные и вероятностные; теоретико-множественные, графы и математическая логика; множества, матрицы и т.д.). Постоянно возникают новые методы моделирования как бы на пересечении уже сложившихся (логиколингвистический, информационный, эвристический и т.д.). Даже наиболее широко применяемые математические методы в моделировании имеют разную классификацию, что видно из следующих таблиц, взятых из литературных источников [1: с. 28; 37, с. 91].

Таблица 1

Математические методы в моделировании экономических объектов

Задачи исследования	Математические методы решения										
	Математическое программирование					Дифференциальные уравнения	Теория массового обслуживания	Теория игр и решений	Теория графов	Теория расписаний, комбинаторика	Теория автоматов, математическая логика
	Линейное	Нелинейное	Дискретное	Динамическое	Стохастическое						
Задачи распределения и назначения	+	+	+	+	+				+	+	
Управление запасами					+	+			+		
Замена и ремонт оборудования				+		+	+				
Задачи массового обслуживания						+	+		+	+	
Задачи упорядочения и согласования			+						+	+	+
Проектирование сетей и выбор маршрутов	+	+		+					+	+	
Задачи состязаний и переговоров	+				+			+			+
Деловые игры, имитационные модели						+	+				+
Планирование, балансовые модели	+		+				+		+	+	

Как видно из таблицы, авторы выделяют девять задач исследования моделей экономических объектов и семь методов их решения. С учётом подвидов математического программирования таких методов насчитывается одиннадцать.

Другой подход к классификации методов моделирования экономико-информационных систем (объектов), в котором задачи исследования определяются как прикладные методы моделирования.

В данной классификации появляется новый аспект исследования – толкование метода моделирования и метода формализации представления систем. Методы моделирования рассматриваются на основе использования методов

Таблица 2
Прикладная классификация методов моделирования

Прикладные классификации методов моделирования	Классификация методов формализованного представления систем					
	Аналитические	Статистические	Теоретико-множественные	Логические	Лингвистические	Графические
Производственные функции	+	+				
Балансовые модели	+					
Модели объёмного планирования			+			
Модели календарного планирования	+		+			+
Транспортные модели	+					+
Модели распределения и назначения	+					
Модели управления запасами	+	+				
Модели износа и замены оборудования	+	+				
Модели массового обслуживания		+				
Состязательные модели	+	+				
Методы организации массива			+	+		+
Методы обработки массивов			+	+		
Методы поиска информации			+	+	+	

формализации. На наш взгляд, лучше бы звучало по сути, если бы говорилось об использовании методов формализации при решении соответствующих экономических и информационных задач исследования. Совершенно недостаточно внимания уделено математическому программированию. Одни и те же задачи предлагается решать иначе, чем в первой классификации. Например, управление запасами в первой классификации

предложено осуществлять с помощью трёх конкретных методов решения – математическое стохастическое программирование, дифференциальные уравнения, теория графов. В рассматриваемой классификации мы отмечаем только общие указания на формализованное представление (решение) системы (задачи исследования) – аналитическое, статистическое. Это замечание относится и к другим задачам исследования.

Достоинством указанных классификаций является то, что авторы не стремятся построить модель, которая бы описывала объект в целом. И каждый автор приводит построение моделей того или другого аспекта деятельности системы. Таким, например, является отражение информационного состояния объекта, исследование балансовых моделей, производственных функций.

Таким образом, следует отметить, что любая классификация

может быть подвергнута критике. Однако, понимая условность классификаций, их всё же нужно создавать. Практически невозможно создать единую классификацию методов, которая отвечала бы интересам всех пользователей. Поэтому, чтобы не обсуждать различные точки зрения по этому вопросу, которые постоянно меняются, мы попытаемся обосновать следующий подход для наших исследований. Мы считаем целесообразным ввести две группы методов, используемых при моделировании торговых систем, – количественно формализованные и интуитивно-экспертные. Все методы современной математики не может глубоко знать ни один специалист. Однако при выборе метода моделирования важно понимать особенности развития того или иного направления развития, что уже положительно скажется на возможностях решения поставленных задач. Желательно, чтобы такая классификация формировалась на основе принятой парадигмы исследования. В нашей работе это использование системно-эволюционного подхода, что позволит целенаправленно выбирать методы моделирования для выполнения конкретного этапа исследования торговых процессов. Задача в выборе моделирования торговых систем будет заключаться в том, чтобы наилучшим образом отразить особенности эволюционного существования систем и их параметров (устойчивость, кризис, бифуркации, аттракторы и т.д.).

Однако какие бы модели торговых объектов не строили, в конечном счёте мы должны сравнивать их с реальными объектами. Поэтому главным направлением в моделировании торговых процессов является информационное моделирование, создание изоморфных абстрактных имитационных моделей, когда каждому элементу структуры объекта соответствует один элемент структуры модели.

Правда, практически не всегда это достижимо. Поэтому мы будем использовать разумную агрегацию и дезагрегацию информации при сохранении диссипативности системы. Моделирование торговых систем должно подчиняться следующим принципам: интегративности, неопределённости, инвариантности главных видов деятельности.

Принцип интегративности заключается в том, что взаимоотношения части и целого характеризуются совокупностью трёх элементов:

- возникновение взаимодействующих систем связей между частями целого;
- утрата некоторых свойств части при вхождении в целое;
- появление новых свойств у целого, обусловленных свойствами составных частей.

При этом обязательна упорядоченность частей (подсистем, элементов), детерминированность их пространственного и функционального взаимоотношений, часть становится компонентом интегрального целого, внутренне объединённого. Строя модель системы, необходимо исходить из простых условий и шаг за шагом подниматься по восходящим ступеням иерархической градации, переходя к всё возрастающим ступеням усложнения модели. Например, модель межотраслевого баланса может использоваться для определения объёмов деятельности различных торговых систем в рамках межотраслевых связей, затем эти объёмы могут рассматриваться с помощью технологической матрицы, и т.д.

Принцип неопределённости предполагает, что торговые процессы расплывчаты и неопределённы. Протекая во времени по жизненным циклам, они постоянно меняются. И если даже нам удастся установить какое-либо свойство или качество процесса, то оно действительно только в рассматриваемый момент времени и

в данной ситуации. Иначе говоря, торговые процессы необходимо изучать с учётом стохастичности их проявления в зависимости от действующих факторов. Принцип неопределённости позволяет также утверждать, что существует уровень факторов, когда их незначительное отклонение ведёт к изменению системы из-за возрастания её энтропии. С другой стороны, чем сложнее модель системы, чем глубже мы пытаемся анализировать её, тем неопределённее становится решение задачи.

Принцип инвариантности заключается в том, что модель системы должна быть инвариантна для любых организационных форм, регионов и изменение каких-либо условий не должно менять существа модели.

Принцип интегративности состоит в том, что у разных торговых систем существуют похожие виды деятельности (управление, регулирование, распределение и т.д.), которые можно выделить как рутинёрские, стандартные. Они бывают неизменными на некотором промежутке времени, а затем могут быть подвергнуты инновационным влияниям.

При моделировании объектов и представлении их в виде систем необходимо учитывать их общие свойства: целостность, делимость, изолированность, устойчивость, разнообразие, идентифицируемость, стабильность, наблюдаемость, неопределённость и адаптацию. Благодаря этим свойствам система сохраняет состояние подвижного равновесия и устойчивости к возмущающим воздействиям, которым она постоянно подвергается путём перестройки внутренней структуры и функции отдельных элементов. Система обеспечивает длительное и устойчивое функционирование и развитие путём эволюции своих элементов, своей структуры и организации, что должно находить отражение в построенных моделях.

Развитие связи между торговой системой и моделью этой системы можно представить в виде следующей схемы, которая отражает взаимодействие данных о практике функционирования и научных исследованиях системы.

Чем больше модель, тем осторожнее следует к ней относиться. В особенности это свойственно оценке сообщения между уровнями знаний и теми результатами, которые предполагается получить с помощью моделирования. Построить достаточно сложную модель очень просто. Однако ценность её от этого не возрастает. Мы будем стремиться к построе-

нию эффективных моделей, то есть к нахождению таких их описаний, которые давали бы ответ на конкретно поставленный вопрос и легко просчитывались. Мы не будем искать решения для тех моделей, в отношении которых не достигнуто определённого уровня знаний в отрасли и нет соответствующего научного и технического оснащения.

Таким образом, моделирование систем позволит делать обоснованный выбор из ряда альтернативных торговых стратегий, даст возможность сократить объём продолжительных и дорогостоящих экспериментальных работ, выполнение

которых было бы необходимым при отсутствии соответствующих моделей. При исследовании сложных торговых объектов модель позволяет объединить разрозненные знания, касающиеся отдельных частей такой системы (подсистемы, элементы системы), и выработать концепцию её поведения как единого целого. И последнее. С помощью модели можно добиться обобщения разнородных данных об объекте, позволяющее осуществлять как интерполяцию (восстановление недостающей информации о прошлом), так и экстраполяцию (прогнозирование будущего поведения объекта).

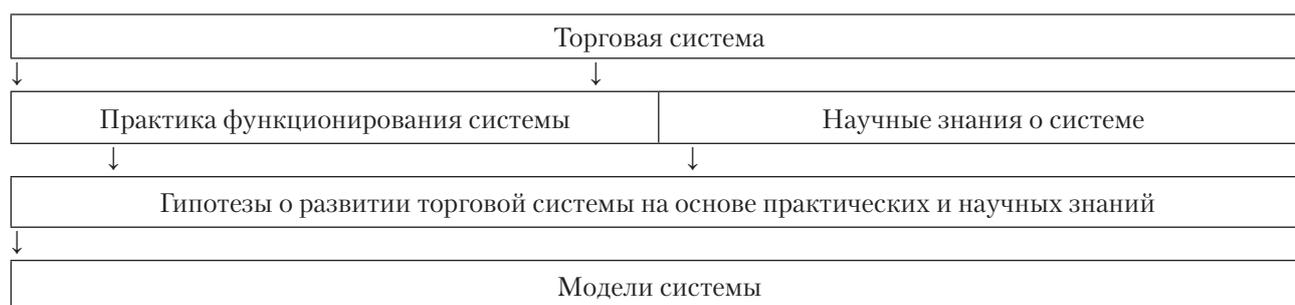

Рис. 1. Схема развития познания о связи «торговая система – модель»

Литература:

1. Орехов Н.А., Левин А.Г., Горбунов Е.А. Математические методы и модели в экономике. – М.: ЮНИТИ, 2004.

О качестве жизни

Т.В. СТЕПАНОВА, старший преподаватель, НОИР

T. Stepanova, senior lecturer, NOIR

Оценка социально-экономической эффективности обслуживания в сфере общественного питания

Assessment of socio-economic efficiency services in sphere of public catering

Аннотация: Оценка эффективности обслуживания предприятий общественного питания представляет собой сложную систему, состоящую из совокупности технологической, экономической и социальной эффективности. Автор прослеживает связи этой системы и определяет формы и методы их взаимодействия.

Abstract: assessment of the efficiency of service of public catering enterprises is a complex system that consists of a combination of technological, economic and social efficiency. The author traces the connection of the system and determines the forms and methods of their interaction.

Ключевые слова: общественное питание, эффективность, ресурсы производства, затраты, квалифицированный труд, потребители, качество жизни населения.

Keywords: catering, efficiency, resources, manufacturing, cost, skilled labor, consumers, the quality of life of the population.

Эффективность принадлежит к числу категорий, свойственных производству и реализации продукции и услуг предприятий общественного питания. Она характеризует результативность использования факторов деятельности, её сущность заключается в достижении максимальных коммерческих результатов с наименьшими затратами средств.

Оценка эффективности обслуживания предприятий общественного питания представляет собой сложную систему, состоящую из совокупности технологической, экономической и социальной эффективности.

Технологическая эффективность отражает использование ресурсов производства и характеризуется комплексом показателей по использованию основных факторов производства: земли, труда и капитала, значимость которых в процессе производства и реализации товаров, продукции и услуг

достаточно полно раскрыта в учениях классиков экономической теории А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса.

Данный вид эффективности отражается удельными показателями расхода ресурсов (сырья, энергии, материалов) на единицу продукции.

Экономическая эффективность выражается в получении всё большего эффекта, потребительных стоимостей на единицу функционирующих в производственно-реализационном процессе материальных, трудовых и финансовых ресурсов.

Критерием экономической эффективности общественного производства в целом, отдельных его отраслей, а также отдельных трудовых коллективов является отношение полученного эффекта к затратам или минимизация совокупных затрат при производстве и реализации продукции и услуг предприятия общественного питания. Экономическая эф-

фективность измеряется такими результативными показателями, как рост валовой, чистой продукции (в натуральном и денежном выражении), её производство на единицу площади; прибыль, рентабельность, окупаемость затрат. Эффективность использования производственных фондов, трудовых ресурсов измеряется показателями: фондоотдачи, материалоотдачи, материалоёмкости, трудоёмкости, производительности труда.

Социальная эффективность показывает уровень удовлетворения общества в материальных и культурных потребностях.

Социальный эффект общественного производства и реализации, рассматриваемый с точки зрения гармоничного развития человека, должен включать в свой состав часть фонда потребления, обеспечивающую подобное развитие, также часть фондов возмещения и накопления, связанную с расширением границ содержатель-

ного, квалифицированного труда, социальной направленности производства и реализации.

Социальная эффективность высокого качества продукции и услуг отражается на состоянии всего общества, его отдельных групп и личностей. Она выражается в укреплении чувства собственного достоинства, как потребителей, так и товаропроизводителей и торговой системы. Качество производимой и реализуемой продукции и услуг представляет собой материальную основу качества жизни граждан. Высокий уровень образа жизни есть высшее проявление социальной эффективности.

Следует учитывать, что экономическая эффективность остаётся основополагающей для социальной направленности развития общества, ориентиром в выборе показателей социальной эффективности предприятия общественного питания.

Таким образом, при обслуживании потребителей предприятия общественного питания должны удовлетворить потребности клиентов и получить определённый финансовый результат для последующего развития.

Следовательно, рост социальной эффективности тоже не может осуществляться без роста экономического. Вместе с развитием общества растут потребности людей, усложняется структура этих потребностей, что требует, в свою очередь, усложнения структуры производства и реализации, технического прогресса, а значит создания условий для роста экономической эффективности. Следует также иметь в виду, что повсеместное внедрение передовой техники и технологии не под силу обществу из-за всегда существующей ограниченности средств и неравномерности технического прогресса для предприятий общественного питания. Поэтому приходится сохранять или даже создавать новые рабочие места, где труд малосодержателен и подчас тяжёл.

Но это бывает необходимо для обеспечения функционирования существующих прогрессивных технологий, на основе которых происходит рост производства и реализации, следовательно, создание условий для более широкого распространения передовой техники, а вместе с ней для роста качества обслуживания и, как следствие, социальной эффективности. Наличие тесных обратных связей между экономической и социальной эффективностью накладывает, в конечном счёте, решающий отпечаток на динамику их движения. Очевидно, что прогрессивный подход к обслуживанию потребителей будет, когда оба вида эффективности будут расти.

Следовательно, можно определить обобщённую систему целевой эффективности как степени соответствия функционирования исследуемой системы её целевому назначению, которое выражается в максимизации финансового результата и удовлетворении потребностей общества.

Новейшие тенденции развития предприятия с учётом социальной направленности можно определить как воздействие на качество жизни населения в целом: здоровье, доходная база и культура.

Таким образом, наиболее существенным моментом в случае оценки социальной значимости и экономической эффективности обслуживания предприятия общественного питания являются предоставляемые продукция, товар, услуга и их качественные характеристики.

По этой причине эффективность обслуживания предприятий общественного питания, как характеристика деятельности отдельного предприятия, оценивается через систему показателей. Наиболее важным в оценки данной категории является её комплексность через систему представленных показателей:

1) устойчивость и широта ассортимента продукции, товаров и услуг;

2) соблюдение технологии обслуживания потребителей;

3) временные издержки потребления клиента;

4) активность производства и реализации продукции, товаров и услуг;

5) организация информирования потребителя;

6) качество предоставляемых продукции, товаров и услуг;

7) завершённость конечного продукта;

8) качество характеристики обслуживания, по мнению покупателей.

При формировании ассортимента продукции, товаров и услуг рекомендуется соблюдать установленный для предприятия ассортиментный перечень, обеспечивать широту и устойчивость внутригруппового ассортимента, взаимозаменяемость и комплексность выбора продукции, товаров и услуг с учётом численности населения в радиусе обслуживания, объёмов, сезонности спроса, технической оснащённостью и других факторов. Поэтому для каждого типа предприятия общественного питания должен быть сформирован оптимальный ассортимент-перечень, позволяющий создать наилучшие условия потребителям для удовлетворения своих потребностей.

Следует сделать вывод о том, что от устойчивости и широты ассортимента во многом зависят временные рамки, в которые потребитель получает желаемые продукцию и услуги. Полнота и стабильность ассортимента способствуют росту конкурентоспособности предприятия, росту сбыта, оборота по собственной продукции и покупных товаров, оптимальности соотношения роста затрат и прибыли.

Характеристика фактической технологии обслуживания той, которая предусмотрена согласно типу, стандарту, лицензии и т.д., является основополагающей в рамках инновационной системы

развития предприятия. Технология обслуживания оказывает влияние на время, затрачиваемое потребителями на удовлетворение потребности в предприятии общественного питания.

Время является одним из основных факторов социально-экономической значимости для современного человека при выборе предприятий для удовлетворения своих потребностей. Эти временные рамки можно классифицировать следующим образом:

1) затраты времени на дорогу до предприятия и обратно (связаны с размещением и специализацией предприятия общественного питания);

2) затраты времени на определение широты номенклатуры ассортиментных позиций продукции, товаров и услуг;

3) затраты времени на ознакомление и отбор продукции и услуг;

4) затраты времени на получение выбранного объекта (товара, продукции и услуги) и расчёт за него.

В различных предприятиях затраты времени потребителей зависят от длительности ожидания обслуживания, соблюдения режима работы, наличия сырья, материалов и страховых запасов, организации торгово-технологических процессов, организации труда работников производственной и торговой групп и других категорий работников.

Чем шире ассортимент, тем больше времени занимает ознакомление и выбор продукции и услуги. Вместе с тем, по мере изучения технических средств рекламы и организационных форм показа ассортимента, а также повышения качества консультаций, время, затрачиваемое на выбор, уменьшается.

Активность реализации, профессиональное мастерство работников, обслуживающих потребителей, – не могут быть охарактеризованы каким-то численным измерителем. Здесь следует

оценить знание персонала, его полезности; знание ассортиментных позиций; тонкое понимание психологии потребителей; искусство демонстрации и предложения; умение рекламировать продукцию и предложить сопутствующие и взаимозаменяемые объекты; скорость обслуживания; вежливость и уважение по отношению к потребителю, что характеризуется показателем культура обслуживания.

Реклама имеет воспитательный характер, так как под её воздействием потребитель выбирает объект (продукцию, товар и услугу), считая её достоверной, а объект – качественным. Информация о правилах обслуживания, ценах, полезности, получение необходимой потребителю консультации оказывает помощь не только в выборе объекта, но и способствует сокращению издержек потребления.

Покупатель формирует под воздействием рекламы, общественного мнения и собственных потребностей характеристики услуг, такие как вид, их объём и качество.

Завершённость конечного продукта обусловлена всеми предыдущими показателями и самым непосредственным образом зависит от них. Определяется этот показатель коэффициентом завершённости продукта.

Данный показатель во многом зависит от соблюдения технологии обслуживания, быстроты и качества обслуживания, профессионального мастерства персонала, активности рекламы и полноты информации. Для определения завершённости конечного продукта необходимо проводить выборочные исследования обслуживания предприятия общественного питания с помощью таких средств, как опросы потребителей, моментные наблюдения за процессом обслуживания, интервью с работниками обеденного зала и др.

Качество обслуживания, по мнению покупателей, является обобщающим и отражает мнение

покупателей об уровне обслуживания.

Качество обслуживания зависит от качества подготовки персонала, организации труда, чёткости определения функций, выполняемых различными категориями работников, механизации и автоматизации условий труда, организации внутреннего контроля за деятельностью работников массовых профессий, товарно-сырьевого набора, эффективности использования ресурсного потенциала предприятия. Каждый показатель имеет определённую значимость, характеризуемую соответствующим коэффициентом, а качество обслуживания в целом определяется величиной обобщающего показателя (суммой коэффициентов).

Для практического определения коммерческих и социальных результатов деятельности предприятия общественного питания можно использовать следующие типы показателей эффективности и результативности обслуживания потребителей:

1) показатель ресурсов – стоимостная оценка требуемых для реализации продукции, товаров и услуг финансовых, трудовых и материальных ресурсов;

2) показатель затрат – непосредственные объёмы произведенных материальных и временных затрат;

3) показатели конечных результатов деятельности – последствия выполнения предприятием возложенных на него функций обслуживания и поставленных перед ним задач по удовлетворению потребностей населения.

Они включают следующие индикаторы:

3.1) социальной эффективности – степень достижения поставленных целей, определённого социального эффекта в процентном или абсолютном выражении (как конкретный результат в отношении всего населения или группы людей, получивших выгоду);

3.2) экономической эффективности – стоимость затрат на единицу производства и реализации продукции, товаров и услуг;

3.3) социально-экономической эффективности – соотношение полученного социального эффекта и произведенных затрат;

3.4) экономии – оптимальность и экономическая рентабельность приобретения и использования трудовых, финансовых и материальных ресурсов.

Отмеченные нами показатели, возможно, не являются исчерпывающими, однако позволяют обосновать оценку социально-экономической эффективности обслуживания потребителей продукции, товаров и услуг предприятий общественного питания.

Государство и бизнес

В.Д. Крыжановский, старший преподаватель НОИР

А.В. Дементьев, старший преподаватель НОИР

V. Kryzhanovski, senior lecturer NOIR

A. Dementiev, senior lecturer NOIR

Проблема государственного регулирования отношений собственности в трудах русских мыслителей

The problem of state regulation of ownership relations in works of Russian philosophers

Аннотация: В трактовке сущности собственности русским мыслителям был присущ исключительно широкий взгляд на эту категорию, которая связывалась с понятием личности, свободы, устойчивости гражданского общества. Здесь понятие собственности, взятое как в экономическом, так и в философско-правовом, получает своё содержание, прежде всего, через соотнесение с понятием свободы личности, с учётом роли и значения государства в организации жизни российского общества.

Abstract: the interpretation of the meaning of property to Russian thinkers was unique wide view on this category, which was associated with the concept of the person, freedom, stability of civil society. Here the concept of property taken, both in the economic and philosophical-legal, gets its content, primarily through correlation with the notion of individual freedom, taking into account the role and importance of the state in organizing the life of Russian society.

Ключевые слова: институт собственности, гражданин, общество, гражданское право, сервитут, материальные блага, частная собственность, объект собственности, субъект собственности.

Keywords: property Institute, citizen, society, civil right, easement, wealth, private property, the property, the subject property.

Понятие собственности как особой категории формировалось по мере развития общих представлений о собственности в европейской и русской экономической, политической и философско-правовой мысли. Основные воззрения на природу собственности стали складываться в конце XVIII – начале XIX века. При этом сам институт собственности в ходе становления стимулировал процессы своего теоретического осмысления.

В целом западноевропейские мыслители сумели выдвинуть и обосновать широкий социально-философский взгляд на собствен-

ность, основой которого была мысль: свобода - истинный дух собственности. Последовательное изучение и всесторонняя разработка этого взгляда русскими учёными были чрезвычайно важны как с научной, так и с практической точек зрения. Они, несомненно, благоприятствовали серьёзному обогащению знаний о формах собственности («частная», «общественная», «государственная» и др.), о соотношении юридического закона и собственности, о путях и средствах утверждения гражданского общества в России.

Периодом активного ученичества для русской политической

науки был XVIII век, совпавший с европейской эпохой Просвещения. Первым русским профессором права был С.Е. Десницкий.

Право собственности С.Е. Десницкий относил к числу неотъемлемых прав человека. «Человек имеет природное право пользоваться беспрепятственно своей жизнью, здоровьем, честью и собственностью имения»¹. Учёный стремился обосновать эти требования юридических гарантий личных прав граждан в рамках и формах, допустимых в то время.

Десницкий рассматривал собственность как исторически развивающийся институт. По его

1 Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежития // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века. – М., 1959. – С. 242.

мнению, в первоначальном, «пастушеском», состоянии народы, так же как и охотничьи, «имеют владения у себя общие и наблюдают тесное между собой общежитие». Живущие скотоводством народы часто собираются обществом и пируют вместе; их стада пасутся вместе и на общей всем земле и присматриваются совокупным надзором всех семейств людьми»². Десницкий утверждает, что в этот период появляются первые представления о собственности. Однако он имеет в виду не частную, а племенную собственность на движимое имущество.

Десницкий не ставит вопроса о торговле между охотничьими и пастушескими племенами, которая до возникновения частной собственности производилась через родовых старейшин. Видимо, он считал, что все соседние племена одновременно перешли от охоты и собирательства к занятиям скотоводством и, следовательно, в такой торговле надобности не было. Что же касается торговли между отдельными лицами, то такая торговля, по мнению Десницкого, не получила в этот период никакого развития «по причине... совокупного и общественного владения, которое, как и выше сказано, единожды затвержденное у всех не позволяет частному человеку отчуждать своего имени ни при жизни, ни при смерти»³.

Более точно Десницкий решает вопрос о возникновении собственности у народов, «живущих хлебопашеством». Он совершенно справедливо отмечает, что у них впервые возникает частная собственность на землю. Десницкий указывает, что «в первоначальном хлебопашественном состоянии всякий обыватель занимает для себя столько земли, сколько ему

надобно и сколько он в состоянии обработать оные; отчего у таких народов и самое количество земли примечается почти равномерным у каждого хозяина...»⁴. По окончании жатвы у первоначальных хлебопашцев вся привязанность их к земле разрушалась, и только через значительный промежуток времени утвердилось право частной собственности на землю.

Окончательно складывается, по мнению Десницкого, право собственности только в коммерческом состоянии, что связано с отделением ремесла от земледелия и вытекающим отсюда развитием торговли. Вместе с тем Десницкий указывает и ещё одну причину – большее понятие общепольности, происходящей от утверждения собственности, установившейся среди народов в коммерческом состоянии⁵. Возникновение этой причины Десницкий никак не связывает с изменениями в хозяйственном быте.

Ко времени написания «Юридического рассуждения о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имени...», т.е. к 1781 году, дальнейшее развитие получили взгляды Десницкого на роль государства и права в регулировании отношений собственности. Предостерегая об опасностях излишнего богатства, он выступил противником купеческих монополий. Считал совершенно необходимым контролировать возникновение негативных явлений и процессов в экономике страны, вовремя их пресекать, а положительные тенденции поощрять и развивать. Выполнять эту координирующую роль, по его мнению, должно было государство; вмешательство государства в хозяйственную жизнь страны считал абсолютно обязательным.

Выдающийся русский учёный первой четверти XIX века А.П. Куницын, развивая исторический подход к исследованию института собственности, заложенный Десницким, в своих работах «Право естественное» и «Энциклопедия прав» различал право «первоначальное» и «производное»: первое определяется природой человека, второе – общественными законами. Признавая частную собственность священной и неприкосновенной, он выступал против распространения этого принципа на право владения другими людьми, обосновывал необходимость и правомерность свободы и правомерность угнетения человека человеком⁶.

Наиболее значительным учёным-правоведом XIX века был Б.Н. Чичерин, посвятивший изучению понятия собственности специальную работу «Собственность и государство». В ней он подчёркивал объективный характер отношений собственности, которые выводил из сущности абсолютных начал социальности и государственности, а также обращался к вопросам государственных инвестиций⁷.

Один из крупнейших русских учёных начала XX века Е.Н. Трубецкой в работе «Энциклопедия права», которая выдержала пять изданий, конкретизирует понятие собственности с философско-правовых позиций. Собственность, с его точки зрения, – понятие абсолютное, одно из базовых определений личности как субъекта права. «Когда мы говорили о праве собственности какого-либо лица, это значит, что все прочие лица – не собственники – должны воздерживаться от всяких посягательств против того, что составляет для них чужую собственность»⁸.

2 Там же. С. 247–248.

3 Там же. С. 253–254.

4 Там же. С. 254.

5 Там же. С. 256.

6 Там же. С. 46–58.

7 Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Ч. I. – М., 1882.

8 Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. – СПб., 1998. – С. 107.

В начале XX столетия в русской политической литературе развернулась дискуссия о содержании понятия прав собственности, как в теоретико-правовом аспекте, так и в категориях гражданского права.

Н. Варадинов, К. Победоносцев, П. Цитович рассматривали право собственности как абсолютное неограниченное господство лица над вещью⁹. Ю. Гамбаров, К. Кавелин, В. Курдиновский, Д. Мейер¹⁰ определяли это понятие как право наиболее полного господства лица над вещью.

Ф. Будкевич, Н. Варадинов, К. Победоносцев выдвигали положение о том, что право собственности, как таковое, не может быть ограничено; оно по их мнению представляет собой нечто незыблемое, ограничению должно подлежать лишь право собственника, т. е. право конкретного субъекта. Эту точку зрения нельзя признать правильной; ведь невозможно рассматривать право в отрыве от его субъекта. Право собственности в отрыве от собственника представляется абстракцией. Ограничение права собственника является составной частью ограничения права собственности.

Наиболее убедительными и аргументированными представляются воззрения Е. Васьяковского, Ю. Гамбарова, К. Кавелина, В. Курдиновского, Д. Мейера и т.д. По их мнению, право собственности является правом только благодаря его ограничениям. Без ограничений правомочий собственника, в интересах как общества в целом, так и отдельных его членов, право собственности утратило бы свои функции и превратилось бы в произвол собственника по отношению ко всем остальным. Этот вывод наиболее последовательно отражён в трудах Ю. Гамбарова и

Д. Мейера. Право собственности представляется правом, имеющим установленные в законе ограничения. Нами предпринята попытка показать различия между сервитутами и законными ограничениями права собственности. Основным отличием между правом собственности и сервитутами является то, что сервитуты представляют собой выдел из права, а законные ограничения составляют его предел. Сервитуты также сужают сферу действия права собственности, но они имеют иную направленность, нежели установленные в законе ограничения. Это различие имело место и в российских законодательных актах. В отечественном законодательстве существовали следующие ограничения права собственности:

1. Ограничения, установленные в интересах отдельных лиц - «право участия частного».

2. Ограничения, установленные в интересах общественной безопасности, общей пользы и т.д., - «право участия общего».

3. Ограничения права пользования лесами.

4. Ограничения права охоты.

5. Ограничения права возведения строений в городах и селениях.

Значительное место в законодательстве отведено ограничениям правомочий собственника: владения, пользования и распоряжения.

В целом нужно отметить, что общетеоретические трактовки природы собственности создавали своего рода фундамент для прикладных интерпретаций этого понятия, как в аспекте реформирования действующего законодательства, так и с учётом возможной перспективы. На этой основе было создано достаточно интересных, своеобразных, глубоких учений о собственности в теории и филосо-

фии права. Эта традиция активно и успешно продолжалась в последующую историческую эпоху: на рубеже 1917 года и впервые после революционные годы.

Социальный аспект в понятии собственности подчёркивал в своей работе «Христианство и культура», носившей философско-правовой характер, Е.В. Спекторский: «Собственность, оставаясь индивидуальной, должна получить характер не одностороннего, эгоистического самовластия лица над вещью с неограниченным правом пользования, непользования и злоупотребления, сколько социальной функции»¹¹. В своей работе он подчёркивал, что христианство не отвергает собственность, и выделял основные элементы в трактовке этого понятия христианской мыслью.

С.Л. Франк в работе «Духовные основы общества. Введение в социальную философию» посвятил социально-правовой интерпретации понятия собственности отдельную главу. Это понятие он связывал с понятием гражданского общества, видя в последнем «оправдание и подлинное обоснование» института частной собственности.

Согласно Франку, собственность не составляет абсолютное право личности и по своему содержанию не имеет значения абсолютной власти над определённой сферой благ, не имеет значения права по личному произволу «пользоваться вещами и злоупотреблять ими». Как всякое субъективное право, утверждал выдающийся правовед и социолог, право собственности имеет лишь функциональное, служебное значение, есть форма, в которой осуществляется сотрудничество в служении. Собственник, указывал он, есть не аб-

9 Варадинов Н. Энциклопедия прав собственности. – СПб., 1884; Победоносцев К. Исторические исследования и статьи. – СПб., 1876; Его же: Курс гражданского права. Ч. I. Изд. 2-е. – СПб., 1873.; Цитович П. Еще раз о вопросах собственности. – М., 1906.

10 Гамбаров Ю. Избранные труды. – М., 1964; Кавелин К. Наш умственный строй. – М., 1883; Курдиновский В. Очерки русского права и его политическое исследование. – Киев, 1904; Мейер Д.И. Право собственности по русскому праву // Журнал Министерства народного просвещения. – 1859. № 2. – С. 6; Мейер Д. О характере собственности. – СПб., 1957.

11 Спекторский Е.В. Христианство и культура. – Прага, 1925. – С. 227.

солотный самодержец «божьей милостью» над своим имуществом. «Он есть как бы лишь уполномоченный – правда, несменяемый и достаточно прочно обеспеченный в своём положении – управитель вверенного ему достояния, которое онтологически, в последней своей основе, есть “Божье” достояние и верховный контроль над которым принадлежит общественному целому. В интересах осуществления необходимой в служении свободы и нестеснённости личностей или вообще молекулярной ячейки, из сотрудничества которых слагается общественное единство, необходимо обеспечение за каждой из них сферы приуроченных к ней материальных благ или природной среды, в связи с которой может наиболее производительно развиваться их деятельность»¹².

Поэтому частная собственность, продолжает он, будучи по своему внутреннему качественному содержанию неограниченным, полным, свободным властвованием человека над определённой сферой материальных благ, в количественном отношении не абсолютно и не безгранично. Оно ограничено интересами общественного целого, задачами наиболее плодотворного сотрудничества.

Государство поэтому имеет право и обязанность его регулировать, объективное право нормирует его и может ставить ему известные пределы и налагать на собственника определённые обязанности. Право частной собственности, по Франку, как одна из функций общественного сотрудничества, входит в состав системы общественного единства и в принципе подчинено последнему, а потому регулируется государством.

Границы этого подчинения права собственности государству определены не какой-либо абсо-

лютной и ненарушимой ценностью субъективных притязаний личности, а лишь функциональным значением начала личной свободы как необходимого принципа общественного сотрудничества. Человек осуществляет себя не только через посредство своего тела, но и через посредство ближайшего окружающего его отрезка, предметного мира, той среды, в которой он живёт и над которой властвует. Эта непосредственная власть человеческой воли над окружающей средой, эта интимная связь человеческого «я» с определённой сферой внешнего мира и есть подлинное существо собственности. Человек в своей внешней действительности не может поэтому быть подлинно свободным, он не может реально быть субъектом права, поскольку ему не обеспечена такая связь его воли с известной долей внешнего материального мира. Частная собственность есть реальное условие бытия самого гражданского общества. А так как общественное строение в форме гражданского общества, как сотрудничества и взаимодействия свободно-индивидуальных центров активности, есть неустранимый момент интегральной природы общества, то институт частной собственности, утверждённый на этом его функциональном значении, как условие общественного служения, есть неустранимая основа общественной жизни¹³.

Одним из крупнейших русских социальных мыслителей XX столетия был Н.Н. Алексеев. Его монография «Основы философии права» может быть признана классической работой¹⁴. Теоретико-правовой анализ проблемы собственности Н. Алексеев начинает с замечания, которое не может показаться неактуальным: «Россия стоит на пути возрождения частной собственности... Идеологи либо

категорически отрицают частную собственность, либо отстаивают её. Адекватность оценок обусловлена профессионализмом: юристы, связанные рамками позитивного («буржуазного») понимания собственности, не в состоянии объективно рассмотреть ситуацию в послереволюционной России. Историки смотрят шире, отталкиваясь от идолопоклонства современной частной собственности, но не дают идеи собственности «в её общем существе». История имеет дело всегда с воплощением, а не самим ядром явлений, которые скорее предполагаются историками, чем ими определяются. Политики не столько изучают существо собственности, сколько определённые направления в изменении институтов частной собственности, но для них неясным остаётся то главное направление, в котором она должна трансформироваться»¹⁵.

Н.Н. Алексеев формулирует своё представление о собственности, базирующееся на традиции и особом мирозерцании. Он анализирует структуру отношений в сфере собственности следующим образом.

1. Субъект собственности. Это не «телесная» личность и не личность «вообще, субъектом может быть физический индивидуум. Духовная личность не может быть субъектом собственности, которая не является необходимым свойством духовного существа и категорией права. То, что субъектом права является юридическое лицо, не противоречит этому положению. Опыт показывает, что кроме физических («одночеловеческих») лиц существуют коллективные («многочеловеческие»). Совокупности физических лиц обладают своей особой жизнью, интересами и потребностями, они же могут претендовать на особенное право

12 Франк С.А. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. – М., 1992. – С. 59.

13 Там же.

14 См.: Масленников Д.В. Николай Алексеев: между стихией и Логосом // Алексеев Н.Н. Основы философии права. – СПб., 1998. – С. 4–23.

15 См.: Алексеев Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. – Париж, 1926. – С. 5.

собственности, не являющееся агрегатом отдельных прав. Хотя эти лица называются «духовными организмами» они вовсе не исключены из физического мира и не лишены телесной природы. Они — сложные физические индивиды, поэтому, как и физические лица, могут быть субъектами собственности¹⁶. Солидаристический тип правового мышления неравнодушен к органике. Сложно организованные единства определяются в нём как живые организмы с собственными судьбами, влечениями и целями. Политические и правовые аспекты проблемы были обстоятельно разработаны как французскими (Л. Дюги, Э. Дюркгейм), так и русскими авторами (П. Кропоткин, С. Франк, И. Ильин).

2. Объект собственности. Им может стать не любая вещь, но такая, которая в природе встречается ограниченно, то есть связана с фактической недостаточностью, экономической скудностью. Другим определяющим признаком является индивидуальный характер вещей, их единственность, редкость, своеобразие. Поэтому формами установления собственности являются трудовая деятельность или захват. Частная собственность определяется как часть личности: первая моя собственность — я сам, мои способности, моё тело и моя душа (Тьер). Затем следуют объекты, предметы, «продолжающие» моё тело (орудия, одежда и т.п.). Ещё Ж. Сорель предупреждал, что путём смещения теории расширения нашего «я» с лже-юридическими суждениями о государстве правовое мышление становится на путь тоталитаризма. Оказывается, что собственность — всё то, чем мы в силах завладеть в зависимости от случайных обстоятельств. Собственность неопределенна по природе. И с этим связы-

вается другая мысль: государство вправе присваивать себе все богатства, лишённые хозяев. По Сорелю, это один из путей к коммунизму¹⁷. Идейные корни института рабства заложены в неясном сознании неотчуждаемости того, что принадлежит к телесно-душевной сфере. «Рабское сознание покоится на убеждении, что отношение человека к своей личности и к другим лицам принципиально не отличается от отношений к другим вещам, которые могут стать нашей собственностью»¹⁸. Отсюда появляется убеждённость в том, что можно отчуждать свою личность и приобретать (захватом или путём выращивания) чужую.

Позже эта идея вытесняется понятием договора как основы для возникновения права собственности, хотя некоторые «рабские» элементы остаются в современном сознании (рабочий — собственник рабочей силы — может отчуждать её по договору). Но договор найма не есть отчуждение рабочей силы, иначе это будут отношения рабства.

3. Отношение субъекта собственности к объекту. С точки зрения Алексева, содержание права собственности определяется понятиями господства и распоряжения (точнее, возможностью господства и распоряжения), признаваемыми как самим субъектом, так и окружающим его обществом. В истории выделяются два исторических периода, когда были сформулированы метафизические начала собственности. В доренессансный период это идея: «Бог — собственник мира», в Новое время: «Человек — собственник мира».

4. Правоотношения, связывающие собственника с другими субъектами права. По мнению Алексева, естественно-правовые теории страдают преувеличением частного индивидуального отношения (меж-

ду лицом и вещью) и не учитывают социального характера собственности. В русском праве само понятие собственности возникает не ранее XVIII века, до этого времени его заменяли понятия «владение» и «вотчина». Даже в период Империи не было чёткого различия между правом владения и правом собственности. Способность присваивать вещи принадлежала не индивиду, а Богу и государству.

На основе этих четырёх посылок учёный выводит обобщённое понятие собственности: «Собственность есть такое отношение между людьми, при котором праву собственника на господство и распоряжение над встречающимися в ограничении и не принадлежащими к высшим ценностям предметами соответствует универсальная обязанность других людей терпеть власть собственника и не вмешиваться в её определённые проявления»¹⁹.

Подводя итог анализу главных тенденций в сфере права собственности, Алексеев заключает: русское социальное сознание перешло от идеи социализации по типу собственности через государственный социализм к идее национализации, мыслимой скорее как активная государственная политика, чем как социализм²⁰.

Таким образом, в трактовке сущности собственности русским мыслителям был присущ исключительно широкий взгляд на эту категорию, которая связывалась с понятием личности, свободы, устойчивости гражданского общества. Здесь понятие собственности, взятое как в экономическом, так и в философско-правовом, получает своё содержание, прежде всего, через соотнесение с понятием свободы личности, с учётом роли и значения государства в организации жизни российского общества.

16 Там же. С. 10.

17 См.: Сорель Ж. Социальные очерки современной экономики. Дегенерация капитализма и дегенерация социализма. — М., 1908. — С. 101–103.

18 Алексеев Н. Собственность и социализм... — С. 13.

19 Там же. С. 18.

20 Там же. С. 44.

Изучаем проблему

Д.С. ЛЕМЕШКО, старший преподаватель,

Санкт-Петербургская государственная академия систем управления

D. Lemesko, senior lecturer, Saint-Petersburg state Academy of management systems

Принятие управленческих решений в условиях неопределённости и оценка риска волатильности

Decision-making in conditions of uncertainty and volatility risk assessment

Аннотация: Влияние факторов риска и неопределённости приводит к тому, что содержание, состав инвестиционного проекта, способы, методы управления проектом и методы оценки его эффективности существенно изменяются. Основным отличием проектов, разрабатываемых и оцениваемых с учётом неопределённости, является то, что условия их реализации и соответствующие затраты и результаты точно не известны. Поэтому приходится принимать во внимание весь спектр их возможных значений, а также «степень возможности» каждого из них.

Abstract: the Influence of risk factors and uncertainties leads to the fact that the content, the structure of the investment project, the methods of project management and methods for assessing its effectiveness is significantly changed. The main difference of the projects developed and evaluated taking into account the uncertainty is the fact that the conditions of their implementation and related expenses, and the results are uncertain. Therefore it is necessary to take into account the full range of their possible values, and "the extent possible".

Ключевые слова: инвестиционный проект, волатильность, риск, экономические последствия, жизненный цикл инвестиционного проекта, компетентность, ситуация неопределённости, управленческие решения.

Key words: investment project, volatility, risk and economic implications, the life cycle of the investment project, competence, the uncertainty management decisions.

При рассмотрении вопроса об оценке инвестиционного проекта и принятии управленческого решения в условиях неопределённости и риска, необходимо различать понятия «риск» и «неопределённость». Будем считать, что неоднозначность характеризует множественность возможных исходов. При этом каждый исход может быть вполне детерминированным. И если принять дополнительные соглашения (например, минимальную внутреннюю норму доходности), то таким же детерминированным будет и результат. Это, как нам кажется, отличает неоднозначность от неопределённости.

В самом деле, неопределённость предполагает наличие факторов, при которых результаты действий

не являются детерминированными (о которых имеется полная и точная информация), а степень возможного влияния этих факторов на результаты неизвестна; это неполнота или неточность информации об условиях реализации проекта. Факторы неопределённости подразделяются на внешние (экзогенные) и внутренние (эндогенные). Внешние факторы – законодательство, реакция рынка на выпускаемую продукцию, действия конкурентов и др. Внутренние – это компетентность персонала фирмы, ошибочность определения характеристик проекта и т.д. Под риском понимается вероятность возникновения условий, приводящих к негативным экономическим последствиям для всех или отдельных участников проекта.

Следует отметить, что ситуация риска качественно отличается от ситуации неопределённости с точки зрения выбора способа измерения. Обычно ситуация неопределённости характеризуется тем, что вероятность наступления результатов решений или событий на практике определяется путём применения экспертных моделей и она оценивается информационной энтропией, то есть недостатком информации. Ситуацию же риска обычно характеризуют как частный случай неопределённости, при котором наступление рискованного события определяется вероятностной метрикой, а возникающие потери (доходы) стоимостными показателями.

Влияние факторов риска и неопределённости приводит к тому,

что содержание, состав инвестиционного проекта, способы, методы управления проектом и методы оценки его эффективности существенно изменяются. Основным отличием проектов, разрабатываемых и оцениваемых с учётом неопределённости, является то, что условия их реализации и соответствующие затраты и результаты точно не известны. Поэтому приходится принимать во внимание весь спектр их возможных значений, а также «степень возможности» каждого из них.

Поскольку жизненный цикл любого инвестиционного проекта напрямую связан с динамикой его характеристик, рассмотрим неопределённость в их развитии во времени.

Риск пониженной ликвидности инвестиций в недвижимость в оценочной практике обычно учитывается по безрисковой ставке, исходя из потери дохода за период товарного обращения. Например, если ожидаемое время продажи

– 3 месяца, а годовая безрисковая ставка – 6%, то премия за риск пониженной ликвидности составит 1,5%, то есть оценивается пропорционально времени продажи. Надо заметить, что эта техника расчёта, несмотря на её популярность, методически недостаточно корректна, так как за время обращения актива он продолжает приносить арендный доход и наращивать стоимость [4].

Вместе с тем эта техника не учитывает потерь, которые может понести инвестор из-за вынужденного ожидания притока денежной наличности. Дело в том, что управление «инвестиционной недвижимостью», как известно, требует в 5–10 раз более высоких расходов на единицу стоимости имущества, чем управление портфельными инвестициями. Рынок позволяет достаточно точно оценить величину этих расходов. Если они предсказуемы и носят постоянный, фиксированный характер, то их следует учитывать в

составе операционных расходов, а не в составе инвестиционных рисков, как это рекомендуют учебно-методические пособия для оценщиков. Как мы понимаем, здесь возникает неопределённость, связанная с неоднозначностью данного методического подхода.

Поскольку управленческое решение всё-таки нужно принимать, то в соответствующей теории принятия решений выделяют два типа моделей.

1. Принятие решения в условиях неопределённости – когда лицо, принимающее решение, не знает вероятности наступления исходов или последствий для каждого решения.

2. Принятие решений в условиях риска – когда лицо, принимающее решение, знает вероятности наступления исходов или последствий для каждого решения.

В специальной научной литературе [10] можно встретить классификацию основных методов анализа рисков (табл. 1).

Таблица 1
Основные группы методов анализа и оценки рисков

Группа методов	Базовый принцип разработки	Достоинства	Недостатки
Экспертные методы	Систематизация суждений специалистов по реализации аналогичных проектов	Достигается наиболее подробное описание рисков проекта, учёт качественных факторов	Экспертное описание риска специалистами различных отраслей плохо сопоставимо с его экономической интерпретацией инвестором
Статистические методы	Построение кривой риска на основе обработки статистического материала	Простота, относительно высокая точность оценки, уход от субъективности, возможность формализации оценки	Требуют большого количества исходной информации, подходит для оценки риска часто повторяющихся проектов, нельзя использовать на долгую перспективу
Имитационные методы	Теоретико-вероятностные методы, основанные на построении модели реализации проекта и прокручивании её по множеству сценариев	Учёт корреляции, сценарии формируются автоматически, выдается не единичный результат, а распределение результирующего показателя	Сложные, требуют наличия исходной базовой модели

Экономико-математические методы	Инструмент для первых трёх методов, заменяют вероятностные характеристики экономическими	Сочетают различные методы оценки риска, в стандартных ситуациях получается оценка экономических последствий риска	Влияние аспектов риска на доходы конкретного инвестора, чаще всего не может быть «стандартизовано» и «нормировано», не используются как самостоятельные методы, являясь, скорее, уточняющими (конкретизирующими)
---------------------------------	--	---	--

Исходная информация для принятия решения в ситуации, как неопределённости, так и в ситуации риска, обычно представляется с помощью таблицы выплат. В самом общем виде в ситуации риска она будет выглядеть следующим образом (табл. 2).

Таблица 2
Исходная информация в ситуации риска

Выбор варианта решения	Состояния «среды» (S) и их вероятности (p)		
	S1(p1)	S2(p2)	Sj(pi)
A1	X11	X12	X1j
A2	X21	X22	X2j
Ai	Xi1	Xi3	Xij

В таблице X_{ij} обозначает выплату, которую можно получить от i -того решения в j -том состоянии «среды». Таблицу 2 можно свернуть в матрицу выплат $|X_{ij}|$, где i – номер строки матрицы выплат, т.е. варианта решения, j – номер столбца матрицы, т.е. состояния «среды». В ситуации неопределённости данная таблица будет иметь несколько иной вид: в ней будут отсутствовать вероятности наступления последствий принимаемых решений.

Критерии принятия управленческих решений в условиях неопределённости. Перед непо-

средственным рассмотрением критериев приведём следующий практический пример. Девелопер готов начать крупномасштабную покупку земельных участков для поквартальной застройки, но не знает, когда лучше это сделать: немедленно, через 1 год или даже через 2 года. Дело в том, что новый проект в силу своей дороговизны, очевидно, не сразу найдёт массового покупателя. Поэтому излишняя торопливость может привести к тому, что крупные инвестиции девелопера окажутся надолго иммобилизованными, а это грозит не только вероятным увеличением

срока возврата инвестиций, но и при неблагоприятном изменении рыночной конъюнктуры и возможными убытками. Но и медлить нельзя, так как конкуренты могут перехватить инициативу, и тогда значительная часть ожидаемой прибыли будет упущена. Девелопер не смог даже приблизительно оценить вероятности для разных сроков появления спроса. Поэтому налицо ситуация неопределённости. Возможные последствия от принимаемых решений в условиях разной реакции рынка на новую продукцию представлены в таблице 3.

Таблица 3
Возможные последствия от принимаемых решений

Вариант решения о начале поквартальной застройки	Размер выплат (млн. у.е.) при условии, что спрос возникнет		
	немедленно	через 1 год	через 2 года
Перейти немедленно	16	6	-6
Перейти через 1 год	5	12	2
Перейти через 2 года	0	2	6

Как видно из таблицы, немедленная инициация проекта может дать наибольшую прибыль, но в случае неудачи (спрос не возникнет) грозит очень большими, но неопределёнными в задаче, убытками. Другие варианты выбора срока начала строительства исключают возможность возникновения убытков, но дают относительно меньшую прибыль. Выбор оптимального решения здесь затруднён отсутствием сведений о вероятностях той или иной реакции рынка.

Для выбора оптимальной стратегии в ситуации неопределённости используются следующие критерии:

- критерий MAXIMAX;
- критерий MAXIMIN (критерий Вальда);
- критерий MINIMAX (критерий Сэвиджа);
- критерий пессимизма-оптимизма Гурвица;
- критерий математического ожидания;
- критерий Лапласа;
- поиск оптимума по «дереву» решений.

Критерий MAXIMAX определяет альтернативу, максимизирующую максимальный результат для каждого состояния возможной действительности. Это критерий крайнего оптимизма. Наилучшим признаётся решение, при котором достигается максимальный выигрыш, равный:

$$M = \max_i \left(\max_j X_{ij} \right).$$

Запись вида \max_i означает поиск максимума перебором столбцов, а запись вида \max_j – поиск максимума перебором строк в матрице выплат. Нетрудно увидеть, что для нашего примера наилучшим решением будет 16, т.е. немедленный запуск проекта. Следует заметить, что ситуации, требующие применения такого критерия, в общем нередки, и пользуются им не только безоглядные оптимисты, но и игроки, вынужденные руководствоваться принципом «или пан, или пропал».

Максиминный критерий Вальда ещё называют критерием пессимиста.

$$W = \max_i \left(\min_j X_{ij} \right).$$

Поскольку при его использовании как бы предполагается, что от любого решения надо ожидать самых худших последствий и, следовательно, нужно найти такой вариант, при котором худший результат будет относительно лучше других худших результатов. Таким образом, он ориентируется на лучший из худших результатов. Расчёт максимина в соответствии с приведённой выше формулой состоит из двух шагов. Находим худший результат каждого варианта решения, т.е. величину $\min X_{ij}$, и строим следующую таблицу 4.

Таблица 4
Расчёт MAXIMIN'a

Вариант решения о начале поквартальной застройки	Столбец минимумов
Перейти немедленно	-6
Перейти через 1 год	2
Перейти через 2 года	0

Из худших результатов, представленных в столбце минимумов, выбираем лучший. Он стоит на второй строке таблицы выплат, что предписывает приступить к массовой скупке земли и новому строительству через год. Это перестраховочная позиция расчётливого пессимиста. Такая стратегия приемлема, когда инвестор не столь заинтересован в крупной удаче, но хочет застраховать себя от неожиданных проигрышей. Выбор такой стратегии определяется отношением принимающего решения лица к риску.

Критерий MINIMAX, или критерий Сэвиджа, в отличие от предыдущего критерия, ориентирован не столько на минимизацию потерь, сколько на минимизацию сожалений по поводу упущенной прибыли. Он допускает разумный риск ради получения дополнительной прибыли. Пользоваться этим критерием для выбора стратегии поведения в ситуации неопределённости можно лишь тогда, когда есть уверенность в том, что случайный убыток не приведёт проект к полному краху.

$$S = \min_i \left(\max_j \left(\max_i X_{ij} - X_{ij} \right) \right)$$

Расчёт данного критерия включает в себя 4 шага:

1. Находим лучшие результаты каждого в отдельности столбца, т.е. $\max X_{ij}$. Таковыми в нашем примере будут для первого столбца 16, для второго – 12 и третьего – 5. Это те максимумы, которые можно было бы получить, если бы удалось точно угадать возможные реакции рынка.

2. Определяем отклонения от лучших результатов в пределах каждого отдельного столбца, т.е. $\max X_{ij} - X_{ij}$. Получаем матрицу отклонений, которую можно назвать матрицей сожалений, ибо её элементы – это недополученная прибыль от неудачно принятых решений из-за ошибочной оценки возможной реакции рынка. Матрицу сожалений можно оформить в виде таблицы 5.

Таблица 5
Матрица сожалений

Вариант решения о начале поквартальной застройки	Возможные размеры упущенной прибыли в условиях, когда спрос возникнет		
	немедленно	через 1 год	через 2 года
Перейти немедленно	0	6	12
Перейти через 1 год	11	0	4
Перейти через 2 года	16	10	0

Судя по приведённой матрице, не придётся ни о чём жалеть, если девелопер немедленно инвестирует в проект, и рынок сразу же отреагирует на это спросом. Однако если спрос возникнет только через 2 года после начала продаж, то придётся пожалеть о потерянных вследствие такой поспешности 12 млн. у.е., и т.д.

3. Для каждого варианта управленческого решения, т.е. для каждой строки матрицы сожалений, находим наибольшую величину. Получаем столбец максимумов сожалений в виде таблицы 6.

4. Выбираем то управленческое решение, при котором максимальное сожаление будет меньше других. В приведённом столбце максимальных сожалений оно стоит на второй строке, что предписывает инициировать проект через год.

Таблица 6
Максимум сожалений

Вариант решения о начале поквартальной застройки	Столбец максимальных сожалений
Перейти немедленно	12
Перейти через 1 год	11
Перейти через 2 года	16

Критерий пессимизма-оптимизма Гурвица при выборе решения рекомендует руководствоваться некоторым средним результатом, характеризующим состояние между расчётливым пессимизмом и безудержным оптимизмом.

$$H = \max_i \left(k \min_j X_{ij} + (1 - k) \max_j X_{ij} \right).$$

Т.е. критерий выбирает альтернативу с максимальным средним результатом (при этом действует негласное предположение, что каждое из возможных состояний среды может наступить с равной вероятностью). В формуле (4) величина k обозначает коэффициент пессимизма, который принадлежит промежутку от 0 до 1 в зависимости от того, как принимающий решение оценивает ситуацию. Если он подходит к ней оптимистически, то эта величина должна быть больше 0,5. При пессимистической оценке он должен взять упомянутую величину меньше 0,5. При $k=0$ критерий Гурвица совпадает с максимаксным критерием, а при $k=1$ – с критерием Вальда. Рассчитаем критерий Гурвица для условий нашего примера, придав упомянутому параметру значение на уровне 0,6:

$$H_1 = 16 \cdot 0,6 + (-6) \cdot 0,4 = 7,2;$$

$$H_2 = 12 \cdot 0,6 + 2 \cdot 0,4 = 8;$$

$$H_3 = 6 \cdot 0,6 + 0 \cdot 0,4 = 3,6.$$

По максимуму значения данного критерия надо принять управленческое решение о запуске проекта через год. В нашем примере вторая стратегия фигурирует в качестве оптимальной по трём критериям выбора из четырёх испытанных, степень её надёжности можно признать достаточно высокой для того, чтобы рекомендовать эту стратегию к практическому применению. Действительно, в нашем примере при таком решении не придётся особенно сожалеть об упущенной прибыли и не придётся ожидать больших убытков, т.е. сразу минимизируются и сожаления об упущенной прибыли, и возможные убытки.

Критерии математического ожидания. Для выбора оптимального решения в данном случае предназначены формулы (5) и (6),

$$K = \max_i M,$$

$$M = \sum_j X_{ij} \cdot p_j$$

где X_{ij} – выплата, которую можно получить в i – том состоянии «среды»,

p_j – вероятность j – того состояния среды.

Таким образом, лучшей стратегией будет та, которая обеспечит инвестору максимальный средний выигрыш. Воспользуемся данными нашего примера для иллюстрации критерия, добавив вероятности наступления возможных событий.

Для каждой строки, т.е. для каждого варианта решения, находим математическое ожидание выплаты:

$$M_1 = 16 \cdot 0,2 + 6 \cdot 0,5 - 6 \cdot 0,3 = 4,4;$$

$$M_2 = 5 \cdot 0,2 + 12 \cdot 0,5 + 2 \cdot 0,3 = 7,6;$$

$$M_3 = 0 + 2 \cdot 0,5 + 6 \cdot 0,3 = 2,8.$$

Таблица 7

Математические ожидания выплат

Вариант решения о начале поквартальной застройки	Размер выплат (млн. у.е.) при возможных сроках наступления спроса и их вероятностях		
	немедленно ($p_1=0,2$)	через 1 год ($p_2=0,5$)	через 2 года ($p_3=0,3$)
Перейти немедленно	16	6	-6
Перейти через 1 год	5	12	2
Перейти через 2 года	0	2	6

Максимальным из них является математическое ожидание второй строки, что соответствует решению перейти к поквартальной застройке через год.

Критерий Лапласа. Если ни одно из возможных последствий принимаемых решений нельзя назвать более вероятным, чем другие, т.е. если они являются приблизительно равновероятными, то решение можно принимать с помощью критерия Лапласа следующего вида:

$$L = \max_i \sum_j X_{ij} .$$

На основании приведённой формулы оптимальным надо считать то решение, которому соответствует наибольшая сумма выплат. Суммы выплат для отдельных вариантов решений в нашем примере составят:

$$\sum X_{1j} = 16 , \quad \sum X_{2j} = 19 , \quad \sum X_{3j} = 8 .$$

Наибольшей является сумма выплат для второй строки таблицы. Значит, в качестве оптимального решения следует принять старт проекта через год, т.е. то же решение, что было признано оптимальным и с помощью критерия математического ожидания. Когда два разных критерия предписывают принять одно и то же решение, то это является лишним подтверждением его оптимальности. Если же они указывают на разные решения, то предпочтение в ситуации риска надо отдать тому из них, на которое указывает критерий математического ожидания. Именно он является основным для данной ситуации.

Принятие управленческих решений с помощью «дерева решений». Рассмотрим более сложные решения в условиях риска. Если имеют место два или более последовательных множества решений, причём последующие решения основываются на результатах предыдущих, и/или два или более множества состояний среды (т.е. появляется целая цепочка решений, вытекающих одно из другого, которые соответствуют событиям, происходящим с некоторой вероятностью), используется «дерево решений». С его помощью часто оценивают риск

по проектам, при реализации которых инвестирование средств происходит в течение длительного периода времени. Дерево решений – это графическое изображение последовательности решений и состояний окружающей среды с указанием соответствующих вероятностей и выигрышей для любых комбинаций альтернатив и состояний среды (рис. 1). Аналитик проекта, осуществляющий построение «дерева решений», для формулирования различных сценариев развития проекта должен обладать необходимой и достоверной информацией с учётом вероятности и времени их наступления. Можно предложить следующую последовательность сбора данных для построения «дерева решений»:

- определение состава и продолжительности фаз жизненного цикла проекта;
- определение ключевых событий, которые могут повлиять на дальнейшее развитие проекта;
- определение времени наступления ключевых событий;
- формулировка всех возможных решений, которые могут быть приняты в результате наступления каждого ключевого события;
- определение вероятности принятия каждого решения;
- определение стоимости каждого этапа осуществления проекта (стоимости работ между ключевыми событиями) в текущих ценах.

На основании полученных данных строится «дерево решений», структура которого содержит узлы, представляющие собой ключевые события (точки принятия решений), и ветви, соединяющие узлы, – работы по реализации проекта. В результате построения «дерева решений» рассчитываются вероятность каждого сценария развития проекта, NPV по каждому сценарию, а также ряд других принципиально важных как для анализа рисков проекта, так и для принятия управленческих решений показателей.

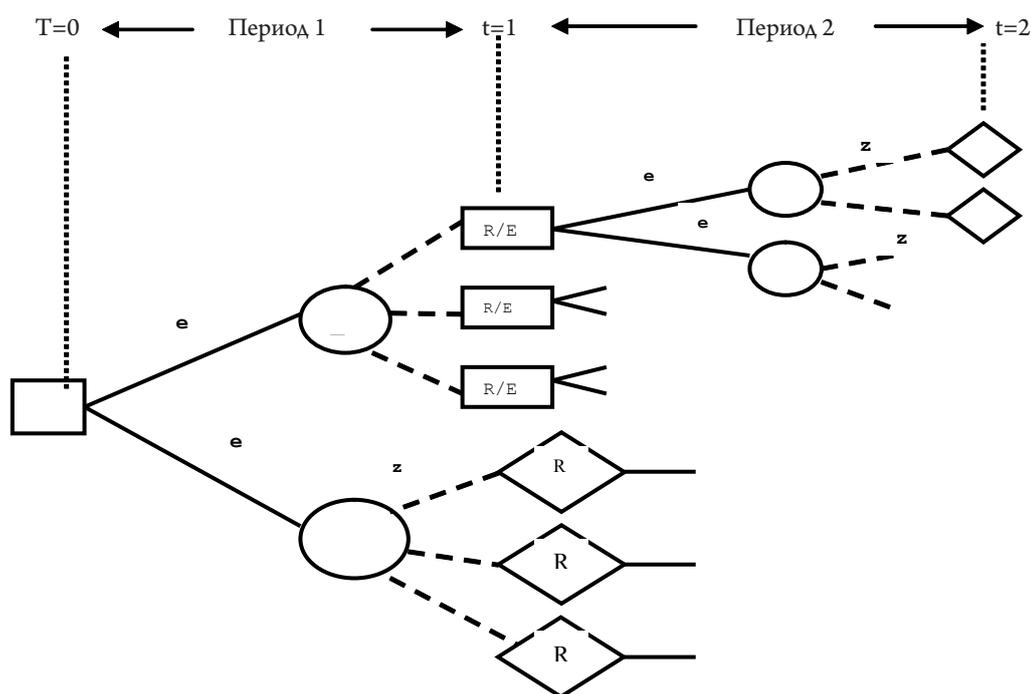

Рисунок 1. Формальная структура «дерева решений»

Где E – узел решения, т.е. узел, характеризующий момент принятия решения;

e – линия, представляющая альтернативу решения;

Z – узел события, т.е. узел, обозначающий случайное событие;

z – линия, описывающая состояние окружающей среды, явившейся следствием наступления случайного события;

R – узел результата, т.е. узел, обозначающий результаты, связанные с определёнными альтернативными решениями и состояниями окружающей среды;

R/E – узел, обозначающий наличие определённого результата, а также необходимость принятия решения.

Построение «дерева решений» обычно используется для анализа рисков тех проектов, которые имеют обозримое количество вариантов развития. В противном случае «дерево решений» принимает очень большой объём, так что затрудняются не только вычисление оптимального решения, но и определение данных. Метод полезен в ситуациях, когда более поздние решения сильно зависят от решений, принятых ранее, но, в свою очередь, определяют дальнейшее развитие событий.

Учитывая ограниченные возможности использования всех проанализированных методов принятия решения в условиях неопределённости применительно к инвестиционным проектам, развивающимся в условиях нестабильной экономики (а также аналогичный опыт проектного анализа других стран), становится возможным описать промежуточный подход, универсальный для различных инвестиционных проектов.

Оценка волатильности поправки на риск на основе анализа информационной энтропии. В нестабильных рыночных условиях качественный анализ рисков, имеющий своей целью выявить области, виды и факторы рисков, приобретает особенно большое значение. Оценивая эффективность инвестиционного проекта коммерческой недвижимости, аналитик имеет дело с информацией совершенно разного рода: технической, социальной, экономической и др. При этом, если технические параметры проекта недвижимости имеют под собой чёткие требования инвестора к этажности, площади объекта, строительным материалам, с социально-экономическими параметрами проекта возникают определённые трудности. Например, как нами установлено ранее, такие показатели как NPV и IRR зачастую не могут служить однозначными индикаторами для принятия решения о выборе того или иного проекта недвижимости. Отсутствие же статистических данных по темпам и срокам строительства объектов недвижимости только усугубляет ситуацию неопределённости.

Участники проекта собирают рыночную информацию, готовят разрешительную документацию, организуют тендеры на различные виды строительных работ, берут кредиты в банках, сдают площади арендаторам. И с каждым из перечисленных контрагентов, которые и являются тем самым окружением проекта, участники двусторонне обмениваются информацией. Общей особенностью этой информации является рост её неопределённости во времени. Следовательно, заложенная в экономическую оценку эффективности норма дисконта приобретает крайне изменчивый вид или, как выражаются профессионалы, становится волатильной. Поэтому одним из способов учёта волатильности является её приведение к определённому моменту времени, например, к началу проекта или к моменту оценки его инвестиционной привлекательности. Поскольку степень волатильности обладает неопределённостью, то к вопросу её оценки целесообразно подойти с позиции анализа энтропии.

Одно из обоснований энтропии может быть дано в рамках принципа физикализма. Этот принцип ввёл в научный лексикон академик Берг, подразумевая при этом, прежде всего, определённую аналогию между естественными явлениями и процессами в искусственных системах, создаваемых человеком. В 1865 г. Рудольф Клаузиус установил, что «каждая термодинамическая система обладает функцией состояния, называемой энтропией». Термин «энтропия» (греч. entropia – поворот, превращение), по мысли Клаузиуса, характеризует превращение, превратимость. И если экстраполировать эту мысль на исследуемую нами сферу, то превратимость будет означать переход от более определённого состояния к менее определённому состоянию – с ростом горизонта планирования, то есть с ростом времени.

Другое обоснование связано с понятием информационной энтропии, определяемой той информацией, которую нужно дать системе, чтобы снять её неопределённость. Формализация количественного исчисления информационной энтропии (H в битах) основана на формуле Шеннона, которая для случаев дискретного распределения вероятностей отдельных состояний системы (p_i) будет определяться следующей формулой:

$$H = -\sum_i p_i \log_2 p_i.$$

В работе проанализирована неопределённость, связанная с календарными планами строительно-монтажных работ, и сделаны два важных для нас качественных вывода:

1. Любая минимизация общей продолжительности строительного потока, при прочих равных условиях, уменьшает неопределённость в распределении ресурсов в течение общего времени строительства.
2. Любое уменьшение концентрации ресурсов уменьшает неопределённость в их распределении в течение общей продолжительности работ.

Из этих выводов следует, что для уменьшения неопределённости необходимо концентрировать ресурсы в начале строительства, а завершать его следует как можно быстрее. Однако при этом остаётся одна проблема отечественного строительного комплекса, связанная со срывом сроков сдачи объектов, т.е. несвоевременностью завершения этапа строительства и начала этапа экономической эксплуатации инвестиционной недвижимости.

На рисунке 2 изображён график зависимости планируемых сроков окончания строительства от горизонта планирования проекта. Построение данного графика связано практически с полным отсутствием современной официальной и публичной информации.

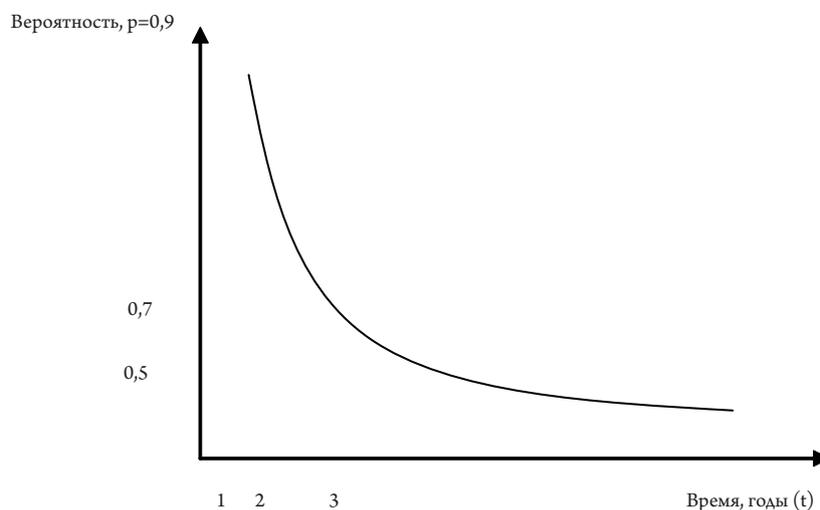

Рис. 2. Вероятность несвоевременного завершения строительства

Собранная же в ходе проведения диссертационного исследования информация по заявленным срокам окончания строительства объектов недвижимости и их срывам, к сожалению, не в полной мере поддаётся верификации (проверке) и отражает только некоторые тенденции строительства.

Однако количественно данный график подтверждается материалами предшествующего периода, отражающими как отечественный, так и зарубежный опыт. Представленные на рисунке 3 данные убеждают, что интегральная информационная энтропия растёт во времени. Как видно из формулы (8), существенным параметром в расчёте энтропии является распределение вероятности возникновения риска, отрицательно влияющего на ход реализации проекта. Обозначим среднее число рисков за единицу времени буквой λ . С целью моделирования функции плотности распределения рисков во времени $-f(t)$, которые приняты нами как равнозначные события, используем следующую эмпирическую закономерность. Сила противодействия окружающей среды частоте возникновения рисков $-k$ пропорциональна соответствующей плотности вероятности. Эта гипотеза соответствует математическому описанию в виде следующего дифференциального уравнения

$$\frac{df(t)}{dt} = k \cdot f(t)$$

Рис. 3. Обобщение примеров распределений вероятностей несвоевременного выполнения работ [3]

Его формальное решение с учётом соответствующих ограничений даст искомую функцию распределения плотности вероятности возникновения рисков за время t .

$$f(t) = \lambda \cdot \exp(-\lambda t)$$

Интегральная функция распределения вероятности будет равна

$$F(t) = 1 - e^{-\lambda t}$$

В методических указаниях по оценке эффективности инвестиционных проектов [6] рассмотрены четыре составляющие нормы дисконта: безрисковая ставка E_0 , темп инфляции I , премия за риск R и поправка на риск ΔR . Согласно кумулятивному методу, норма дисконта определяется суммой этих величин: $E = E_0 + I + R + \Delta R$. Ориентировочные величины поправок на риск неполучения предусмотренных проектом доходов определены постановлением правительства [7] (табл. 8).

Таблица 8

Рекомендуемые поправки на риск применительно к оценке бюджетной эффективности

Величина риска	Пример цели проекта	Величина поправки на риск, %
Низкий	Вложения в развитие производства на базе освоенной техники	3–5
Средний	Увеличение объёма продаж существующей продукции	8–10
Высокий	Производство и продвижение на рынок нового продукта	13–15
Очень высокий	Вложения в исследования и инновации	18–20

Поэтому окончательная формула расчёта нормы дисконта с учётом риска неполучения предусмотренных проектом доходов, распределённого во времени, определится формулой:

$$E = E_0 + I + R + \Delta R(1 - e^{-\lambda t})$$

Использование формулы (12) на практике предполагает, что инвестор должен установить доход, альтернативный данному проекту, определяемый безрисковой ставкой, далее он должен определить свою премию за риск вложений в рассматриваемый проект, дефлировать эти показатели согласно оценке темпа инфляции, и определить максимальную поправку на риск с учётом её волатильности. При этом очевидно, что уменьшение волатильности поправки на риск увеличивает чистый дисконтированный доход.

Таким образом, применение в норме дисконта в качестве дополнительного показателя волатильности поправки на риск при анализе привлекательности инвестиционных проектов позволяет существенно повысить прозрачность базы знаний при принятии управленческого решения. Это позволит снизить неопределённость в будущих инвестициях и расширит палитру общепринятых мероприятий по риск-менеджменту.

Литература:

1. Болотин С.А. Методология оптимального ресурсораспределения в календарном планировании строительства объектов и их комплексов: Дис. ... докт. техн. наук. СПб., СПбГАСУ, 2003.
2. Болотин С.А., Климов С.Э. Обоснование экспоненциального распределения при моделировании несвоевременного выполнения работ // Известия вузов. Строительство. – 2010. №10. – С. 47–51.
3. Гарина С.А. Формирование механизма управления инвестиционной привлекательности коммерческой недвижимости: Дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск. 2009. – 197 с.
4. Куликовский Л.Ф., Мотов В.В. Теоретические основы информационных процессов. – М.: Высшая школа, 1987. – 248 с.
5. Ковальский М.И. Управление строительством: опыт США, Японии, Великобритании, ФРГ, Канады... - М.: Наука, 1993. - 171 с.
6. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. – М.: Экономика, 2012. – 429 с.
7. Постановление Правительства РФ от 22.11.97 № 1470 ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПОРЯДКА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГАРАНТИЙ НА КОНКУРСНОЙ ОСНОВЕ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ БЮДЖЕТА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ ПРИ РАЗМЕЩЕНИИ НА КОНКУРСНОЙ ОСНОВЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ РЕСУРСОВ БЮДЖЕТА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (в ред. Постановлений Правительства от 20.05.98 N 467, от 03.09.98 N 1024) .
8. Солунский А.И., Ефремова Е.К. Анализ действующих методик оценки рисков в недвижимости: достоинства и недостатки // Недвижимость: экономика, управление. – 2007. № 1–2. – С. 11–16.

В.М. Никоноров, кандидат экономических наук, декан социально-экономического факультета НОИР
 V. Nikonorov, candidate of economic Sciences, Dean of the social-economic Department of NOIR

Особенности формирования цены антиквариата Peculiarities of formation of the prices of Antiques

Аннотация: Антикварный рынок в современной России становится всё более популярным. Автор анализирует причины интереса к предметам старины. Определяет методики его ценообразования, исследует динамику спроса и предложения, а также появление новых тенденций.

Abstract: the Antique market in modern Rossi is becoming more popular. The author analyses the reasons for interest in Antiques. Defines methods of pricing, explores the dynamics of supply and demand, as well as the emergence of new trends.

Ключевые слова: антикварные предметы, артефакт, ценообразование, статус, мода, паритет, капиталовложения, галереи, провенанс, уникальность, экспертиза.

Keywords: Antiques, artifact, pricing, status, fashion, rarity, investment, galleries, provenance, uniqueness, expertise.

Актуальность исследования.

Интерес к антикварным предметам (далее – антиквариат) растёт год от года в Российской Федерации. Возможные причины следующие.

1. Ностальгия по прошлому.
2. Для кого-то антиквариат – артефакт важного исторического события (наградные часы экипажа «Варяга») или артефакт биографии исторического деятеля (треуголка Наполеона).
3. Владеть антиквариатом – значит принадлежать к определенной социальной группе.
4. Грамотные инвестиции с постоянной положительной доходностью.

Так как большинство экономистов сходятся в предположении, что действия человека продиктованы прежде всего рациональными мотивами, то уместно рассмотреть только четвертую причину из вышеназванных. Соответственно, требуется правильно определить цену покупки (стоимость антиквариата) для того чтобы убедиться впоследствии в высокой доходности сделанных инвестиций. Тем самым определена цель исследования – рассмотреть особенности ценообразования на предметы антиквариата.

Названная цель определяет задачи исследования.

1. Определить понятийный аппарат антик-рынка.
2. Рассмотреть действующие методики ценообразования.
3. Подобрать наиболее приемлемую методику ценообразования для антиквариата.

Дадим определение понятия «предмет антиквариата» в соответствии с законодательством РФ. Сошлемся на Указ Президента РФ № 1108 от 30.05.1994г. «О реализации предметов антиквариата..»

«5. Для целей настоящего Указа под предметами антиквариата понимаются культурные ценности, созданные более 50 лет назад, включающие следующие категории предметов:

- а) исторические ценности, в том числе связанные с историческими событиями в жизни народов, развитием общества и государства, историей науки, искусства и техники, а также относящиеся к жизни и деятельности выдающихся личностей, государственных, политических и общественных деятелей;
- б) предметы и их фрагменты, полученные в результате археологических раскопок;

в) художественные ценности, в том числе:

картины и рисунки целиком ручной работы на любой основе и из любых материалов;

оригинальные художественные композиции и монтажи из любых материалов;

художественно оформленные предметы культового назначения, в том числе иконы и церковная утварь;

гравюры, эстампы, литографии и их оригинальные печатные формы;

произведения декоративно-прикладного искусства, в том числе изделия традиционных народных промыслов и другие художественные изделия из стекла, керамики, дерева, металла, кости, ткани и прочих материалов;

г) составные части и фрагменты архитектурных, исторических, художественных памятников и памятников монументального искусства;

д) редкие рукописи и документальные памятники, в том числе инкунабулы и другие издания, представляющие особый исторический, художественный, научный и культурный интерес;

е) архивы, включая фоно- и фотоархивы и другие архивные материалы;

ж) уникальные и редкие музыкальные инструменты;

з) старинные монеты, ордена, медали, печати и другие предметы коллекционирования, отнесенные к культурным ценностям - предметам антиквариата.»

Соответственно, спектр антикварного рынка достаточно велик. В нашем исследовании не будут учтены предметы культа и исторические ценности, так как они не во власти золотого тельца.

Чем объясняется высокая стоимость предметов антиквариата? Классические теории ценности (классическая теория стоимости, теория полезности) здесь неприменимы. Налицо несоответствие между затратами на изготовление предмета антиквариата и его нынешней стоимостью. На память сразу приходит «костюм Веблена, который никогда не жмёт». Т. Веблен в свое время объяснил противоречие между себестоимостью и ценой «статусных» товаров. Власть денег поддерживает (до поры, до времени) «денежную цивилизацию», представители которой могут позволить себе статусное потребление. Статусное потребление, в свою очередь, поддерживает формирование соответствующей группы и статуса.

Предмет антиквариата становится знаком социальной иерархии.

«Для господина, живущего в праздности, демонстративное потребление материальных ценно-

стей есть средство достижения уважения.» [1]

Так как теоретическая база для определения ценности антиквариата, на наш взгляд, заложена в работах институционалистов, то антик-рынок, соответственно, является институтом со своими нормами, правилами, ограничениями. Институт этот контролируется и регулируется денежной силой.

«Основа, на которой в конечном счете покоится хорошая репутация в любом высокоорганизованном обществе, — денежная сила. И средствами демонстрации денежной силы, а тем самым и средствами приобретения или сохранения доброго имени являются праздность и демонстративное материальное потребление.» [1]

Здесь можно говорить о нарушении канона — подчинение высшего низшему. Человек создал деньги, и создание (денежная сила) поработила творца. Подчиняться непосредственно деньгам — унизительно для человека и подчинение это осуществляется в завуалированных формах. Одна из этих форм — собирательство антиквариата.

«Как правило, большая удовлетворенность от употребления и созерцания дорогих и, казалось бы, красивых предметов в значительной мере объясняется удовлетворением нашего вкуса к дорогостоящим, которая скрывается под маской красоты.» [1]

Исчезновение денежной силы разрушает и антик-рынок. Тема исследования связана с искусством, поэтому уместно время от времени прибегать к суждениям людей искусства. Известный писатель С. Довлатов в своем произведении «Зона: записки надзирателя» утверждает «... здесь бриллианты ценились не дороже стекляшек, а самым высоким достоинством обладал кусок черного хлеба.»

Другой инженер человеческих душ В. Пелевин в своем произведении «Generation P» даёт сочную иллюстрацию вышеприведенной фразы Т. Веблена — в частной коллекции на стенах вместо картин висят договора страхования этих картин. Цифры, указанные в этих договорах, наводят благоговейный трепет на посетителей выставки.

Итак, собирательство антиквариата есть не более чем завуалированное поклонение золотому тельцу.

Рассмотрим имеющиеся методики ценообразования.

Теоретические аспекты ценообразования на рынке предметов искусства исследовали Г. Беккер [2], П. Бурдьё [3], К. Гредди, А. Дамодаран, Б. де Мандевиль, М. Мозес, Дж. Песандо, и др. Тем не менее, до сих пор отсутствует исчерпывающее экономическое обоснование методов оценки стоимости антиквариата.

В мировой хозяйственной практике наиболее распространены два подхода к ценообразованию — затратный и рыночный (табл. 1). [4]

Таблица 1
Затратный и рыночный методы ценообразования

Методы ценообразования затратного подхода		Методы ценообразования рыночного подхода	
Затратные	Параметрические	Методы учета потребительского эффекта	Методы стимулирования сбыта продукции
1. Метод полных издержек	1. Метод удельной цены	1. Метод психологического ценообразования	1. Метод учета эластичности спроса
2. Метод стандартных издержек	2. Метод балльной оценки		2. Метод применения ценовых скидок

3. Метод прямых издержек	3. Метод регрессионного анализа		
4. Метод прямых стандартных издержек	4. Метод коинтеграционного анализа		
5. Метод рентабельности активов			

Как уже было сказано, классические теории ценообразования не позволяют правильно оценить антиквариат. Они могут применяться лишь отчасти.

На арт-рынке продается не столько сам товар, сколько знак социальной иерархии и источник высокой доходности. На аукционах торгах за миллионы долларов покупаются не сами работы Ван Гога, Пикассо, Моне, а статус владельца уникального товара арт-рынка. На рынке искусства ценообразование действует во многих аспектах так же, как и на фондовом рынке - на основе котировки, которая строится на результатах систематических фиксаций аукционных продаж. Произведение приобретает историю бытования и становится ликвидным после того, как оно побывало на одном из признанных мировых аукционов.

Методики ценообразования на товары арт-рынка

Для ценообразования объекта арт-рынка существует ряд методик.

1. Одним из методов оценки живописи является метод, предоставленный Fine Art Investment Group и галереей "АЛЕКСАНДР", в основе которого лежит связь между стоимостью одного квадратного сантиметра живописи и размером полотна. Оценка производится относительно картин среднего качества оцениваемого художника. Весь диапазон стоимости условно разбит на 12 стоимостных уровней. Каждый последующий уровень отличается от предыдущего стоимостью в 1,5-2 раза большей за аналогичную картину. Все художники по определенным признакам сгруп-

пированы между собой в 12 групп. Для каждой группы художников рассчитана средняя зависимость стоимости от площади картины. Если рассмотреть творчество любого художника, то каждой картине можно строго определить свое место в творчестве этого художника, и это место будет всегда постоянным. Параметров, по которым можно сравнивать работы между собой, может быть несколько. В большинстве случаев для оценки вполне достаточно следующих 5 параметров:

1. Качество живописи.
2. Историко-документальное и художественное значение оцениваемого произведения.
3. Спрос на сюжет.
4. Сохранность полотна.
5. Изменение спроса на местном рынке по отношению к предыдущему сезону.

Если принять качество средней работы за 1,0, тогда любую картину, по каждому из 5 параметров, можно описать с помощью числовых коэффициентов, и эти коэффициенты всегда будут постоянными. Изменяться будет только рейтинг художника в мире и сохранность полотна. Чтобы оценить какую-либо работу, необходимо найти стоимость картины среднего качества этого художника, а затем умножить на ряд коэффициентов. Необходимо только правильно определить эти коэффициенты. Рейтинг художника - величина не постоянная и с годами меняется. Таким образом, эта методика работает прежде всего в поле картин конкретного художника в случае, если известна цена картины данного артиста среднего уровня. Т.е. требуются данные аукционных

продаж. Следовательно, методика вторична, она отталкивается от знания уже имеющейся цены. Самостоятельно она не сможет построить цену на картину, если ранее художник не продавался.

2. Создание больших электронных баз данных аукционных продаж, таких как у artprice и artnet, позволило экономистам начать работу по анализу ценообразования на арт-рынке с учётом одновременно множества качественных переменных (методика т. н. гедонических регрессий, впервые применённая для анализа роста цен на автомобили). При таком подходе, считают эксперты, среднеценовые показатели и коэффициенты становятся более точными. Так, экономисты Люк Реннебоог и Кристоф Спаньерс (Тиллбургский университет), опираясь на данные о 1,5 млн. аукционных продаж (более 10 тыс. авторов), проверили влияние на ценообразование 11 факторов, касающихся репутации художника, качественных характеристик произведения, а также времени и места продажи. Эти переменные они сформулировали следующим образом:

1) количество слов в статье о художнике в словаре Grove Art Online,

2) упоминание художника в популярной однотомной истории искусства Гарднера,

3) участие художника в выставках «Documenta» (для современных художников),

4) факт смерти художника на момент продажи (проверка максимы «хороший художник — мёртвый художник»),

5) национальность художника,

6) атрибуция,

- 7) аутентичность,
- 8) техника,
- 9) тема/жанр,
- 10) время проведения торгов (полугодие и месяц),
- 11) аукционный дом.

По сути, голландские экономисты подвергли математической проверке весь арсенал инструментов, используемый дилерами и аукционистами для накручивания/сбивания цен. Остановимся на некоторых результатах этой проверки. Так, включённость художника в канон истории искусства увеличивает стоимость его произведения в среднем на 12%, наличие подписи автора – на 30%, наличие точной датировки – на 20% (т.2).

Натюрморты и автопортреты ценятся выше, чем портреты и ню. В то же время выяснилось, что влияние фактора «мёртвого художника» на ценообразование равно нулю. Ничтожным оказа-

лось и значение фактора участия художника в престижном международном форуме «Documenta».

Предложим свой вариант методики ценообразования на товары арт-рынка.

3. Представляется логичным учесть следующие факторы, влияющие на ценообразование антиквариата:

- 1) провенанс;
- 2) атрибуция
- 3) технико-технологическая экспертиза;
- 3) культурная ценность;
- 4) статусная ценность;
- 5) личная ценность;
- 6) иррациональная ценность.

Не стоит останавливаться на сохранности, так как и без того понятно, что даже Константиновский рубль при его сохранности в 1 балл по шкале Шелдона будет стоить в сотни раз меньше (а то и вовсе ничего), чем тот же рубль с сохранностью в 70 баллов.

Подробно остановимся на каждом факторе.

1. Провенанс – история бытования вещи. Указание прежних владельцев, выставок и т.п. Прозрачный провенанс служит своего рода подтверждением подлинности вещи и, разумеется, повышает её цену. Предполагаем, что зависимость цены антиквариата от провенанса линейная с коэффициентом, учитывающим возможность поддельного провенанса.

2. Атрибуция – определение точных реквизитов антиквариата. Кем и когда создан, из какого материала, что (или кто) послужило моделью.

3. Техничко-технологическая экспертиза (т.3) – комплексное технико-технологическое исследование с применением современных научных методов, дополняющее (или опровергающее) результаты атрибуции.

Таблица 2
Факторы, влияющие на цену картины

№	Фактор	Влияние фактора на рост цены, %
1	количество слов в статье о художнике в словаре Grove Art Online	12%
2	упоминание художника в популярной однотомной истории искусства Гарднера	
3	атрибуция	30%
4	аутентичность	
5	точная датировка	20%

Таблица 3
Элементы технико-технологической экспертизы

№	Технологии	Результат
1	Изучение под микроскопом	Датировка, оригинальность работы, способ нанесения подписи
2	Рентгенфлуоресцентный анализ	Сохранность, материалы, техника живописи
3	Изучение в инфракрасной области спектра	надписи и подписи графитом, нижние слои
4	Изучение в ультрафиолетовой области спектра	угасшие надписи и подписи, некоторые пигменты (ZnSO ₄), глубина залегания подписи
5	Анализ фактуры живописной поверхности (исследование возраста холста, бумаги)	Художественные материалы и техника живописи, идентификация пигментов
6	Сравнение с эталонной базой данных (подпись мастера) в кодилогической лаборатории	Почерковедческий анализ
7	Анализ химического состава живописных материалов	Время создания

Затраты на атрибуцию и экспертизу также линейно увеличивают стоимость антиквариата. В самом первом приближении эти затраты можно оценить через время и квалификацию экспертов, машино-часы соответствующей техники. Опять-таки появляется коэффициент, учитывающий ошибочную атрибуцию. Такая может быть, классический пример – атрибуция искусствоведом Брёдиусом картины Ван Меегерена «Христос в Эммаусе».

4. Культурная ценность – результат искусствоведческой экспертизы. Антиквариат как культурная ценность репрезентирует самые славные страницы истории общества. Затраты на искусствоведческую экспертизу линейно увеличивают стоимость антиквариата и определить их можно, оценив трудозатраты экспертов.

5. Статусная ценность – определяется тем, на какой уровень соци-

альной иерархии вознесёт предмет антиквариата своего владельца. Требуется экспертная оценка, чтобы оценить вклад статусной ценности в цену антиквариата.

6. Личная ценность – определяется индивидуальными предпочтениями владельца антиквариата и имеет эмоциональную окраску. Так детская мечта Г. Шлимана реализовалась в артефактах, найденных им в Трое и Микенах (как считал сам Шлиман). Другой пример – гравюры для владельца из произведения С. Цвейга «Незримая коллекция». Требуется экспертная оценка, чтобы оценить вклад личной ценности в цену антиквариата.

7. Иррациональная ценность – есть разные подходы к причинам возникновения этой иррациональной ценности. Стремление эпатировать добропорядочных буржуа – «Merda d' Artista» Пьеро Мандзони. Поиск художником

новых путей – «Чёрный квадрат» Малевича, картины художников-минималистов (Брайс Марден, Роберт Мангольд и др.). Абсолютно рыночный мотив – широко разрекламировать новое течение в искусстве и потом пожинать дивиденды (влияние Л. Каstellи на успех Э. Уорхола, Р. Лихтенштейна). Не случайно, Н. Рокфеллер называл абстрактный экспрессионизм «свободной живописью предпринимательства». Если в иррациональной ценности видны уши свободного предпринимательства, то особых затруднений с оценкой вклада такой иррациональности в цену антиквариата не возникнет. Для всех иных случаев иррациональной ценности требуются индивидуальные решения.

Соответственно, влияние разных факторов на цену антиквариата можно представить в т.4. Эта таблица является выводом данного исследования.

№	Технологии	Результат
1	Изучение под микроскопом	Датировка, оригинальность работы, способ нанесения подписи
2	Рентгенфлуоресцентный анализ	Сохранность, материалы, техника живописи
3	Изучение в инфракрасной области спектра	надписи и подписи графитом, нижние слои
4	Изучение в ультрафиолетовой области спектра	угасшие надписи и подписи, некоторые пигменты ($ZnSO_4$), глубина залегания подписи
5	Анализ фактуры живописной поверхности (исследование возраста холста, бумаги)	Художественные материалы и техника живописи, идентификация пигментов
6	Сравнение с эталонной базой данных (подпись мастера) в криминалистической лаборатории	Почерковедческий анализ
7	Анализ химического состава живописных материалов	Время создания

Формализация вышеуказанных зависимостей требует дополнительных исследований.

Специфические риски инвестирования в товары арт-рынка

Риски, с которыми сталкивается инвестор при инвестировании в товары арт-рынка, разнообразны. Для их минимизации используются различные методы, в основе которых лежат следующие принципы:

1. бесспорная подлинность (вхождение в авторитетные каталоги, надежность экспертных подтверждений);
2. хороший провенанс;
3. справедливый уровень цены;
4. осознанность инвестиционной перспективы (перспективы роста цены);
5. ликвидность приобретаемых работ;
6. легитимность сделки по приобретению;
7. обеспечение необходимых условий хранения;
8. страхование произведений искусства.

Литература

1. Т. Веблен. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984.- 345 с.
2. Г. Беккер. Человеческое поведение: экономический подход. – М.: Издательский дом ГУВШЭ, 2003.- 672 с.
3. П. Бурдьё. Формы капитала. – М.: РОССПЭН, 2004.-680 с.
4. Складенко В.К., Прудников В.М.. Экономика предприятия.- М.: ИНФРА-М, 2010.-528 с.

Прошлое в настоящем

Т.А. ПЕРЕВЕРЗЕВА, доктор экономических наук, НОИР

T. PEREVERZEV, doctor of economic Sciences, NOIR

Эволюционный аспект развития институциональных отношений в торговом предпринимательстве

Аннотация: История институционализма даёт предпосылки для исследования процессов отрасли «торговля». Актуальным является положение о том, что современные проблемы, методы и результаты научных исследований не могут быть полностью поняты, если неизвестно, как именно мы пришли к нынешнему пониманию тенденций развития предпринимательства в торговле.

Abstract: The history of institutionalism provides the prerequisites for studying processes of the industry "trade". Relevant is the fact that contemporary problems, methods and results of scientific research cannot be fully understood if it is unknown exactly how we came to the current understanding of trends of development of entrepreneurship in the trade.

Ключевые слова: торговля, институты торгового обмена, торговый процесс, общественное разделение труда, экономическое развитие, частная собственность, свобода контракта, принятие обязательств, институциональная экономическая теория.

Keywords: trade, institutions, trade exchange, the trading process, the social division of labor, economic development, private property, freedom of contract, commitment, institutional economic theory.

Развитие торговли в Римской империи свидетельствует, что, не имея институтов организации торговых процессов на формальном уровне, торговля была организована на неформальных нормах, которые были поддержаны сильной властью. Персонализированный торговый обмен не требовал разработки жёстких формальных норм и институтов, так как все операции были транспортны. Поэтому институты торгового обмена рассматривались как данные сверху, само собой разумеющиеся организационные структуры и институты правил игры.

Этот пример можно интерпретировать применительно к современным условиям. Нет смысла дублировать институциональные структуры для всех регионов на формальном уровне. Могут быть использованы неформальные структуры в организации предпринимательства в отрасли, если существует крепкая власть: муниципальная, региональная, федеральная, которая может инди-

кативно управлять торговыми процессами, но ни в коем случае не в тотально-директивном аспекте.

В историческом плане этот период институционального развития можно назвать периодом непризнанного институционализма персонализированного обмена.

По мере расширения неперсонализированного обмена на базе общественного разделения труда существование институтов рассматривалось как исходное положение, при этом институциональные соглашения не имели существенного значения. Этот период можно назвать периодом непризнанного институционализма неперсонализированного обмена.

В дальнейшем маржиналистская революция на основе принципа максимизации как средства объяснения и предсказания поведения во всех областях человеческой деятельности заставила признать влияние институтов на поведение агентов и, следовательно, на процессы обмена. И в конце 19 века зарождается институционализм. В литературе он получил различные названия – ве-

бленовский институционализм, старый традиционный, ранний классический [1, 13, 8, 14, 12].

Институционализм прошёл несколько этапов развития. Конец 19 века – зарождение; 20–30-е годы – наблюдалось его широкое распространение; 40–50-е годы – уменьшение влияния; 60–80-е годы – новый всплеск интереса к институциональной теории [1, с. 7]. Как видно из приведённой периодизации, интерес к институциональным проблемам возникает в кризисные времена – это депрессия сороковых и кризис 1980 года. Если следовать этой закономерности, то можно ожидать появление подобных тенденций и в период кризиса, начавшегося в 2008 году, так как монетаристско-либеральные идеи экономического развития потерпели крах.

Данная этапность развития позволила нам с учётом результатов научных исследований за это время выделить два периода: классический традиционный институционализм и неоклассический традиционный институционализм.

Классический традиционный институционализм возник и развивался как оппозиционное учение сначала к политической экономике, а потом к «экономике».

Традиционный классический институционализм преуспел в критике существующих институтов, которые являлись результатом процессов, происходящих в прошлом, и несли в себе «социальную инерцию, психологическую инерцию» [1, с. 202]. Ни о каком институциональном проектировании не было и речи.

Неоклассический институционализм стал в большей степени ориентирован на использование идей из смежных научных дисциплин, особенно из философии и социологии, стал опираться на анализ экономических явлений – не в терминах статистического равновесия, а рассматривал их как процесс в эволюционном плане.

Интересны теоретические положения, которые высказал Коммонс [18]. Он показал, что классическая и неоклассическая доктрина вводила в заблуждение, поскольку она отказалась признать, что в транзакциях между индивидами преобладает не гармония, а конфликт интересов. Обеспечение гармонии возможно за счёт поддержания порядка с помощью институтов посредством коллективных действий. Коммонс определяет институт как «коллективное действие по контролю за индивидуальным действием» [18, с. 69]. Учёт данного аспекта исследования Коммонса имеет большое значение в организации множества предприятий в виде корпораций, холдинговых компаний, торговых ассоциаций, сетей и т.д. То есть любая кооперация интересов предполагает достижение новой гармонии интересов. В классической и ортодоксальной теории кооперация возникает в результате изначально предполагаемой гармонии интересов. Таким образом, мы имеем новый подход к формированию сетевых объединений в

торговом предпринимательстве: не индивидуальные действия определяют развитие, а коллективные; сетевые объединения должны создавать новую гармонию интересов.

В соответствии с новой институциональной теорией М. Вебера [15] в рыночной экономике хозяйствующие субъекты принимают решения в институциональном окружении, где выбор возможен из ряда альтернатив при наличии множества различных экономических организаций. В этих условиях экономические расчёты направляются определённым экономическим регулирующим организациям.

Это положение до настоящего времени слабо реализуется. Пока в институциональной теории господствуют вербальные характеристики. Институциональная теория Вебера близка к экономическим теориям государственного дирижизма и теории регуляции капитализма. Индикативное планирование, организационные структуры по управлению воспроизводственными процессами предполагают систему институтов – показателей, которые должны разрабатываться для всех иерархических уровней управления. Синтез этих теорий должен привести к положительным результатам управления экономикой.

В этой связи представляет интерес теоретическая концепция В. Ойкена [17], фундаментальной идеей которой являлось создание и поддержание таких институциональных рамок, которые гарантировали бы нормальное функционирование рыночной экономики. Для этого он разработал ряд принципов, которые должны учитываться законодательными и государственными ветвями власти. К этим принципам относятся: частная собственность, свобода контракта и принятие обязательств. Дополнительно подчёркивалась первичность денежно-кредитной политики, а также необходимость открытого рынка и стабильность экономической политики.

Всё это было заложено К. Аденауэром в немецкую политику хозяйственного порядка. Именно политика хозяйственного порядка, а не кейнсианская макроэкономическая политика, с большим успехом применялась в Западной Германии во время денежной реформы 1948 года. Точно также она оказалась полезной в последующие годы «экономического чуда».

Общим недостатком указанных ветвей традиционного институционализма, как отмечали Эрик Г. Фуруботон и Рудольф Рихтер, является нежелание рассмотрения издержек создания и эксплуатации институтов. Неправильный подсчёт издержек – немаловажная проблема. Общественность Германии (и значительная часть профессиональных экономистов) познала это на опыте после объединения. Оказалось, что реорганизация институциональной структуры, создание жизнеспособного рынка является чрезвычайно дорогостоящим и долговременным мероприятием [11, с. 50].

Аналогично можно рассуждать о том, что такие же потери, а может быть, и ещё большие, мы получаем от распада государства. Причём потери самые большие несёт страна, которая является правопреемницей распавшейся страны. Мы имеем в виду Россию.

Если бы все участники этих процессов знали заранее издержки по институциональным преобразованиям, плюс все остальные моральные, психологические, этические и другие неудобства, то, может быть, не происходили такие слияния и разделы.

На наш взгляд, рассмотренные этапы становления институционализма – непризнанный институционализм персонифицированного обмена, непризнанный институционализм неперсонифицированного обмена, традиционный институционализм классический и неоклассический можно объединить под общим названием «институционализм невидимой руки».

Точкой отсчёта перехода научных исследований к институционализму с «видимой рукой» можно считать 1975 год, когда экономист О. Уильямсон ввёл в научный оборот термин – «новая институциональная экономическая теория» (НИЭТ) [20, с. 1].

Несмотря на работы институционалистов и имевшиеся у них успехи в практической деятельности, ортодоксальные теоретики продолжали не использовать их исследования. Институционалисты обращали внимание на данные процессы и отмечали, что они могут привести к научным и практическим потерям. Например, Э. Трауни так характеризовал сложившуюся ситуацию: «Как только мы начинаем использовать в исследовательских задачах институты и организации в качестве экзогенных или эндогенных переменных, мы убеждаемся в том, что традиционный микроэкономический анализ слишком груб для таких целей. Наши традиционные инструменты мало пригодны для изучения природы фирмы, разновидностей промышленной организации, институциональных изменений в экономической истории, организации обмена на организованных рынках и в нерыночной среде или для сравнения экономических систем» [14, с. 12–13].

Для каждой сферы хозяйственной деятельности эти положения преломляются по-своему. Но то, что они существуют – не замечать нельзя, так как в противном случае мы будем сталкиваться с процессами, формирующими снижение темпов экономического роста, с процессами снижения материального благосостояния.

Вот некоторые проблемы, которые возникают перед предпринимателями в торговле. Неудачно трансплантированный институт банкротства в условиях неустоявшихся правил собственности (в юридическом плане) привёл к рейдерству, которое перекашивает всю экономику, и с моральной, и с

правовой, и с экономической точек зрения. Свободная либерализация цен, проводимая в соответствии с монетаристской теорией, позволила торговле снижать благосостояние населения и дало возможность поставить под свой контроль целые отрасли материального производства. То есть институты государственного регулирования исключены в решении проблем структурного строения экономики. Но, исходя из микроэкономического анализа, хозяйственные вопросы решаются якобы наилучшим образом – все участники максимизируют прибыль. Никто не хочет думать об институциональных ограничениях на макро-, мезо- и микроуровнях, которые будут мешать развитию отрасли, малому торговому предпринимательству. Развитие рыночной и нерыночной среды осуществляется с элементами оппортунистического поведения. В результате растут серый, чёрный рынки, увеличиваются размеры нелегальной экономики с элементами коррупции и взяточничества.

Аналогичную позицию высказывает и Р. Рихтер, который отмечал, что представители мейнстрима в период восьмидесятых годов увлеклись изобретением заумных экономико-математических моделей и считали, что институты вообще не играют никакой роли [9, с. 80]. Результат – ни одна экономическая школа не могла предсказать кризис 2008 года.

Однако Веблен на основе критического анализа финансовых, кредитных институтов – без всяких экономико-математических моделей – на вербальном уровне предсказывал финансовые кризисы. Он утверждал, что современной экономической ситуации (а это было начало 20 века) эти финансовые институты никак не соответствуют, так как они сложились в экономических условиях прошлого, в то время как уже произошло монополизирование производства и образование «абсенте-

истской собственности» [1, с. 216].

Эта собственность представлена капиталистом, который не участвует в управлении своим предприятием, в создании готового продукта. Он занят разнообразными спекулятивными операциями, не связанными с производством. В результате он получает большую долю своих доходов путём купли-продажи на рынке титулов собственности. На авансцену хозяйственной жизни выходят другие структуры, институты вместо усреднённых предприятий. И главным катализатором всех этих процессов является гипертрофированная роль сферы обращения.

Почему возникло такое неприятие между научными школами? На наш взгляд, виноваты не только неоклассики либерально-монетаристского толка. Виноваты и сами институционалисты. Если неоклассики создавали теорию без институтов, то в нашей терминологии признанный и непризнанный институционализм персонифицированного и неперсонифицированного обмена, традиционный институционализм с двумя ветвями (классической, неоклассической) пытались объяснить институты без теории. По мнению Р. Коуза, работа старых американских институционалистов ни к чему не привела, поскольку у них не было теории для организации массы описательного характера [5, с. 191]. Наиболее сильной и убедительной стороной традиционного институционализма была критика существующих институтов. А. Шаститко такую деятельность охарактеризовал эпитетом «бунтари против формализма» [13, с. 23].

Обоснование новой институциональной экономической теории, как правило, экономисты производят с помощью схемы эпистемологического анализа теории, предложенной И. Лакатошем [6], в виде формирования «защитной оболочки» и «жесткого ядра».

Согласно его предложению, любая теория включает два компонента

– это «жесткое ядро» и «защитную оболочку». Утверждения, составляющие «жесткое ядро», должны оставаться неизменными. Они образуют парадигму, то есть принципы, от которых исследователь не должен отказываться. Напротив, утверждения «защитной оболочки» подвергаются корректировкам. Теория подвергается критике, новые элементы включаются или исключаются. Возможны следующие варианты идентификации теории. Если неизменным остаётся не только «жесткое ядро», но и «защитная оболочка», то теория является ортодоксальной. Модифицированной теория становится тогда, когда изменяются элементы защитного пояса. Если элементы, составляющие «жесткое ядро», его изменяют, то это свидетельствует о рождении новой теории. Весь вопрос заключается в определении элементов «защитного пояса» и «жесткого ядра». Прежде чем рассматривать НИЭТ как теорию, рассмотрим элементы неоклассической теории, образующие «жесткое ядро» и «защитный пояс» [8]. Три элемента образуют ядро неоклассики – без них не обходится построение ни одной неоклассической модели: равновесие на рынке, индивидуальный рациональный выбор, предпочтения индивидов стабильны. «Защитная оболочка» неоклассики также состоит из трёх элементов: частная собственность; информационные издержки отсутствуют и индивиды обладают всем объёмом информации; пределы обмена устанавливаются на основе принципа убывающей полезности пояса.

В отличие от неоклассической ортодоксии в рамках новой институциональной экономической теории существуют значительные расхождения в расстановке акцентов при исследовании одних и тех же проблем. Эта тенденция особенно проявляется сейчас. За короткий период существования НИЭТ прошла стадию раннего развития и с 1985 года вступила в зрелую стадию.

С 1975 года, когда было предложено определение новой экономической теории, и по 1985 год существовала одна общая трактовка сущности новой институциональной экономической теории, приведённая Уильямсоном, который выделял следующие её особенности по сравнению с другими: больше внимания должно уделяться рассмотрению различных проявлений ограниченной рациональности; должно быть введено понятие «оппортунизма» и следует проводить анализ влияния различных экономических организаций на оппортунистическое поведение. Одновременно он отмечал, что провалы рынка обусловлены не неопределённостью или малым числом участников, а скорее соединением этих факторов с ограниченной рациональностью, с одной стороны, и оппортунизмом – с другой, что приводит к увеличению трудностей обмена [20, с. 7].

В конце восьмидесятых влияние НИЭТ значительно возросло. Научные области, относимые к НИЭТ, включают девять значимых частей, таких как экономическая теория транзакционных издержек, экономическая теория прав собственности, эволюционная экономика, теория общественного выбора и экономическая теория политики, экономическая теория контрактов, новая институциональная экономическая теория, неавстрийская школа, теория конституционного выбора, теория коллективного действия [9, с. 84].

Научные области НИЭТ посвящены большей частью макроэкономическим проблемам. Но, очевидно, определённые совокупности областей НИЭТ затрагивают и микроэкономику, такие как фирма, отраслевая организация, антимонопольное законодательство, контрактные отношения, собственность, рыночная организация и т.д.

Следовательно, совокупность областей НИЭТ зависит от конкретного объекта исследования.

Для торговли представляют интерес исследования прав собственности, формирование институциональной среды торгового бизнеса, динамика развития оппортунистического поведения и т.д. Всё это должно рассматриваться на фоне эволюции институтов.

Но рассмотрение этих проблем возможно, если мы чётко сформулируем ядро НИЭТ, что позволит определить новую институциональную экономическую теорию как новое теоретическое направление. За витиеватым научным изложением этого вопроса в научных изданиях трудно представить ответ на этот вопрос. Трудность заключается ещё и в том, что понятийный аппарат не определился и очень слабо развиты количественные характеристики, формирующие отдельные процессы исследования НИЭТ. То есть зрелость развития НИЭТ может быть охарактеризована не только многочисленными системообразующими элементами оболочки, но и качественной интерпретацией применяемых дефиниций. Поэтому мы считаем, что чёткое толкование формулировок предлагаемой концепции объектного институционального развития на примере торгового предпринимательства позволит приблизить нас к решению указанных проблем. Прежде всего, это относится к определению «жесткого ядра» НИЭТ. С учётом имеющихся точек зрения, на наш взгляд, ядро НИЭТ может быть охарактеризовано как расширительное ядро неоклассической теории, в котором следует внести коррективы в один элемент – индивид осуществляет рациональный выбор на основе максимальной прибыли. Второе предложение заключается во введении качественных оценок элементов ядра и оболочки.

Рациональный выбор может быть осуществлён лишь в рамках определённой институциональной среды, так как при её отсутствии самые простейшие рыночные транзакции невозможны. Рацио-

нальное поведение связано и основано на четырёх типах идеального поведения, к которым М. Вебер относил [2, с. 53]:

- целерациональное поведение – продуманное использование условий и средств для достижения поставленной цели;

- ценностно-рациональное поведение – использование условий и средств для достижения заданных извне целей. Цели при этом определены верой в самодавящие ценности (религиозные, эстетические, идеологические);

- традиционное поведение – цели и средства заданы извне, они носят традиционный характер. В основе поведения лежит длительная привычка или обычай;

- аффективное поведение – цели и средства не выделяются. Поведение обусловлено эмоциональным состоянием индивида, его непосредственными чувствами и ощущениями.

В основе взаимодействия на рынке лежит целенаправленное поведение, стремление к максимизации прибыли. Оно предполагает ожидание определённого поведения других, которое базируется на понимании мотивов окружающих. Отсюда рациональное поведение и взаимодействие возможно в рамках групп, образованных индивидами, которые близки по своим характеристикам к *homo economicus*. Следовательно, такой рациональный выбор происходит в условиях риска, который существует в институциональной среде.

Степень рациональности зависит от процедуры принятия решений. Акцент, на наш взгляд, должен переноситься на процедуры и способы обновления действий не на научном уровне, а на житейском опыте с выделением системообразующих факторов, которые для каждого конкретного случая индивидуальны. Особенно это важно для малого предпринимательства в торговле, где ресурсы вычисления глубоких научных моделей незначительны, и поэтому они

оперируют наиболее доходчивыми показателями, способствующими осуществлять если не рациональный выбор, то хотя бы неполную рациональность [10].

К таким показателям можно отнести ресурсы, которыми обладает хозяйствующий субъект при реализации своих целей – издержки общие, постоянные, переменные, транзакционные, трансформационные, а также показатели объёма продаж и маржинального дохода. То есть для описания рациональности мы предлагаем на основе этих данных определить институт – показатель реализации рационального выбора – финансовую прочность, который обеспечит возможность выявить хозяйственному субъекту ожидаемую высокую или низкую полезность хозяйственной деятельности. Чем выше финансовая прочность, тем риск выбора ниже. Математически ожидаемую полезность можно представить с помощью следующей модели:

$$\Phi_{пр} = 100 - (И_{пост}/У_{мд}) / T,$$

где $\Phi_{пр}$ – ожидаемая полезность, определяемая показателем финансовой прочности хозяйствующего субъекта;

$И_{пост}$ – издержки постоянные;

$У_{мд}$ – уровень маржинального дохода;

T – объём товарооборота.

Как видно из модели, ожидаемая полезность, определяемая показателем состояния финансовой прочности, зависит от точки безубыточности, которая может быть представлена в абсолютных и относительных цифрах.

Для наших целей анализа мы воспользуемся определением точки безубыточности в абсолютных цифрах:

$$T_6 = И_{пост}/У_{мд},$$

где T_6 – точка безубыточности.

В развёрнутом виде институт – показатель точки безубыточности может быть представлен в следующем виде:

$$T_6 = И_{пост}/У_{мд} = И_{пост}/T * T / И_{пер} * И_{пер}/И_{транс} * И_{транс}/У_{мд},$$

где $И_{пер}$ – издержки переменные;

$И_{транс}$ – издержки транзакционные;

$И_{пост}/T$ – издержкоёмкость постоянных расходов по товарообороту;

$T/И_{пер}$ – издержкоотдача переменных расходов по товарообороту;

$И_{пер}/И_{транс}$ – издержкоотдача транзакционных расходов по переменным издержкам;

$И_{транс}/У_{мд}$ – издержкоёмкость транзакционных расходов на единицу маржинального дохода.

С помощью метода цепных подстановок находим влияние включённых в модель факторов. Но в методику расчёта следует внести дополнение. Так как расчёт финансовой прочности производится в относительных цифрах, а все пофакторные результаты получены в абсолютных, то, чтобы привести их в соответствие с общим показателем, следует разделить разности на объём продаж.

$$T_{6н} = (И_{пост}/T)_{н} * (T/И_{пер})_{н} * (И_{пер}/И_{транс})_{н} * (И_{транс}/У_{мд})_{н}$$

$$(T_6)1 = (И_{пост}/T)_{ф} * (T/И_{пер})_{н} * (И_{пер}/И_{транс})_{н} * (И_{транс}/У_{мд})_{н}$$

$(T_6)1 - T_{6н} / T$ – влияние издержкоёмкости постоянных расходов по товарообороту;

$$(T_6)2 = (И_{пост}/T)_{ф} * (T/И_{пер})_{ф} * (И_{пер}/И_{транс})_{н} * (И_{транс}/У_{мд})_{н}$$

$(T_6)2 - T_6)1 / T$ – влияние издержкоотдачи переменных расходов по товарообороту;

$$(T_6)3 = (И_{пост}/T)_{ф} * (T/И_{пер})_{ф} * (И_{пер}/И_{транс})_{ф} * (И_{транс}/У_{мд})_{н}$$

$(T_6)3 - T_6)2 / T$ – влияние издержкоотдачи транзакционных расходов по переменным издержкам;

$$(T_6)4 = (И_{пост}/T)_{ф} * (T/И_{пер})_{ф} * (И_{пер}/И_{транс})_{ф} * (И_{транс}/У_{мд})_{ф}$$

$(T_6)4 - T_6)3$ – влияние издержкоёмкости транзакционных расходов на единицу маржинального дохода.

Таким образом, мы предлагаем оригинальную модель ограниченной (неполной) рациональности, с помощью которой индивид оценивает издержки по поиску альтернативы и ожидаемой полезности этой альтернативы.

Это одна из процедур принятия решения о рациональности, неполной рациональности. Множество процедур принятия решений заставляет думать о множестве неполных рациональностей, что характерно для подхода исследований экономики соглашений. В данном случае в соответствии с соглашением осуществляется выбор по издержкам. Таким образом, акцент в анализе переносится на процедуры и способы обоснования действий.

Остальные элементы ядра – равновесие и стабильность предпочтений, хотя и критикуются, но воспринимаются как основополагающие принципы. Например, элемент «общего равновесия» Вальраса – Эрроу – Дебре [16, 3] подвергается критике, исходя из теории игр, которая построена на допущении возможности существования нескольких точек равновесия; возможности несовпадения точек равновесия с точкой оптимума по Парето и полном отсутствии равновесия вообще [19]. Конечно, это представляет интерес для науки. Но с теорией игр даже предприниматели с чертами homo economicus знакомы слабо. Поэтому каждый из них достигает и понимает равновесие на основании своих интересов и существующих ограничений, формируемых институциональной средой.

Что касается устойчивости предпочтений, то Д. Норт [7] обращает внимание не на односторонний, а на наличие двухстороннего характера взаимодействия институтов и процессов восприятия индивидами собственных интересов. Институты задают рамки восприятия, но в то же время индивиды способны изменить институциональную среду. На наш

взгляд, и изменения, и заранее заданные рамки восприятия носят экзогенный характер с элементами историзма. Всё, что задаётся или изменяется, носит характер устойчивых предпочтений. Функционировать в соответствии с ограничениями, созданными институтами – протезами (мы так интерпретируем содержание понятия «институциональное протезирование», приведённое Г.Б. Клейнером [4], которое мы не научились формировать не только на практике, но и в научном плане), очевидно, преждевременно.

Таким образом, элементами «жёсткого ядра» НИЭТ мы считаем равновесие, неполный рациональный выбор, стабильность предпочтений.

«Защитная оболочка» НИЭТ претерпевает изменения по сравнению с «защитной оболочкой» неоклассической теории. К элементам «защитной оболочки» НИЭТ мы относим:

- частную собственность, которая является определяющей предпосылкой обмена;
- отсутствие необходимой информации по вопросам совершения сделок хозяйствующими субъектами;
- возможность измерения следующих видов издержек: информационных, транзакционных, торгово-производственных, включая их виды – постоянные и переменные;
- наличие различных видов институтов – экономических, социальных, правовых, контрактных, отраслевых и т.д.;
- необходимость определять пределы обмена на основе убывающей полезности;
- возможность возникновения оппортунистического поведения.

Элементы «защитной оболочки» изменяются, увеличиваются, принимают более углублённое толкование. В результате их использования появляются модифицированные варианты теории НИЭТ, различные концепции и

парадигмы решения институциональных задач. С учётом этой оболочки возникли или могут возникнуть следующие теории: новая политическая экономия, экономическая теория прав собственности, новая теория организации, отраслевых рынков, новая экономическая история, экономическая теория транзакционных издержек, экономическая социология, конституционная экономическая теория, экономическая теория контрактов, теория соглашений, теория фирмы. Исходя из предмета нашего исследования, представляет интерес концепция объектного институционального развития торгового предпринимательства, которая имеет право на существование в результате использования теории прав собственности, теории транзакционных издержек, теории соглашений и контрактов, теории фирмы и государства.

Торговля отражает взаимодействия между людьми, которые происходят каждый день при покупке товаров. Постоянные изменения цен на конкретные товары и их разновидности приводят потребителей к пониманию, что они могли бы оказаться в большем выигрыше при альтернативных институциональных устройствах, в результате чего происходят институциональные изменения в торговле, которые отражаются в соответствующих контрактах и соглашениях, а также отражают требования теорий фирмы, организации и отраслевых рынков.

Институциональные изменения в торговле зависят от траектории предшествующего развития и формируются под действием обратной связи между экономическими и политическими рынками. В результате возникают два способа экономического обмена, которые Рихтер назвал «наивным» и «изошрённым» [9, с. 102]. При первом способе обмена торговцы ведут переговоры между собой согласно рыночным правилам, которые они принимают как нечто дан-

ное. Второй способ является более изощренным: на авансцене торговцы ведут переговоры друг с другом, а за кулисами – с правительством. Они пытаются изменить рыночные правила своими методами, например, за счёт какой-либо третьей группы, отражающей свои интересы.

Именно по такому сценарию развивалось обсуждение Федерального закона «О торговле» на заключительном этапе в 2009 году, когда вдруг представители торговых сетей крупных городов обнаружили в окончательном варианте проекта этого закона, представленного в Государственную Думу, новую норму, не согласованную ни с кем на протяжении подготовительного периода межотраслевого обсуждения, которая значительно урезала их права в развитии на региональном уровне и снижала их конкурентоспособность. Норма

состояла в том, чтобы один игрок на рынке не занимал более двадцати пяти процентов объёма продаж. То есть региональная и местная власть расчищала путь своему местному ритейлу.

Таким образом, в первом случае правила рынка – экзогенная переменная и на потребительском рынке функционируют предприниматели с чертами *homo economicus*, а во втором случае – величина эндогенная и формируется предпринимателями с чертами *homo institutus*. В результате мы получаем два различных типа равновесия. Первый – классическое экономическое рыночное равновесие. При заданных правилах рынка стороны договариваются о цене, при которой спрос равен предложению. Второй тип – интервенционистское рыночное равновесие, когда достигается равновесие на двух рынках – экономическом

и политическом. На политическом рынке согласуются те способы вмешательства, которые организованные группы со специальными интересами и те, кто находится у власти, сочтут приемлемыми.

Два указанных рынка формируют формальные правила поведения («видимая рука»). Но все процессы формализовать невозможно. Формальные правила оставляют достаточно большие лакуны, где начинают действовать спонтанно неформальные правила, «невидимая рука». В результате формируются институциональные ограничения на базе указанных правил.

Таким образом, в данном случае институциональное развитие торговли подчиняется идеям, вытекающим из теории новой экономической истории, конституционной экономической теории, теории государственного управления и теории трансакционных издержек.

Литература

1. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984.
2. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1984.
3. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии или теория общественного богатства. – М.: Изогрест, 2000.
4. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. – М.: Наука, 2004.
5. Коуз Р. Фирма, рынок и право. – М.: Дело, 1993.
6. Лакатош И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997.
8. Олейник А.Н. Институциональная экономика. – М.: Инфра, 2000.
9. Рихтер Р. Новая институциональная экономическая теория: первые шаги, сущность, перспективы. // Российский журнал менеджмента. – 2006. № 1. Том 4.
10. Саймон Г. Рациональность как процесс и как продукт мышления // THESIS, 1993, Т. 1, № 3.
11. Фуруботон Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2005.
12. Худокормов А.Г. История экономических учений (современный этап). – М.: ИНФРА-М, 1998.
13. Шаститко А.Е. Неинституциональная экономическая теория. – М.: Теис, 1998.
14. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. – М.: Дело, 2001.
15. Veber M. *Economy and Society: An outline of interpretative Sociology*. Edited by G. Roth and C. Wittich. Berkeley: University of California Press. 1968.
16. Debreu G. *Theory of Value: An Axiomatic analysis of Economic Equilibrium*. New York and London: Wiley. 1959.
17. Eucken W. *Grundsätze der wirtschaftspolitik*. Edited by E. Eucken and K.P. Hensel. Tübingen: J. C. B. Mohr. 1952.
18. Commons J.R. *Institutional Economics*. Madison: University of Wisconsin Press. 1934.
19. Schotter A. *Microeconomics. A modern Approach*. New York: Harper Collins. 1994.
20. Williamson O.E. *Markets and Hierarchies. Analysis and Antitrust implications*. New York: Free Press. 1975.

В.М. Пригулок, старший преподаватель НОИР

V. Pritulyuk, senior lecturer NOIR

Страховые услуги на российском рынке и их потенциал

Insurance services in the Russian market and their potential

Аннотация: Автор анализирует рынок услуг личного страхования в Российской Федерации последних десятилетий и оценивает потенциал его развития как перспективный.

Abstract: the Author analyzes the market of personal insurance in the Russian Federation in the last decades and assesses the potential of its development as a perspective.

Ключевые слова: личное страхование, инвестиции, капитализация, социальные программы, медицинское страхование, уровень доходов, благосостояние граждан.

Key words: personal insurance, investments, capitalization, social programs, health insurance, income, welfare of citizens.

Личное страхование в Российской Федерации – отрасль страхования, где объектами страховых правоотношений выступают жизнь, здоровье, трудоспособность, старость человека, т.е. жизненные интересы, не имеющие прямой денежной оценки и связанные с нанесением личностного ущерба.

Личное страхование как форма защиты физических лиц от личностных рисков сочетает в себе рискованные, инвестиционные и сберегательные функции, реализация которых проявляется в инвестициях для страховщика и в капитализации взносов – для страхователя.

Развитие рынка личного страхования позволит повысить социальную ориентацию экономики, снизить недофинансирование системы медицинского, социального и пенсионного государственного страхования вследствие недостаточного бюджетного финансирования. Экономическая роль личного страхования заключается в том, что страховые выплаты по договорам личного страхования уменьшают расходную часть государ-

ственного бюджета на социальные программы, а денежные средства, аккумулируемые страховыми компаниями, могут стать источником значительных долгосрочных инвестиций в экономику государства. В России это имеет особое значение в связи с кризисом пенсионной системы и неблагоприятными демографическими тенденциями. В условиях дефицита инвестиционных ресурсов привлечение с помощью страховых технологий сбережений населения может стать существенным элементом государственной финансовой политики и способствовать снижению внешних заимствований.

В условиях рыночных отношений сфера применения страхования расширяется, охватывая все формы собственности, семейные отношения, уровень доходов и благосостояние граждан.

Цель личного страхования – защита жизненных интересов граждан – реализуется в форме обеспечения их определёнными суммами, указанными в договоре страхования, при наступлении различных негативных жизненных

обстоятельств и ситуаций. Предотвращение критического ухудшения уровня жизни людей осуществляется за счёт:

- страхования жизни;
- страхования от несчастных случаев;
- медицинского страхования.

Субъектами личного страхования являются страховщик, страхователь, застрахованный, выгодоприобретатель, назначаемый на случай смерти страхователя (застрахованного). Это связано с тем, что в этой отрасли страхуются не только интересы страхователя (застрахованного), но и группы застрахованных лиц.

Личное страхование подразделяется на индивидуальное, т.е. страхование жизненных интересов одного лица, и коллективное, т.е. страхование интересов группы лиц или коллектива. Оно может быть комбинированным и объединять различные страховые риски одной или двух-трёх подотраслей страхования.

При оценке страховых рисков учитываются основные факторы личностного характера – возраст

страхователя (застрахованного), пол, состояние его здоровья, профессия, условия трудовой деятельности и т.д.

Договор личного страхования заключается только в пользу страхователя (застрахованного лица) или с его письменного согласия в пользу иного выгодоприобретателя. Отсутствие письменного согласия страхователя для назначения иного выгодоприобретателя влечёт недействительность не только самого назначения, но и договора в целом.

Классификация личного страхования производится по разным критериям:

а) по объёму риска (страхование на случай дожития или смерти; страхование на случай инвалидности или недееспособности; страхование медицинских расходов);

б) по виду личного страхования (страхование жизни; страхование от несчастных случаев; добровольное медицинское страхование);

в) по количеству лиц, указанных в договоре (индивидуальное страхование; коллективное страхование);

г) по длительности страхового обеспечения (краткосрочное [менее одного года]); среднесрочное (1–5 лет); долгосрочное (6–15 лет);

д) по форме выплаты страхового обеспечения (единовременной выплатной страховой суммы; с выплатой страховой суммы в форме ренты);

е) по форме уплаты страховых премий (страхование с уплатой единовременных премий; страхование с ежегодной уплатой премий; страхование с ежемесячной уплатой премий).

Большое значение в страховании приобретает оценка рисков по договорам личного страхования. Функцию оценки риска при личном страховании осуществляют андеррайтеры, основными задачами которых являются выявление всех существенных факторов риска при заключении новых догово-

ров (андеррайтинг первого типа) и оценка, переоценка рисков, уже принятых компанией на страхование (андеррайтинг второго типа).

Андеррайтинг (*underwriting*) – процесс оценки риска с целью принятия его на страхование и формирования сбалансированного страхового портфеля.

Основной целью андеррайтинга впервые принимаемых рисков на страхование – андеррайтинга первого типа – является защита страховщика от последствий неправильного выбора рисков, впервые поступающих на страхование. Спецификой оценки риска при этом является выявление факторов, увеличивающих риск. В любом случае, даже если они скрыты клиентом – намеренно или нет, это предопределяет заключение договора во многом на доверии.

Обычно выделяются подотрасли личного страхования жизни.

Страхование на дожитие до определённого возраста. При страховании на дожитие страховая сумма выплачивается в том случае, если страхователь (застрахованный) доживает до окончания действия договора или момента, указанного в условиях страхования. Если же он умирает в течение срока действия договора, страховая выплата не производится и выгодоприобретателю (страхователю) возвращаются только уплаченные взносы.

Страхование жизни на случай смерти. Страхователями и застрахованными лицами по договору страхования на случай смерти могут быть лица в возрасте 65–70 лет. При заключении договора устанавливается наличие инвалидности у страхователя (застрахованного), кардиологических, онкологических, неврологических и других заболеваний.

Смешанное страхование жизни и страхование жизни с двойной ответственностью. Смешанное страхование – вид личного страхования, предусматривающий обязательную выплату установленной

денежной суммы страхователю (застрахованному) за счёт объединения страховых рисков с разными и противоположными последствиями – дожития до определённого срока или смерти в течение этого периода. Смешанное страхование жизни охватывает в рамках договора более одного вида личного страхования, и его особенностью является обязательная выплата страхового обеспечения по этому договору либо в связи со смертью страхователя (застрахованного) в период страхования, либо при его дожитии до конца срока действия договора.

Страхование пенсий. Страхование пенсий, объединяющее два вида страхования – страхование государственной пенсии и страхование дополнительной пенсии, – выполняет социальные функции и способствует более полной защите жизненных интересов граждан в период нетрудовой деятельности.

Страхование от несчастных случаев. Страхование от несчастных случаев, как известно, обеспечивает защиту части жизненных интересов граждан, касающихся только их трудоспособности, временной или постоянной её утраты. При индивидуальном страховании от несчастных случаев в качестве страхователя выступает физическое лицо, заключающее договор страхования от несчастных случаев себя или членов своей семьи за счёт собственных средств. При коллективном (групповом) страховании от несчастных случаев в качестве страхователя выступает юридическое лицо, а застрахованными – физические лица, в жизни и здоровье которых страхователь имеет материальный интерес.

Договоры коллективного страхования заключаются либо работодателями в пользу своих работников, либо различными обществами, ассоциациями в пользу их членов.

Основными потребителями услуг по личному страхованию являются корпоративные клиенты, для которых оно становится

важным элементом «социального пакета».

Ведущие страховщики, которые задают темп развития всему рынку личного страхования, развивают данный вид страхования не только за счёт пролонгирования корпоративных договоров ДМС. Прирост премий данных страховщиков обеспечивают также новые клиенты, в том числе страхователи – физические лица.

Личное страхование, и особенно страхование жизни – развитая и экономически значимая отрасль страхования в европейских странах. В России существует ряд проблем, препятствующих развитию данной отрасли. Сложности с развитием страхования жизни объясняются тем, что в российской практике оно часто используется как способ оптимизации налоговой нагрузки на предприятия и

слабо связано с реальной защитой интересов страхователей.

В то же время следует отметить большой потенциал развития рынка страхования жизни. Основной движущей силой развития рынка страхования жизни станут корпоративные клиенты, а наиболее интересным продуктом – смешанное страхование жизни. Именно на этот вид страхования делают ставку ведущие страховщики страны.

Наука и жизнь

С.А. КИМЕЛЬМАН, доктор экономических наук,
действительный член Российской академии горных наук

S. Kimelman, doctor of economic Sciences,
full member of the Russian Academy of mining Sciences

Горная и ценовая рента в современной российской экономике

Mining and price rent in the modern Russian economy

Аннотация: На примере сложившегося к 90-годам прошлого столетия однобокого перекоса капиталовложений в нефтегазовый сектор экономики, изначально ориентированный на экспорт сырой товарной нефти и природного газа, автор исследует причины превращения Советского Союза, промышленно и индустриально развитой державы в страну-поставщика (экспортёра) минеральных ресурсов, в первую очередь нефти и газа. Сырьевая ориентация экономики в любой стране связана с объективным формированием и поступлением в страну горной (сырьевой) ренты. Согласно экономической теории горная рента представляет собой незаработанный доход, дарованный природой. Естественно, что появилось много охотников на этот природный дар как внутри страны, так и за её пределами.

Развитые демократические государства потоки сырьевых доходов (горной ренты) развернули в сторону улучшения социальных условий жизни своих гражданских обществ. Однако ведомое компартией советское государство не осознало своей миссии и роли горной ренты в жизни страны. Но свято место пусто не бывает – и на советскую горную ренту «положили глаз» зарубежные охотники. Появились их союзники внутри СССР, в том числе в ЦК КПСС.

Это стало, по мнению автора статьи, одной из основных первопричин смены государственного строя.

Abstract: On the example of the 90th years of the last century one-sided distortion of investment in oil and gas sector, initially focused on raw commodity exports of oil and natural gas, the author explores the reasons for transformation of the Soviet Union, industrial and industrialized powers in the country-supplier (exporter) of mineral resources, primarily oil and gas. Raw material orientation of the economy in any country is connected with objective formation and receipt in the country of mining (raw) rents. According to economic theory mining rent represents unearned income, gifted by nature. Naturally, there are many hunters on this natural gift both domestically and abroad.

Developed democratic state flows of commodity revenues (mining rent) launched in the direction of improvement of the social conditions of their civil societies. However, led by the Communist party of the Soviet state was not aware of his mission and the role of mining rent in the country's life. But a Holy place is never empty and the Soviet mining rents are "willing" to foreign hunters. There was their allies inside the USSR, including the CPSU Central Committee.

This was, according to the author, one of the main causes of change of the state system.

Ключевые слова: горная рента, ценовая рента, сырьевой сектор экономики, полезные ископаемые, добыча, переработка, природные объекты, труд, капиталовложения, казна, инновационное обновление экономики.

Key words: mining rent, price rent, raw sector of the economy, minerals, mining, recycling, natural objects, labor, investment, Treasury, innovative updating of economy.

Политическое и историко-экономическое отступление

Исторически сложилось, что, начиная со второй половины XX века, в СССР стал быстрыми темпами увеличиваться сырьевой сектор экономики, который вскоре (в семидеся-

тые годы) занял главенствующее положение в народном хозяйстве страны. Побудительным мотивом была острая необходимость обеспечения минеральным, главным образом, металлорудным сырьём бурно развивающихся отраслей оборонной и машиностроительной промышленности. «Побоч-

ным» эффектом этого периода стало открытие уникальных месторождений углеводородов в Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. За счёт централизации в бюджете амортизационных отчислений и значительной доли прибыли (доходов) предприятий в стране формировались постоянно

растущие огромные финансовые средства на долгосрочные капиталовложения. Часть этих средств направлялась на строительство разведочных и эксплуатационных скважин глубокого бурения – на нефть и газ. По мере массового открытия уникальных и крупных месторождений нефти и газа шло последовательное наращивание объёмов капитальных вложений в их освоение и инфраструктурное обеспечение (строительство железнодорожных путей, автомобильных дорог, высоковольтных ЛЭП, городов и посёлков, осушение болот и т.п.). Одновременно с этим с семидесятых годов прошлого столетия ускоренными темпами строилась сеть магистральных нефтегазопроводов из Западной Сибири в Европу.

Научные исследования автора этой статьи, который в ту пору работал во Всесоюзном институте экономики минерального сырья (ВИЭМС), были тесно связаны с обоснованием для соответствующих отделов Госплана СССР капиталовложений в геологоразведочные работы и эксплуатацию месторождений нефти и газа. Уже тогда был явно заметен значительный однобокий перекося капиталовложений в нефтегазовый сектор экономики, изначально ориентированный на экспорт сырой товарной нефти и природного газа. Эта однобокость породила два экономических феномена:

– очень низкую себестоимость добычи и транспортировки нефти и газа, сопоставимую с себестоимостью добычи в ближневосточных странах (Саудовская Аравия, ОАЭ, Ирак, Кувейт и др.), несмотря на различные климатические, физико-географические и инфраструктурные условия добычи;

– промышленно и индустриально развитая держава стала превращаться в страну-поставщика (экспортёра) минеральных ресурсов, в первую очередь нефти и газа.

Нельзя не отметить, что подобные экономические феномены

явились результатом политических решений КПСС. Вряд ли тогда Политбюро ЦК КПСС понимало, что подписывает себе смертный приговор. Сырьевая ориентация экономики в любой стране связана с объективным формированием и поступлением в страну горной (сырьевой) ренты. Согласно экономической теории горная рента представляет собой незаработанный доход, дарованный природой. Естественно, что появилось много охотников на этот природный дар как внутри страны, так и за её пределами. То, что подобные интересы играют огромную роль в мировой политике, ярко проявилось в последние десятилетия прошлого века, которые характерны локальными войнами (Кувейт, Ирак и др.) за владение нефтегазовыми месторождениями, точнее, за потоками горной нефтегазовой ренты.

Но не только и не столько войны решали судьбу государств с сырьевой ориентацией. Развитые демократические государства потоки сырьевых доходов (горной ренты) развернули в сторону улучшения социальных условий жизни своих гражданских обществ. Однако ведомое компартией советское государство не осознало своей миссии и роли горной ренты в жизни страны. Но свято место пусто не бывает – и на советскую горную ренту «положили глаз» зарубежные охотники. Появились их союзники внутри СССР, в том числе в ЦК КПСС.

Это стало, по нашему мнению, одной из основных первопричин смены государственного строя. Да, именно овладение горной рентой, огромная масса которой была подготовлена предшествующими тремя десятилетиями, явилось лакомым кусочком для международного капитала, осуществившего совместно с некоторыми «советскими» руководителями государственный переворот в 1991–1992 годах, в результате чего Россия стала капиталистической страной. Прошло почти 20 лет. Не хотелось

бы оценивать результаты перехода к капитализму. Имеем то, что имеем: страну с экспортно-сырьевой ориентацией, основные доходы которой формируются из дарованной природой горной ренты и ценовой ренты, возникающей в связи с конъюнктурой мировых цен на минеральное сырьё.

Экономическая сущность горной ренты

По образному выражению Адама Смита: **«РЕНТА ЯВЛЯЕТСЯ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ ПРИРОДЫ, КОТОРОЕ ОСТАЁТСЯ ЗА ВЫЧЕТОМ всего, что является ПРОИЗВЕДЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКА».**

Для земельной ренты производением природы и источником ренты является участок земли, для горной ренты производением природы и источником ренты – участок недр, содержащий полезные ископаемые. Произведением человека для земельной ренты является урожай, для горной ренты – открытое эксплуатируемое месторождение и его инфраструктурное обеспечение.

Сами по себе участки земли или участки недр, пока они не вовлечены в хозяйственный оборот, представляют собой «неживые» природные объекты. Однако трудом человека эти природные объекты начинают «оживать». Труд человека овеществляется в виде продуктов, будь то урожай пшеницы, добытые (поднятые на-гора) полезные ископаемые и т.п. Одно и то же количество труда человека, в зависимости от качества, места расположения и других социально-экономических характеристик природного объекта, приводит к разному количеству продуктов (тонн зерна, тонн добытых полезных ископаемых и т.п.). Таким образом возникают дарованные природой дополнительные продукты, которые не являются заслугой земледельца или недропользователя. Такие дополнительные продукты являются соответственно земель-

ной или горной рентой. Поэтому под рентой следует понимать стоимостное выражение овеществлённого трудом человека ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПРИРОДЫ, которое остаётся за вычетом стоимости труда ЧЕЛОВЕКА (ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА).

Теория природной ренты, сформулированная её классиками на примере земельной ренты, **базируется на трёх основополагающих принципах:**

- участки земли различаются по плодородию и местоположению;
- лучшие земельные участки по площади и их урожайности ограничены;
- возникающий на лучших участках дополнительный доход принадлежит собственникам этих участков.

По аналогии с земельной рентой теория горной ренты применительно к сырьевому сектору экономики (ССЭ) России базируется на следующих принципах:

1) наличие существенных различий месторождений полезных ископаемых по геологическим, горнотехническим, географо-территориальным, социально-экономическим и экологическим условиям их эксплуатации;

2) ограниченность запасов минерального сырья на лучших по условиям разработки месторождениях, необходимых для удовлетворения внутренних потребностей экономики страны и ее внешнеэкономических обязательств;

3) возникающий на лучших месторождениях дополнительный доход (рента) принадлежит государству, которое по законодательству является собственником участков недр, на которых залегают месторождения.

В самом общем виде рента в ССЭ рассчитывается по формуле:

$$P = B - (HЗ + НП) \quad (1)$$

где P – рента;

B – выручка за реализованное минеральное сырьё;

HЗ – нормированные затраты, вытекающие из прогрессивной технологии эксплуатации месторождения, установленной государством исходя из стоимостной оценки этого месторождения. В нормированные затраты включаются общие, действующие для всех предприятий не рентные налоги на продукцию и производство;

НП – нормированный доход в стоимостном выражении, называемый в российской практике нормальной (или нормативной) прибылью, конкретный уровень которого (15–20%) определяется:

– либо исходя из внутренней нормы доходности (окупаемости капиталовложений) – ВНД (в зарубежной практике – IRR);

– либо исходя из расчётной (планируемой) рентабельности (РР), устанавливаемой из отношения планируемой прибыли, остающейся в распоряжении предприятия после уплаты налогов, рентных платежей и процентов за банковский кредит, к планируемым нормированным затратам:

$$PP = (ЧП : HЗ) \times 100\% \quad (2)$$

где ЧП – чистая прибыль, остающаяся в предприятии после налогообложения.

Формирование дифференциальной горной ренты

Как уже отмечалось выше, собственно рента создаётся природой. Но её размер не известен до того момента, пока человек не изучит этот природный объект и не приложит усилия по преобразованию природного объекта в товарные продукты, в которых нуждается рынок и которые могут быть реализованы в условиях конкуренции.

Горная рента реально создаётся в сырьевом секторе экономики трудом большого числа участников многоэтапного процесса поисков, разведки, добычи, обработки и реализации минерально-сырьевых продуктов.

Созданная природой дифференциальная горная рента образуется только в том случае, если есть два и более разрабатываемых месторождения ликвидного минерального сырья. Худшее из этих месторождений обеспечивает нормальную прибыль и заданный объём абсолютной ренты, оплачиваемый собственнику недр. Дополнительный доход на других месторождениях (с лучшими горно-геологическими, технико-технологическими, социально-экономическими и экологическими условиями) представляет собой дифференциальную ренту I-го рода. Ещё раз подчеркнём, что нормированные затраты устанавливаются исходя из распространённой на практике современной (на момент их расчёта) технологии, зафиксированной государством в технологических регламентах и правилах. Доход, получаемый пользователями недр при применении ими инновационных технологий (то есть дифференциальная рента II-го рода), является собственностью пользователей недр.

Формирование дифференциальной горной ренты (ДР) проиллюстрировано на рис. 1, из которого видно, что ДР последовательно познаётся и рассчитывается после трудового вклада (в освоение природных участков недр) работников, занятых в трёх частях ССЭ: геологической, добывающей и обрабатывающей частях. Каждая из них соответствует другим терминам, применяющимся в российской практике:

– геологическое изучение недр и геологоразведочные работы (ГИН и ГРР) составляют основу восполнения минерально-сырьевой базы (МСБ), её восполняющую часть;

– ГИН и ГРР в совокупности с добычей полезных ископаемых составляют минерально-сырьевую базу России;

– в свою очередь, минерально-сырьевая база (МСБ) в совокупности с обработкой (первым

переделом) минерального сырья представляет минерально-сырьевой комплекс России (МСК).

Основным результатом ГИН и ГРР является открытое месторождение полезных ископаемых, именно месторождение, восполняющее (пополняющее) минерально-сырьевую базу. Результатом ГИН и ГРР нельзя считать ни запасы, ни прогнозные ресурсы, ни тем более условные запасы, рассчитываемые путём перевода ресурсов в запасы. Под месторождением нами (и в мировой практике) понимается оконтуренное в недрах Земли (по поверхности и в глубину) скопление полезных ископаемых с объективно установленными параметрами их комплексного извлечения с учётом передовой (на момент открытия) технологии. Любое открытое месторождение должно иметь характеристики и показатели, по которым можно определить капитальные вложения (инвестиции) в их освоение, обеспечение энергетической и транспортной доступности, создание социально-экономических, «человечески» привлекательных условий добычи и обработки полезных ископаемых. Указанное геолого-технологическое и информационно-экономическое обрамление открытого месторождения составляет основу для расчёта потенциальной горной дифференциальной ренты и потенциальной извлекаемой ценности при современном уровне цен. Зная действующую систему налогообложения, можно определить предполагаемые (потенциальные) доходы государства и гражданского общества.

Обратим внимание, что потенциальная дифференциальная горная рента рассчитывается уже в первой части ССЭ России. Вместе с тем работники этой части ССЭ не получают свою долю бу-

дущей реальной ренты, но именно их трудом подготовлена будущая рента. Конечно, не вся потенциальная рента станет реальной рентой в будущем. Возможно, какое-либо открытое месторождение не будет введено в разработку в обозримом будущем. Но если месторождение будет вовлечено в эксплуатацию, то не следует забывать и игнорировать «произведение человека» в первой части ССЭ (ГИН и ГРР), без которого этой ренты вообще не было бы. Поэтому на рис. 1 выделена названная нами «геологическая часть горной ренты», которая при её распределении должна достаться работникам, занятым в сфере ГИН и ГРР. Эту геологическую часть ренты можно определить, допустим, по фактическим затратам труда соответствующих работников, либо по нормативным затратам на ГИН и ГРР, либо исходя из порайонных статистических расценок (затрат), либо по кому-то другому принципу или критерию. Важно одно, а именно то, что каждый участник создания «произведения человека» должен получать свою долю дифференциальной горной ренты. Не менее важно, что геолого-экономическая оценка, позволяющая рассчитать потенциальную (будущую, возможную) ренту, должна обязательно завершать геологоразведочный процесс, так как рента является необходимой объективной информацией для принятия стратегических решений со стороны государства (собственника недр, месторождений и ренты), гражданского общества и добывающих предприятий по дальнейшему развитию сырьевого сектора экономики России.

Открытые месторождения с вышеуказанными характеристиками, в том числе с объёмами потенциальной ренты, включаются в нераспределённую часть участков государственного фонда недр. По мнению Счётной палаты РФ,

такие месторождения должны заноситься в государственную казну. В письме Счётной палаты в Правительство РФ отмечается*): «Имущество казны Российской Федерации составляет основу национального богатства и является одним из базовых ресурсов государственного регулирования экономики... Стратегия формирования государственной казны на длительную перспективу в её увязке с целями социально-экономического развития страны не определена... Не оценивались возможности использования активов казны как инструмента достижения заявленных стратегических целей развития». И далее в этом письме констатируется, что, в отличие от существующей практики утверждения стратегий развития важнейших отраслей экономики на долгосрочный период, стратегия по формированию федерального фонда месторождений, в том числе для будущих месторождений, не разработана. В письме Счётной палаты РФ зафиксирован крайне важный факт сложившейся тревожной ситуации: «в казне Российской Федерации находится только 3.1 процента общего объёма запасов нефти, что является недостаточным для обеспечения гарантий энергетической безопасности страны». Добавим к этому, что в государственной казне запасы и месторождения твёрдых полезных ископаемых отсутствуют вовсе.

В ноябре 2009 года на Парламентских слушаниях в Совете Федерации обсуждалась «Стратегия развития геологической отрасли до 2020 года», в которой, к сожалению, не предусматриваются меры по включению открытых (разрабатываемых и неразрабатываемых) месторождений в государственную казну Российской Федерации и их кадастровую оценку.

Наличие месторождения в государственной казне с параметрами кадастровой оценки (извлекаемая

*) Письмо председателя СП РФ Степашина С.В. Председателю Правительства РФ Путину В.В. № 01 – 48/04-03 от 16.01.2009.

Формирование ренты и добавленной стоимости в сырьевом секторе экономики России

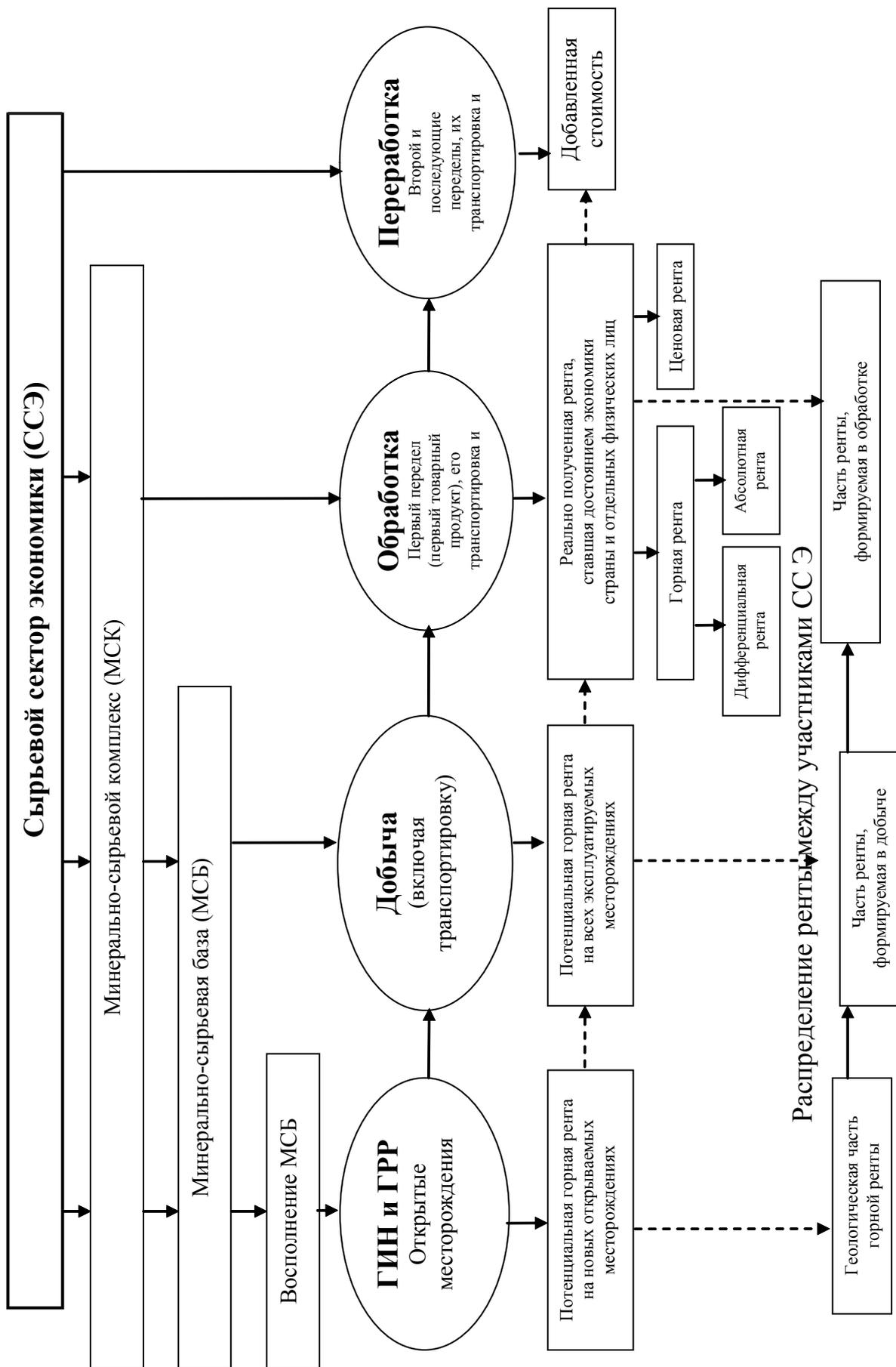

Рис. 1

ценность, потенциальная горная рента, доходность, налоговый потенциал и др.) позволит объективно устанавливать стартовые платежи при лицензировании за передачу месторождений в пользование и индивидуальные рентные платежи для каждого разрабатываемого месторождения.

Следующей частью (сегментом) сырьевого сектора экономики является освоение месторождений, строительство промышленных объектов, проведение горных работ, добыча полезных ископаемых и их транспортировка на обрабатывающие предприятия. Этот комплекс работ на рис. 1 для краткости назван «добыча» [полезных ископаемых]. Обратим внимание, что в «добычу» не включена реализация (продажа) добываемой руды или нефтяной жидкости (нефть плюс вода плюс примеси). То есть в рассматриваемой схеме нами преднамеренно исключена стадия реализации. Основным объектом МСБ является разрабатываемое (эксплуатируемое) месторождение полезных ископаемых. Основным результатом МСБ является добытая руда, нефтяная жидкость и т.п. В этой части на основе горно-экономической оценки уточняется потенциальная горная дифференциальная рента. Уточнение происходит в двух направлениях:

- выделяется часть потенциальной ренты, соответствующая только разрабатываемым месторождениям;
- эта часть потенциальной ренты актуализируется с учетом дополнительной геологической информации, действующих цен, а также с учётом уточнения нормативных капитальных и эксплуатационных затрат и т.п.

Другими словами, на выходе из МСБ образуется и рассчитывается задействованная часть потенциальной горной дифференциальной ренты, реализация которой становится осязаемой. Трудом всех работников, занятых в «добыче», создаётся дополнительная

«добычная» часть «произведения человека», обеспечивающего формирование горной ренты, названная нами (см. рис. 1) «часть ренты, формируемая в добыче». Соответственно все участники второй части ССЭ («добычи») также имеют безусловное право на свою долю горной дифференциальной ренты, механизм определения которой аналогичен определению (выделению) геологической части горной ренты.

Общая масса потенциальной дифференциальной ренты зависит от уровня и степени инновационности применяемых технологий добычи. В то же время реальная масса ренты складывается из суммы рент многих эксплуатируемых месторождений, на которых применяемые технологии могут сильно различаться. Поэтому общая масса реальной ренты всегда будет отличаться от потенциальной ренты в силу объективных и субъективных причин.

Объективными причинами являются:

- инновационное обновление технологий, так как принятая в начале разработки технология, которая в ту пору была современной, постепенно устаревает;
- рост цен и связанный с ним рост эксплуатационных затрат;
- возможное изменение (уточнение) горно-технологических условий месторождения по мере проведения детальной и эксплуатационной разведки (но этот фактор может, наоборот, улучшать горно-технологические условия и тем самым увеличивать ренту).

К субъективным причинам можно отнести:

- выборочную разработку месторождения, как хищническую (незаконную), так и установленную (законную) по временным условиям, по которым добыча ведётся только на лучших участках месторождения;
- применение методов интенсификации, к примеру гидроразрыв пласта и т.п.;

- монопольное положение основных хозяйствующих субъектов на рынке недропользования.

Третьей частью ССЭ является комплекс работ по «обработке» результатов труда на выходе из МСБ. Этот комплекс работ в российской экономической практике часто называют первым переделом минерального сырья, приводящим к получению первого товарного продукта, его транспортировке и реализации. В действующем российском законодательстве первый товарный продукт для разных видов полезных ископаемых (ПИ) описан в главе 26 Налогового кодекса РФ. В статье 337 главы 26 НК РФ введены виды «добытого полезного ископаемого»:

- 1) антрацит, уголь каменный, уголь бурый, торф, горючие сланцы;
- 2) углеводородное сырьё:
 - нефть обезвоженная, обессоленная и стабилизированная;
 - газовый конденсат..., прошедший технологию промышленной подготовки, включая отделение гелия, сернистых и других компонентов и примесей при их наличии...;
 - газ горючий природный;
- 3) товарные руды чёрных, цветных и редких металлов;
- 4) многокомпонентные комплексные руды;
- 5) полезные компоненты многокомпонентной комплексной руды, извлекаемые из неё, при их направлении внутри организации на дальнейшую переработку (обогащение, технологический передел);
- 6) горно-химическое неметаллическое сырьё;
- 7) горно-рудное неметаллическое сырьё;
- 8) битуминозные породы (за исключением углеводородного сырья);
- 9) сырьё редких металлов (рассеянных элементов);
- 10) неметаллическое сырьё, используемое в основном в строительной индустрии;

11) природные алмазы, другие драгоценные камни из коренных, россыпных и техногенных месторождений, включая необработанные и классифицированные камни (природные алмазы, изумруд, рубин, сапфир, alexandrit, янтарь);

12) концентраты и другие полупродукты, содержащие драгоценные металлы (золото, серебро, платина, палладий, иридий, родий, рутений, осмий), получаемые при добыче драгоценных металлов, то есть извлечение драгоценных металлов из коренных (рудных), россыпных и техногенных месторождений;

13) соль природная и чистый хлористый натрий;

14) подземные воды, содержащие полезные ископаемые (промышленные воды) и (или) лечебные ресурсы (минеральные воды), а также термальные воды;

15) сырьё радиоактивных металлов (в частности, уран и торий).

Как видно из этого длинного перечня, первый передел, в зависимости от видов полезных ископаемых, законодательно включает самые разнообразные виды первых товарных продуктов: от товарных руд, углеводородного сырья до концентратов (содержащих ПИ), полупродуктов (типа сплава Доре по золоту) и даже готовых минерально-сырьевых продуктов (алмазы, драгоценные камни, уран и др.). Можно спорить по поводу выделения (обособления) в сегменте обработки видов первых товарных продуктов по перечню «добытых полезных ископаемых», но это не принципиально. Важно то, что именно эти перечисленные выше товарные продукты сегодня являются налоговой базой и что для них установлен порядок определения количества и оценки их стоимости.

Минерально-сырьевая база в совокупности с предприятиями по обработке минерального сырья до первых товарных продуктов, их транспортировке и реализации составляет минерально-сырьевой

комплекс (МСК) России. Основным объектом МСК являются добытые на-гора полезные ископаемые, руда, нефтяная жидкость и т.п. Основной физический результат МСК – первый товарный продукт, виды которого подробно перечислены выше. Основными экономическими результатами МСК считаются фактическая выручка (В) в стоимостном выражении, полученная за реализованную продукцию, уплаченные налоги, доходность или рента (Р), чистая прибыль (ЧП) и другие экономические категории.

Физические результаты МСК в рыночных условиях отображаются фактической рыночной стоимостью, которая определяется по действующим рыночным ценам в зависимости, где реализуются первые товарные продукты: либо внутри России (где действуют региональные цены), либо за рубежом (где действуют мировые, в том числе биржевые, цены). Поэтому фактическая рента (Р), формируемая в МСК, включает два её вида:

1) горная дифференциальная рента (ДР),

2) ценовая рента (ЦР), которая, в свою очередь, тоже делится на два вида:

2а) экспортная ценовая рента (ЦРЭ) и

2б) региональная (внутрироссийская) ценовая рента (ЦРр).

Таким образом, в общем виде формулу расчета ренты, формируемой в МСК, можно записать следующим образом:

$$P = AP + DR + CR \text{ или } P = AP + DR + CRЭ + CRр, \quad (3)$$

где AP – абсолютная горная рента.

Рассматривая горную дифференциальную ренту как разность между «произведением природы» и «произведением человека» в МСК, можно выделить ту часть «произведения человека», которая формируется (создается) трудом всех работников, занятых в третьей части ССЭ («Обработке»), включая этапы транспортировки

и реализации первых товарных продуктов. Отсюда, по аналогии с первыми частями ССЭ, в МСК создаётся часть горной дифференциальной ренты, формируемая в обработке. Соответственно, все работники, участвующие в создании первых товарных продуктов (обработке), их реализации и транспортировке, имеют законное право на свою часть горной дифференциальной ренты.

На рис. 1 показана четвёртая (завершающая) часть ССЭ, включающая второй и последующие переделы первых товарных продуктов минерального сырья, их транспортировку и реализацию внутри России и за рубежом. По принятой нами концепции формирования ренты и рентных доходов государства на этапе переработки создаётся (формируется) только лишь добавленная стоимость. По одним видам первых товарных продуктов добавленная стоимость в процессе переработки увеличивается незначительно (к примеру, аффинажное золото, получаемое из сплава Доре), по другим – побольше (к примеру, вторичные продукты из угля), по третьим – увеличивается значительно в зависимости от второго, третьего и последующих переделов (например, от концентратов меди до медной проволоки). Нельзя не заметить, что некоторые предприятия по производству вторых и последующих переделов бывают совмещены с первым переделом – в этом случае трудно на практике выделить (элиминировать) добавленную стоимость, отделить её от дифференциальной и ценовой ренты. Иногда это и не нужно делать. В данном случае особую важность приобретают рыночные реалии в виде внутреннего и внешнего спроса (конъюнктуры рынка) на продукты первого, второго и последующих переделов. Когда в современных условиях России говорят, что надо переходить массово на производство и реализацию не минерального сырья (продуктов

первого передела), а на производство и реализацию продуктов второго и последующих переделов, то здесь не всё однозначно и просто.

Во-первых, по многим продуктам масса добавленной стоимости незначительная. Во-вторых, нужно построить перерабатывающие предприятия, а это долговременные инвестиции, которые могут не окупиться. В-третьих, наша страна вошла в мировой рынок, как страна, добывающая и экспортирующая продукты первого передела (минеральное сырьё) – поэтому переход на экспорт продуктов второго и последующих переделов является длительным, капиталоемким и далеко не всегда оправданным процессом с экономических и политических точек зрения. В любом случае требуются экономические расчёты, геополитические решения и прочие обоснования.

Рассматривая в целом процесс формирования ренты и добавленной стоимости в сырьевом секторе экономики, сделаем следующие теоретические выводы:

- в первой части ССЭ (ГИН и ГРР) формируется потенциальная горная дифференциальная рента на новых открываемых месторождениях, включаемых в нераспределённый государственный фонд участков недр;
- во второй части ССЭ (Добыча) формируется и ежегодно уточняется потенциальная горная дифференциальная рента на месторождениях, как вновь вовлечённых в хозяйственный оборот из нераспределённого фонда, так и уже разрабатываемых месторождениях, то есть на задействованных месторождениях;
- в третьей части ССЭ (Обработка) после транспортировки и реализации первых товарных продуктов минерального сырья формируются, во-первых, реальная горная дифференциальная рента, во-вторых, ценовая рента;
- как потенциальная, так и реальная горная дифференциальная

рента познаётся (имеет место быть) только при сравнении условий разработки и эксплуатации нескольких открытых месторождений (по видам полученных ископаемых), одно из которых является замыкающим (худшим), в котором нормативные затраты включают абсолютную ренту и которые обеспечивают нормальную (нормативную) прибыль;

- в четвёртой части ССЭ (переработка) формируется только добавленная стоимость, которая не относится к экономической категории горной ренты;
- при реализации первых товарных продуктов минерального сырья формируется (создаётся) реальная ценовая (региональная и экспортная) рента, обусловленная конъюнктурой внутренних (региональных) и внешних (экспортных) цен на реализуемые продукты;
- **если горная дифференциальная рента формируется внутри сырьевого сектора экономики России, то ценовая рента создаётся вне этого сектора;**
- **ГИН и ГРР формируют новый рентный потенциал, в МСБ этот потенциал соединяется с ранее созданным потенциалом, в МСК – рентный потенциал становится реальной массой ренты, поступающей в экономику страны.**

Действующие в России экономические механизмы распределения горной и ценовой ренты

Рента образуется во всех странах одинаково, а вот распределяется по-разному. Механизмы распределения ренты определяют экономический, социальный и политический уклады страны-экспортера, страны с сырьевой ориентацией. Автор не видит необходимости детального описания и характеристики специфических, чисто российских укладов, которые к тому же неоднократно изменялись

за последние двадцать лет. Они общеизвестны и достаточно полно изложены многими российскими и зарубежными экономистами.

В настоящей статье тезисно изложены лишь главные контуры современного российского уклада в сфере распределения ренты:

1) экономические механизмы распределения ренты предопределены действующим законодательством, в основном налоговым кодексом и законодательством о недрах;

2) социальные интересы гражданского общества при распределении ренты практически игнорируются, хотя в отдельных случаях декларируются в названиях фондов, создаваемых за счёт нефтегазовой ренты: фонд национального благосостояния, резервный фонд и т.п.;

3) политические аспекты ярко выражаются в демагогических рассуждениях, что в России, якобы, действуют объективные механизмы «сырьевого проклятия», что Россия накрепко подвешена на «сырьевую нефтяную иглу» и что надо слезать с этой иглы, переходить от сырьевой экономики к инновационной, модернизационной и прочей словесно приятной экономике. Но пока непонятно, к какой же конкретно другой (не сырьевой) экономике стремятся российские власти и политические институты страны.

Среди экономических механизмов изъятия ренты в доход государства главенствующую роль играют налоговые механизмы, конкретное воплощение которых реализуется в налоговом и таможенном кодексах, а также в отраслевых законодательных документах о недропользовании, в федеральных законах о недрах, обращении драгоценных металлов, газоснабжении и др. Действующая система налогообложения недропользователей начала формироваться с 2002 года, когда в Налоговый кодекс РФ была введена глава 26 «Налог на добычу полезных ископаемых». При этом были отме-

нены установленные законом «О недрах» налоговые платежи:

1) отчисления на воспроизводство МСБ – они направлялись в бюджет недропользователей для проведения ГРП (примерно 50%), в бюджет субъекта РФ (примерно 20%) и в федеральный бюджет (примерно 30%) для формирования целевого фонда воспроизводства МСБ;

2) плата за добычу полезных ископаемых, которая, по нашему мнению, являлась аналогом общепринятого в мире налога за добычу, который называется роялти. Плата за добычу взималась по дифференцированным ставкам в пределах их минимума и максимума, которые устанавливались в лицензионном соглашении на каждое месторождение в зависимости от его доходности.

В монографии «Богатство недр России»¹ рассчитана налоговая нагрузка на недропользование по России в целом, по федеральным округам, субъектам Российской Федерации и по видам полезных ископаемых. Сегодня в доход государства изымается от 5 до 60% горной и ценовой ренты в зависимости от видов полезных ископаемых. Наибольший объём ренты изымается из нефтедобывающей отрасли (30–60%). Изымается в бюджет доля рентных налогов в газодобывающей отрасли намного меньше (10–15%). Рентные налоги по всем другим полезным ископаемым составляют не более 10%.

Последние 2–3 года, особенно в связи с экономическим кризисом, Правительство РФ неоднократно поднимало вопрос об увеличении рентных налогов в газодобывающей отрасли, но каждый раз соглашается с «убедительными» доводами ОАО «Газпром», который обещает увеличить инвестиции в газодобычу, если им не поднимут НДС на газ. Нефтяники в последние несколько лет пролоббировали принятие изменений

в главу 26 «НДПИ» Налогового кодекса РФ по региональным льготам (снижение ставки налога вплоть до нуля), в том числе на месторождениях в шельфовых зонах. Также снижена ставка в зависимости от истощённости нефтегазовых месторождений и т.п. Но пока нефтяникам никак не удаётся «отвязать» НДС на нефть от мировых цен. Хотя, по нашему мнению, это надо сделать. Мировые цены на нефть должны учитываться только в механизме расчёта вывозной пошлины на нефть, то есть при изъятии ценовой ренты.

Ценовая рента изымается только у нефтяников (по формуле, зависящей от мировой цены барреля и курса доллара) и газовиков (по ставке 30% от экспортной выручки). Ранее ценовая рента изымалась также при экспорте драгоценных металлов (5%).

Действующие налоги за недропользование показаны на рис. 2. На этом же рисунке показаны рекомендуемые нами налоги и платежи за пользование недрами. Одновременно нами предлагается изменить целевое и экономическое назначение действующих налогов:

1) НДС должен быть налогом для изъятия абсолютной ренты;

2) стартовый (разовый) платёж должен учитывать затраты на стадии ГИН и ГРП и так называемый бонус (или арендную плату) за предоставленное право пользования недрами в целях добычи. В дальнейшем через уплату бонуса целесообразно возродить «отчисления на воспроизводство МСБ» и взимать их как регулярный платёж в процентах от выручки;

3) экспортную ценовую ренту должно полностью изымать государство, являющееся единоличным собственником всех участков недр и месторождений. Заметим, что хотя мы говорим об уходе от сырьевой зависимости, но тут же поощряем, стимулируем экспорт

сырья, оставляя недропользователям значительную долю ценовой ренты от продажи сырья за рубежом. Если же мы хотим стимулировать экспорт продукции второго и последующих переделов, то надо снизить вывозные пошлины на нефтепродукты, сжиженный газ, изумруды и т.п.

Помимо изменения целевой направленности действующих налоговых изъятий за недропользование, целесообразно ввести два новых сугубо рентных платежа.

Первый платёж связан с взиманием с хозяйствующих субъектов незаработанной ими дифференциальной горной ренты I-го рода. Он являлся бы неналоговым периодическим (желательно квартальным) рентным платёжом. Этот платёж должен устанавливаться индивидуально для каждого месторождения на основе его горно-геологической оценки и ежегодного горного аудита, как это делается в большинстве стран, добывающих минеральное сырьё. Как уже отмечалось, такой платёж называется роялти. Как правило, величина роялти законодательно устанавливается в виде предельных ставок (минимальной и максимальной) от выручки за реализованное сырьё. Конкретный размер ставки роялти (в процентах) ежегодно уточняется по результатам горного аудита каждого эксплуатируемого месторождения.

Второй платёж связан с так называемой социально-экономической рентой, которая является специфической рентой, возникшей в России при переходе к капитализму. Дело в том, что недропользователи вместе с месторождениями получили в пользование и всю инфраструктуру – промыслы, основные фонды, которые созданы в советское время. Это позволило им получать и присваивать два вида незаработанных доходов:

первый: увеличение ренты недропользователей за счёт снижения их удельных затрат на единицу товарной продукции;

второй: возврат через «амортизационные отчисления» стоимости основных фондов. Амортизация включается в себестоимость и поступает полностью в чистый доход недропользователя. При этом государство разрешает ещё раз в два года увеличивать (переоценивать) стоимость основных фондов с учётом инфляции, что увеличивает чистый доход недропользователей, уменьшает их налогооблагаемую прибыль, в итоге чего уменьшаются поступления в бюджет.

Таким образом, вложенные в советское время средства в поиски, разведку, освоение и обустройство месторождений переходят (в виде незаработанных доходов) в карманы хозяев компаний-недропользователей. Это – потрясающий экономический феномен рыночной России. Мало того, что недропользователям бесплатно передали сотни тысяч скважин, промыслы, здания, сооружения и другие объекты, построенные на месторождениях, так ещё позволили им амортизировать эти объекты, включая их себестоимость. В итоге недропользователи в чистом виде (в деньгах) бесплатно присваивают переоценённую стоимость капитальных вложений, которые были в советское время направлены в освоение и обустройство действующих месторождений. Получается, что в условиях рынка российские граждане, начиная с 1992 года, вторично возмещают прошлые (уже однажды оплаченные) советские затраты на обустройство месторождений.

Изъятие социально-экономической ренты целесообразно производить в виде компенсационного платежа, общая сумма и порядок выплаты которого должны устанавливаться государством по согласованию с недропользователями. Безусловно, при этом следует учесть затраты недропользователя

при приватизации, в том числе залоговые аукционы в 1995 году, а также другие реально сделанные им вложения в месторождение. Сумма социально-экономической ренты на каждом переданном в пользование месторождении достаточно хорошо известна, также хорошо известны затраты хозяйствующих субъектов на «приобретение» эксплуатируемых месторождений. Понятно, что компенсационный платёж, возмещающий социально-экономическую ренту, носит временный характер. Разумеется, что на новых открываемых месторождениях социально-экономическая рента отсутствует.

Предлагаемые изменения в налоговое законодательство, по нашим расчётам, позволят увеличить рентные поступления в доходы государства (собственника недр) не менее, чем в 2 раза.

В статье 9 Закона «О недрах» приводится достаточно расплывчатое определение недропользователей: «Пользователями недр могут быть субъекты предпринимательской деятельности, в том числе участники простого товарищества, иностранные граждане, юридические лица, если федеральными законами не установлены ограничения предоставления права пользования недрами».

Определение понятия «компания-недропользователь» в российском законодательстве отсутствует. В реальной жизни добыча на подавляющем числе нефтяных месторождений сосредоточена в 8–10 вертикально-интегрированных нефтяных компаниях (ВИНК), добыча на подавляющем числе газовых месторождений – в ОАО «ГАЗПРОМ».

ВИНК(и) и уж тем более «ГАЗПРОМ» – это некие индустриально-хозяйственные монстры, истинная организационная структура которых сокрыта под семью печатями. Каждый такой монстр имеет сотни небольших предприятий, организаций, филиалов, «дочек», «внучек» и т.п., которые осуществляют все

виды деятельности внутри ССЭ (см. рис. 1) и много других видов деятельности за пределами ССЭ. Основные финансовые потоки этих монстров реализуются через десятки небольших офшорных частнособственнических (с неявно выраженными бенефициарами) компаний. Проследить движение потоков в таких компаниях практически невозможно. Но именно в них поступает остающаяся после налогообложения часть горной и ценовой ренты, а также почти вся социально-экономическая рента.

Позволим себе предположить, что озвучиваемые в СМИ «владельцы» монстров и других крупных компаний-недропользователей, которым принадлежат контрольные пакеты акций (от 50 до 90%), – это некоторые «собираемые образы» типа Козьмы Прутковка.

Обратим внимание и на то, что часть ренты, поступающая официально в чистый доход «монстров» и других компаний-недропользователей, извлекается их владельцами в виде дивидендов, которые облагаются по ставке всего 9% – даже меньше, чем ставка подоходного налога (13%). Трудно понять, почему наше российское государство проводит столь либеральную налоговую политику в отношении огромных доходов владельцев компаний в ССЭ. Это – чистое (непозволительное во всём мире) изъятие ренты из доходов страны и гражданского общества в пользу узкого круга физических лиц.

Анализируя действующие в нашей стране механизмы распределения, использования и присвоения горной и ценовой ренты, можно констатировать, что в современной российской экономике более-менее точно известна только та часть ренты, которая поступает в федеральный и региональный бюджеты. Однако прозрачность в использовании рентных налоговых доходов отсутствует. Из этих весомых доходов (до 40–50% поступлений в бюджет) лишь мизерная доля

**ВИДЫ РЕНТЫ И ПРЕДЛАГАЕМАЯ СИСТЕМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ДОБЫЧЕ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ**

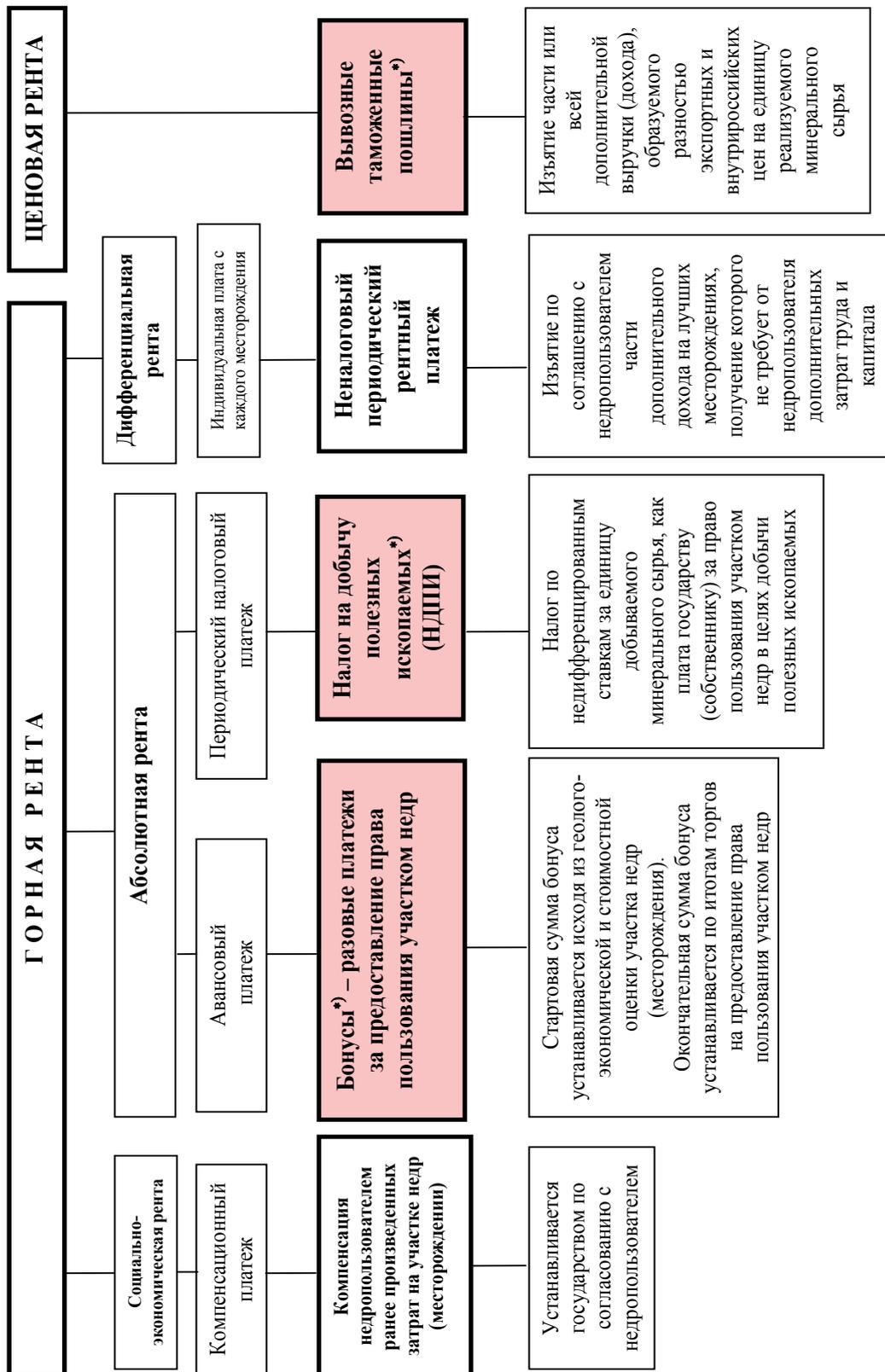

Рис. 2

*) Действующие с 2002 г. налоги за недропользование.

федерального бюджета направляется (используется) на воспроизводство минерально-сырьевой базы (ВМСБ). На 2010–2012 годы запланировано ежегодное госбюджетное финансирование ВМСБ в объёме чуть более 22 млрд. руб.

Зато с 2005 года бюджет начал называться «нефтегазовым», так как нефтегазовая рента направлялась в стабилизационный фонд, впоследствии разделённый на резервный фонд и фонд национального благосостояния, из которых часть средств в виде трансфертов поступала в ненефтегазовый бюджет. Сегодня эти фонды почти полностью «съедены» на покрытие дефицита федерального бюджета.

Как уже отмечалось, неналоговая часть ренты (а она, вне сомнения, больше налоговой части) концентрируется на офшорных счетах неких «Козьма Прутковых». Взять эту часть природной ренты из офшоров и запустить её в экономику страны – вот наша мичуринская задача!!!

Как использовать ренту? – примеры широко известны.

В Норвегии рента направляется на развитие национального здравоохранения и пенсионного обеспечения, что позволило (менее чем за 15 лет) поднять среднюю продолжительность жизни норвежцев с 70 до 85 лет. В Саудовской Аравии и ОАЭ рента направляется на развитие национального образования и модернизацию экономики этих стран на основе современных технологий. Любой житель этих стран может бесплатно обучаться в любой стране мира с одним условием: а именно, он обязан вернуться после обучения в родную страну.

Объём создаваемой в России горной и ценовой ренты позволя-

ет полностью реализовать и норвежские, и арабские социально-экономические проекты даже сегодня – в условиях заступающего мирового финансового кризиса. Если, конечно, прекратится вывоз за пределы России капиталов и накопленных резервов, активно осуществляемый сегодня под предлогом якобы поразившего нашу страну экономического кризиса.

В заключение сделаем некоторые выводы, касающиеся проблемы государственного изъятия и распределения горной ренты.

Первое, что безотлагательно следует сделать, это привести в порядок, оптимизировать всю систему изъятия рентных доходов в МСК. Нужно поставить прочный заслон на путях перекачки нефтяной, газовой, золотой и прочей минерально-сырьевой ренты в бездонные офшорные карманы узкого круга физических лиц.

Необходимо в законодательном порядке обеспечить приоритет изъятия дифференциальной горной ренты перед другими формами налогообложения недропользования. Но, к сожалению, сегодня приходится констатировать практически полное отсутствие правовых основ для внедрения рентных принципов налогообложения, позволяющих учитывать различие географических, горно-геологических, социально-экономических и иных условий разработки месторождений. Действующий налог на добычу полезных ископаемых, непомерно большой для одних и совершенно недостаточный для других недропользователей, абсолютно не соответствует этим принципам. А плоская единая для всех шкала налогообложения прибыли и полный неучёт социально-экономической

ренты усугубляют недостатки этого закона.

Второе. Необходимо предусмотреть и обеспечить преимущественно целевой характер использования бюджетных средств, поступающих от рентных налогов и платежей. Поскольку природная рента является общенародным достоянием, то и её использование должно быть направлено, прежде всего, на достижение социально-значимых целей. Как писал ещё семь лет тому назад академик Д.С. Львов, оценка эффективности ССЭ должна определяться, главным образом, по его вкладу в «развитие здоровья и образования нации, в активную демографическую политику, во всестороннюю поддержку подрастающего поколения, в развитие народного предпринимательства, сохранность потенциала природной среды. Именно в эти сферы и должна быть направлена львиная доля рентного дохода и доход от хозяйственной эксплуатации государственного имущества»².

Третье. Всячески пресекая несправедливое (и незаконное!) присвоение и нецелевое расходование горной ренты, одновременно следует законодательно предусмотреть поощрение тех работ и тех новаторских начинаний в МСК, которые способствуют открытию новых месторождений, внедрению прогрессивных технологий добычи и переработки полезных ископаемых – в конечном счёте, обеспечивают не только сохранность, но и наращивание нашего рентного потенциала. Как было показано выше, таких поощрений заслуживают участники всех этапов формирования товарной продукции недропользования пропорционально их вкладу в увеличение общей массы дифференциальной ренты.

(Автор признателен ведущему научному сотруднику ЦЭМИ РАН, кандидату экономических наук Пителину А.К., критические замечания которого помогли уточнить и упорядочить теоретические основы этой статьи.)

Исследуем рынок

Д.О. КРЮКОВ, старший преподаватель, НОИР

D. Kryukov

Стратегическое развитие компании через диверсификацию

The company's strategic development through diversification

Аннотация: В статье исследуются факторы, обуславливающие необходимость и важность разработки рациональных и эффективных корпоративных стратегий, без помощи которых отдельным бизнес-единицам управлять достаточно сложно или практически невозможно. Подобные стратегии необходимы как для того, чтобы использовать потенциальные возможности и преимущества при соответствующем масштабе, так и для того, чтобы противостоять и элементарно выживать вопреки превосходству силы конкурентов.

Abstract: The paper explores the factors contributing to the need and importance of developing sound and effective corporate strategies, without whose help the individual business units to manage difficult or almost impossible. These strategies as necessary in order to use the potential and benefits in an appropriate scale and in order to confront and simply to survive despite the superiority of force competitors.

Ключевые слова: диверсификация, стратегическое развитие, входные барьеры, прибыль, конкурентные преимущества, управленческие решения, рентабельность, корпоративная стратегия, бизнес-единица, ключевая сфера деятельности.

Key words: diversity, strategic development, entry barriers, profits, competitive advantage, management decisions, profitability, corporate strategy, business unit, the key sphere of activity.

Стратегия диверсификации связана, прежде всего, с определённым состоянием или какими-либо изменениями товара, рынка, отрасли, технологии или конкурентной позиции. Вопрос о применении данной стратегии, так или иначе, зависит от возможности роста компании в её настоящей отрасли, возможных перспектив роста в новой отрасли или отраслях, а также от её финансовых ресурсов и конкурентных позиций.

Стратегии развития компаний через диверсификацию оправданы в том случае, если:

1) существующий вид деятельности фирмы или одно из его направлений обладают незначительными возможностями для дальнейшего роста или обеспечения рентабельности;

2) позиции конкурентных компаний достаточно сильны или ба-

зовый рынок находится в состоянии спада;

3) новое направление деятельности может оказаться достаточно успешным, так как способно обеспечить достижение синергетического эффекта;

4) в настоящее время компания находится в стабильном положении и обладает достаточными финансовыми ресурсами для инвестирования в различные сферы бизнеса.

На предварительном этапе руководство компании должно оценить, каким образом то или иное решение по диверсификации способно повысить доходность акций.

Для решения этой задачи рекомендуется использовать следующие критерии.

1. Критерий привлекательности. Его суть заключается в том, что отрасль, выбранная для диверсифи-

кации, должна являться достаточно привлекательной с точки зрения получения достаточной прибыли с суммы вложенных средств. Истинная привлекательность определяется также наличием благоприятных условий для успешной конкуренции и рыночной среды, способствующих обеспечению долгосрочной рентабельности.

2. Критерий «издержки входа». Затраты при вхождении в новую отрасль не должно быть слишком высокими, чтобы не уменьшить перспективы получения прибыли. Это связано с тем, что чем более привлекательна отрасль, тем дороже будет стоить проникновение в неё.

Входные барьеры для новых компаний всегда достаточно высокими, так как в обратном случае их поток свёл бы к нулю возможность получения прибыли другими компаниями.

Таким образом, покупка компании, уже работающей в данной сфере, – достаточно дорогостоящая операция, а слишком высокая плата за проникновение в новую отрасль снижает возможность увеличения доходности акций.

3. Критерий дополнительных выгод. Компания, осуществляющая диверсификацию, должна приложить необходимые усилия для создания определённого конкурентного преимущества в новой сфере деятельности или избранное направление деятельности должно обеспечить некоторый потенциал для поддержания конкурентного преимущества в текущих делах компании.

Создание конкурентного преимущества в той сфере, где его ранее не существовало, значительно укрепляет существующие позиции фирмы, а также приводит к появлению возможности дополнительной прибыли и увеличения доходности акций.

Если деятельность компании по диверсификации удовлетворяет всем трём обозначенным критериям, то она обладает достаточным потенциалом для создания дополнительной доходности акций. Если же наблюдается соответствие только одному или двум критериям, то применение стратегии диверсификации сопровождается вероятностью значительной доли рисков.

В настоящее время в мировой практике крупных компаний сложились различные типы стратегии диверсификации.

Стратегия концентрической диверсификации основывается на поиске и использовании дополнительных возможностей производства новой продукции, которая соответствует реальным и существующим возможностям компании, даже если ориентирована на другие группы потребителей. В этом варианте существующее производство сохраняется в деятельности фирмы как основное, а новое направление создается, исходя

из её возможностей (технологических, финансовых, маркетинговых и т.д.). Целью в данном случае является то, чтобы добиться эффекта синергии и расширить, таким образом, потенциальный рынок фирмы, а также усилить её конкурентные преимущества и позиции.

Стратегия горизонтальной диверсификации предполагает поиск и открытие новых возможностей роста на существующем рынке с помощью выпуска новой продукции, предназначенной для потребителей компании, даже если эта продукция технологически не связана с имеющимися в распоряжении фирмы производственными мощностями. При использовании данной стратегии организация должна ориентироваться на производство таких технологически не связанных с её основным производством продуктов, которые позволили бы успешно задействовать уже имеющиеся в арсенале фирмы возможности, например, в области продвижения товара на рынок. Важнейшим условием для компании при выборе и реализации данной стратегии является строгая и объективная оценка собственной компетентности в производстве нового продукта, а также степени заинтересованности в этом продукте на рынке.

Стратегия конгломератной диверсификации нацелена на освоение таких направлений и видов деятельности, которые не связаны с традиционным профилем компании, как в технологическом, так и в коммерческом плане. Она представляет собой одну из наиболее сложных для своего воплощения стратегий, так как предполагает вхождение фирмы в абсолютно новые для неё области. А это связано не только с крупными финансовыми вложениями, но и с определённой степенью разнообразных рисков, что требует от руководства компании тщательного планирования и прогнозирования в сочетании с искусно выстроенной комбинацией иногда совершенно

уникальных, по своей сути, действий.

Стоит обратить внимание на то, что при реализации стратегии конгломератной диверсификации целью фирмы является обновление.

Разработка рациональной корпоративной стратегии для диверсифицированной компании предусматривает установленный алгоритм действий.

1. Действия, направленные на достижение диверсификации.

Первой задачей при проведении диверсификации является определение сферы деятельности, а именно: в каких отраслях промышленности будет развиваться компания и каким образом. Это может осуществляться путём образования новой компании или приобретения уже существующей (устойчивого лидера, недавно созданной организации или фирмы, находящейся на данный момент в затруднительном положении, но обладающей перспективными потенциальными возможностями).

Данный аспект определяет масштаб корпоративной стратегии, а именно: будет ли диверсификация ограничиваться несколькими отраслями промышленности или распространится на многие, что существенно повлияет на позицию компании в каждой из целевых отраслей.

2. Мероприятия, направленные на улучшение общих показателей деятельности в тех отраслях, где фирма функционирует в настоящее время.

По мере завоевания конкурентных преимуществ в обозначенных отраслях корпоративная стратегия концентрируется на путях оптимизации работы во всех сферах деятельности организации.

Управленческие решения должны быть разработаны и приняты с целью усиления конкурентных позиций в долгосрочной перспективе и повышения доходности тех предприятий, на развитие которых были направлены значительные финансовые потоки.

Материнские компании могут содействовать дочерним фирмам быть более успешными такими способами, как:

финансирование создания дополнительных мощностей;

осуществление мероприятий по повышению эффективности производства;

предоставление необходимых управленческих технологий и ноу-хау;

объединение двух направлений в одно;

приобретение другой компании, действующей в этой же отрасли или обладающей уже значительными позициями на данном рынке.

3. Нахождение путей получения синергического эффекта среди родственных хозяйственных подразделений и использование его для приобретения конкурентных преимуществ.

Расширяя свою деятельность в направлении бизнеса, обладающего схожими технологиями, аналогичным производственным процессом и каналами сбыта, такими же потребностями или другими похожими условиями, компания достигает существенных преимуществ по сравнению с фирмой, начинающей осваивать абсолютно новые направления деятельности в несвязанных отраслях.

В случае родственной диверсификации организация обладает возможностью для осуществления передачи определённых приёмов, навыков, технологий, опыта работы с акциями, тем самым минимизируя общие издержки, повышая конкурентоспособность некоторых продуктов, усиливая возможности ряда подразделений, что способствует достижению конкурентных преимуществ на рынке.

Увеличение количества налаженных и отработанных связей и цепочек взаимодействия между различными направлениями деятельности компании прямо пропорционально отражается на показателях эффективности её функционирования.

Отличительной особенностью связанной диверсификации является то, что она позволяет достичь таких результатов работы (синергического стратегического соответствия среди родственных хозяйственных подразделений), которые практически недостижимы при автономной и самостоятельной работе каждого отдельного подразделения.

4. Создание инвестиционных приоритетов и перераспределение ресурсов в корпорации в наиболее перспективные направления и области.

Различные сферы и направления деятельности диверсифицированной компании отличаются друг от друга с точки зрения привлекательности для инвестирования дополнительных средств. Руководству организации необходимо периодически осуществлять ранжирование целесообразности инвестирования в различные сферы деятельности для распределения финансовых ресурсов по наиболее перспективным и прибыльным направлениям.

Корпоративная стратегия, как правило, может одновременно охватывать достаточное количество самых разнообразных хозяйственных подразделений. В их число могут входить и такие, которые находятся в угрожающе непривлекательных отраслях или постоянно имеют низкие показатели прибыли. Рациональная корпоративная стратегия учитывает такое status-quo путём ограничения свободы на инвестирование в непривлекательное производство. А это, в свою очередь, позволяет перераспределить финансовые ресурсы в сторону наиболее перспективных хозяйственных подразделений или направить их на приобретение новых, привлекательных во всех отношениях компаний.

Корпоративная стратегия выстраивается руководителями высшего уровня управления, которые не только принимают, рас-

сматривают и анализируют всю имеющуюся информацию, а также рекомендации и предложения, поступающие от руководителей более низких звеньев, но и несут основную ответственность за принятые решения, их возможные риски и последствия. В то же время в процессе разработки стратегии компании могут принимать участие руководители ключевых производств. Важнейшие стратегические решения рассматриваются и принимаются советом директоров корпорации.

Одновременно с этим существует мнение, в основе которого лежат данные многочисленных исследований, о том, что эффективная и рациональная корпоративная стратегия – это всего лишь миф, а усилия тех, кто возглавляет многопрофильные компании, направленные на добавление стоимости, не приносят существенных результатов. В то время, когда часть преуспевающих головных офисов в многопрофильной компании создаёт добавленную стоимость, остальное большинство его попросту нивелирует.

Стоит обратить внимание на то, что в отношении значительного количества корпоративных центров справедливы будут следующие аргументы.

1. Большинство корпоративных центров обладают внушительными размерами. Их функционирование является по преимуществу дорогостоящим и заметно отражается на том объёме прибыли, который создают производственные фирмы.

2. Деятельность большинства корпоративных центров не окупается, то есть они не добавляют достаточной стоимости, чтобы покрыть свои собственные затраты.

3. В ряде случаев корпоративные центры разрушают больше стоимости, чем сами создают.

Подобная ситуация связана не только с тем, что корпоративные стратегии неэффективно реализуются. В основе проблемы – реальная жизнь корпораций.

Практически большинство крупных корпораций, состоящих из множества фирм, организованы таким образом, что производственные компании представляют собой самостоятельные и автономные экономические единицы, которые могли бы развиваться ещё эффективнее, если бы их центр вообще прекратил своё существование. В ряде случаев можно утверждать, что корпоративный центр является лишь связующим звеном между фирмами, которые создают материальные ценности, и финансовыми структурами, предоставляющими денежные средства.

Разрушение стоимости имеет место тогда, когда корпоративный центр совершает некоторые ошибки, связанные, например, с неправильными приобретениями или с назначением некомпетентных генеральных директоров, а также навязыванием неподходящих средств контроля. Самой же распространённой причиной разрушения центром стоимости является то, что своим существованием он существенно снижает уровень ответственности тех, кто руководит фирмами и производственными компаниями. А это, в свою очередь, отражается на том, что руководители отдельных бизнес-единиц рассуждают и ведут свою деятельность как обычные администраторы, выполняющие определённый набор бюрократических функций, а не как самостоятельно мыслящие и действующие предприниматели-собственники.

В то же время такая иерархическая зависимость сказывается в том плане, что руководители компаний зачастую ограничены в свободе действий, в разработке и реализации намеченных планов и решений. А ведь иногда удачно разработанный план или проект, имеющий все шансы для реализации и сулящий перспективы для организации, после прохождения процедуры согласования в корпоративном центре может быть отложен или вообще закрыт. В подоб-

ной ситуации также проявляется характерная сторона специфики взаимодействия отдельных компаний со своим корпоративным центром.

В настоящее время существует достаточное количество документальных подтверждений примеров таких компаний, которые стали функционировать гораздо более эффективно после того, как их корпоративный центр перестал существовать. Это стало возможным в результате либо приобретения менеджерами и сотрудниками контрольного пакета акций своей компании, либо процедуры её разделения.

Биржевые маклеры регулярно рассчитывают показатель «разрыва в стоимости», в результате чего появляется вывод о том, что стоимость отдельных частей крупной диверсифицированной компании часто превышает стоимость целого.

Но, несмотря на всё это, в ряде случаев рационально выстроенная центром корпоративная стратегия добавляет больший объём стоимости, чем потребляет.

Подтверждением тому служат самые успешные корпорации мира. Однако следует учитывать тот факт, что для грамотной разработки и эффективной реализации корпоративной стратегии на практике необходимо соблюдать некоторые условия.

Корпоративный центр должен сформулировать ответы на следующие основополагающие вопросы:

1. В каких отраслях и направлениях бизнеса должна работать компания?

2. Как разработать такой способ создания стоимости, которым не обладают компании-конкуренты?

3. Каким образом организовать и структурировать усилия для достижения поставленных целей?

4. Если компании удастся разработать новые, оригинальные и креативные ходы и решения, она может достичь таких результатов, которые превышают даже запланированные.

В настоящее время известно множество примеров стабильно успешных корпоративных стратегий, которые центр разрабатывает и реализует на практике. К таким компаниям, в которых центр на протяжении длительного периода времени добавлял больше стоимости, чем отнимал, можно отнести Coca-Cola, Toyota, Sony, ЗМ, Microsoft, Apple, Nike, IKEA и многие другие. Более того, многие компании не могут отказаться именно от корпоративной стратегии в силу специфики отрасли или особенностей собственного развития. Так, например, необходимость в более эффективной конкуренции в определённых областях бизнеса может принуждать их к тому, чтобы становиться более крупными по размеру или более сложными и разветвлёнными по своей структуре.

К факторам, определяющим необходимость разработки и реализации корпоративной стратегии, можно отнести:

а) региональную и глобальную экономию на масштабе;

б) экономический эффект бренда;

в) способность некоторых конкурентов находить оригинальные и эффективные с точки зрения издержек способы функционирования, которые в условиях глобализации могут распространяться и за пределами национальных границ;

г) тенденцию расширения рынков и снижения импортных барьеров;

д) использование дорогостоящих технологий и ноу-хау в различных областях и регионах.

Вышеперечисленные факторы обуславливают необходимость и важность разработки рациональных и эффективных корпоративных стратегий, с помощью которых отдельным бизнес-единицам управлять достаточно сложно или практически невозможно. Подобные стратегии необходимы как для того, чтобы использовать потенциальные возможности и пре-

имущества при соответствующем масштабе, так и для того, чтобы противостоять и элементарно выживать вопреки превосходству силы конкурентов.

В истории и практике мирового бизнеса сложились шесть основных рациональных вариаций для центральной корпоративной стратегии. Одна из них является временной и предназначена только для непредвиденных и экстраординарных случаев. Остальные пять вполне соответствуют стабильной ситуации. Из этих пяти стратегий одна подразумевает, по существу, минимальную роль центра, а оставшиеся четыре – его активную политику. Далее рассмотрим их подробнее.

Экстренная корпоративная стратегия. Если компания сталкивается со стратегической неожиданностью, то её центр должен обязательно вмешаться и принять необходимые и адекватные меры, чтобы исправить и стабилизировать ситуацию.

К наиболее распространённым факторам возникновения подобных обстоятельств можно отнести:

резкое ухудшение конъюнктуры рынка;

значительное снижение прибыли или увеличение убытков;

сокращение доли рынка или потерю одного или нескольких покупателей, от которых существенно зависит фирма;

неожиданно образовавшийся дефицит наличности;

серьёзные противоречия или конфликты между отдельными подразделениями или высшим руководством внутри подразделения, а также любые другие внезапные изменения, способные угрожать стабильности и процветанию компании.

Бывают случаи, когда сложно заметить, как медленное и постепенное ухудшение начинает трансформироваться в полномасштабное поражение, но необходимость в оперативной разработке и использовании экстренной корпо-

ративной стратегии всегда видна отчетливо.

Грамотно организованная и адекватная экстренная корпоративная стратегия, как правило, всегда подразумевает такие действия центра, которые направлены на стратегические кадровые перестановки. Они выражаются в смене высшего руководства, назначении нового, жёсткого и бескомпромиссного генерального директора из числа тех людей, которые не имеют прямого отношения к организации, а также оказании ему всесторонней поддержки. В сложившейся ситуации в течение некоторого времени корпоративный центр должен осуществлять централизованную модель управления, строго контролировать действия заинтересованных лиц и кругов в компании, а также выявить и откорректировать те стандарты работы, которые на данный момент оказались неприемлемы. В таких условиях центр должен обладать полным и незамедлительным доступом ко всем необходимым данным и информации, способствовать созданию и поддержанию лояльности к новому общему делу, осуществлять комплексную поддержку новой команды топ-менеджеров.

Однако всегда следует помнить о том, что экстренная корпоративная стратегия – это способ управления компанией в чрезвычайных условиях, но отнюдь не тогда, когда кризис предотвращён. После преодоления негативного периода и выхода из него компании следует провести системный и комплексный анализ своей внутренней и внешней среды с учётом изменившихся условий и факторов с той целью, чтобы выбрать и остановиться на наиболее эффективном из пяти возможных долгосрочных подходов.

Олимпийская корпоративная стратегия. Основана главным образом на невмешательстве, на представлениях о том, что корпоративный или олимпийский

центр является относительно небольшим и компактным по своим размерам и структуре. Он состоит, как правило, из председателя совета директоров, не являющегося исполнительным лицом, генерального директора и одного или двух бухгалтеров, которые осуществляют выполнение установленных законодательством требований по отчетности.

Олимпийская стратегия предполагает, что генеральный директор компании не препятствует самостоятельной и автономной деятельности отдельных бизнес-единиц, которые по своему существу действительно являются независимыми. В мировой практике управления достаточно распространён вариант, когда генеральный директор одновременно руководит одним из основных подразделений фирмы. Служебные обязанности в корпоративном центре, таким образом, представляют собой дополнительную работу и не предоставляют каких-либо значительных полномочий помимо тех, которыми наделены другие руководители подразделений. Альтернативный вариант для генерального директора – принять на себя несколько функций и обязанностей в компании, связанных с осуществлением и реализацией конкретного проекта. Существует также возможность упразднения должности генерального директора и передача его функций и полномочий председателю совета директоров.

Для того чтобы успешно и рационально осуществлять олимпийскую стратегию, корпоративный центр должен быть по возможности сдержанным, предоставляя отдельным подразделениям компании свободу выбора и максимально полную самостоятельность в действиях. В его непосредственные задачи входит, главным образом, системная и комплексная оценка внешней среды организации, прогнозирование возможных изменений и рисков, разработка

своевременных и адекватных мер в ответ на различные вызовы и угрозы, отслеживание общемировых и глобальных тенденций с учётом степени их воздействия на компанию. Вмешательство центра в деятельность отдельных подразделений возможно и допустимо в тех случаях, если речь идёт о стратегических интересах компании.

Председатель совета директоров частной компании должен обладать достаточным опытом, профессионализмом и компетентностью, а также интуицией, чтобы вовремя и безошибочно определить наступление смены очередного периода в жизненном цикле организации. В фирме, деятельность которой связана с использованием современных и высокоэффективных технологий, руководитель должен чётко определить момент, когда существуют все основания и условия для перехода на вновь созданную, инновационную технологию, позволяющую обоснованно отказаться от существующих и применяемых подходов.

Корпоративная стратегия, ориентированная на приобретение. Одной из наиболее популярных корпоративных стратегий является та, в основу которой заложены частые приобретения. Однако результаты значительного количества проведённых исследований показали, что на практике стратегия приобретений достаточно часто терпит неудачу за исключением тех случаев, когда её осуществляют владельцы акций приобретаемых предприятий. Некоторые данные констатируют тот факт, что в целом совершаемые приобретения не приносят чистой выгоды компаниям, их осуществляющим. Несмотря на всё это, бизнесмены продолжают приобретать организации, включая организации конкурентов.

Ряд учёных и специалистов-аналитиков придерживаются того мнения, что приобретения не наносят как такового ущерба приобретающим компаниям, но и сильно

не способствуют получению от таких сделок выгоды. Львиная доля компаний, ориентирующихся и осуществляющих данный вид корпоративной стратегии, в конечном итоге находится на уровне безубыточности, но обладает всеми потенциальными возможностями для достижения больших результатов. Существует также определённая часть компаний, которые в результате тщательно спланированных и стратегически выверенных приобретений всё время выигрывают.

Такие достижения возможны с учетом следующих факторов.

1. Фирмы, практикующие данный подход, стараются приобретать те компании, которые на данный момент времени недооценены на фондовом рынке, в то время как средние показатели их деятельности в отрасли достаточно значительны.

2. Такие организации нацелены на потенциал получения прибыли особого рода. Так, например, при проведении предварительных исследований по оценке возможной отдачи от использования синергетического потенциала за счёт объединения возможностей компаний в одно целое приобретающей организации практически всегда удаётся осуществить запланированную экономию, а на практике иногда даже и значительно превышающую.

3. Они склонны приобретать такие компании, у которых отношение рыночной цены акций к чистой прибыли в расчёте на одну акцию меньше, чем у них самих. Самый интересный момент в данном случае заключается в том, что даже если приобретающая компания не задействует каких-либо усилий или средств в направлении улучшения деятельности приобретаемой компании, то ей, несомненно, удастся увеличить её доход в расчёте на одну акцию.

4. Приобретающие компании, как правило, обладают собственными корпоративными финансовыми командами, относительно

небольшими по размеру, но укрупненные опытными специалистами. Эти подразделения предназначены для определения, проверки и заключения сделок с потенциальными объектами. В процессе ведения переговоров их представители практикуют жёсткий, бескомпромиссный стиль. Если их не устраивает окончательная цена, то они готовы пойти на отказ от сделки, даже если потратили на неё значительное количество усилий. К услугам специалистов-консультантов такие группы стараются не обращаться.

5. У этих фирм существует специально разработанный план действий, который реализуется после приобретения компании. Он рассчитывается на период от одного до полутора лет, на протяжении которого приобретённые компании оцениваются, определяются виды деятельности, необходимые для сохранения и дальнейшего развития. В то же время происходит расстановка руководящего персонала высшего уровня и обозначаются показатели финансовой деятельности, к достижению которых следует стремиться.

6. Приобретающие организации максимально быстро интегрируют приобретённые компании в собственные системы финансового контроля и требуют от них столь же оперативной и высококачественной информации, что и от уже существующих бизнес-единиц.

7. Они стараются по возможности «сжимать» избыток оборотного капитала.

8. Компании-покупатели стараются продавать те фирмы, которые представляют большую ценность для третьей стороны, чем для них самих, так как предполагаемый PE (price earnings ratio – отношение цены акции к чистой прибыли компании) цены продажи превышает их собственный PE.

9. Подобные организации уделяют повышенное внимание тем направлениям бизнеса в своём

портфеле, которым присуща цикличность. Они прогнозируют изменение кривой жизненного цикла различных видов деятельности и стараются вовремя продавать каждый бизнес, который, согласно их оценке, проходит конец стадии зрелости.

10. Налоговый менеджмент, находящийся в таких компаниях на достаточно высоком уровне, во многих случаях позволяет обеспечить более низкую фактическую ставку налогов, что связано с приобретением компаний.

Корпоративная стратегия расширения рынка. Данная стратегия наиболее тесно связана со стратегией портфельного планирования, предложенной Бостонской консалтинговой группой (БКГ). Основные идеи этого подхода, связанного с расширением рынка, заключаются в стремлении к увеличению доли в тех сегментах, где фирма уже работает, а затем в последовательном освоении смежных сегментов (рынков), на которых выполняются операции, близкие по своей специализации, что позволяет добиться снижения издержек за счёт использования отработанных приёмов и технологий, а также ориентации на уже известные группы потребителей.

Хотя специалисты выдвинули заключение о том, что возможности использования модели БКГ весьма ограничены, данная схема развития обладает гораздо большей ценностью, чем обычно считают. В частности, она лежит в основе корпоративной стратегии расширения рынка. Модель БКГ стала очень популярной в 1970-е годы, предложив центру роль, заключающуюся в контроле корпоративного портфеля и принятии решений относительно того, каким подразделениям передавать средства, а каких лишать. В то же время она использовалась в процессе установления приоритетов корпоративного развития в целом.

Однако ошибка при использовании данной модели заключалась

в утверждении, что продуктовый портфель должен быть сбалансирован для финансовых целей. Это выражалось в том, что центр имел возможность забирать все избыточные средства и перераспределять их между бизнес-единицами в соответствии с принципами портфельного планирования. Финансовые потоки в рамках корпорации рассматривались как замкнутая система, в которой центр контролировал все процессы движения. Портфельный анализ был задуман и использовался как инструмент в руках центра. По своей сути он представлял модель централизации управления компанией. На практике процесс централизации выражался в том, что стратегическое планирование было полностью сосредоточено в корпоративном центре. Фактически это не всегда было обосновано и вызывало возмущение со стороны представителей производственных компаний многопрофильных фирм. В дальнейшем это вылилось в негативную реакцию производственных подразделений на портфельное планирование и проводимую центром корпоративную стратегию.

Децентрализация многопрофильных компаний, включая распределение ответственности за стратегию, оказалась более эффективным способом управления. Так, например, в период азиатского кризиса южнокорейская фирма Samsung Group и её основная дочерняя компания – Samsung Electronics осуществили реорганизацию системы управления с целью повышения самостоятельности четырёх основных направлений деятельности: электроники, машиностроения, финансовых услуг и химикатов. Управленческие функции были переданы из головного офиса в подразделения, что повысило их самостоятельность и ускорило процесс принятия решений, создав корпоративную культуру, основанную на простоте, скорости и независимо-

сти. Для повышения прозрачности, самостоятельности и мотивации было устранено трансфертное ценообразование, и все подразделения стали оказывать друг другу услуги по рыночным ценам. Стратегия диверсификации компании выразилась в освоении таких сегментов, как телекоммуникационное оборудование, плоские экраны и другие цифровые устройства.

Практика показала, что в целом инициируемая центром, основанная на портфельном планировании корпоративная стратегия разрушает больший объём стоимости, чем создаёт.

Но одновременно с этим существуют два парадокса, которые заслуживают отдельного внимания.

Первый заключается в том, что некоторые принципы портфельного анализа или, по крайней мере, матрица «Рост/Доля рынка» в настоящее время актуальны и достаточно полезны. Наибольшая потенциальная ценность при использовании портфельного планирования может быть достигнута не на центральном уровне, а на уровне отдельной бизнес-единицы, отвечающей за определённое количество стратегических зон хозяйствования. Но наиболее эффективным способом разработки стратегии является сочетание портфельного планирования с анализом акционерной стоимости на уровне бизнес-единицы.

Второй парадокс связан с тем, что у большинства наиболее успешных мировых фирм корпоративная стратегия проводится центром и основывается примерно на таких же принципах. Корпоративная стратегия расширения рынка обычно подразумевает в прошлом или настоящем некие импульсы из центра, но она не обязательно требует каких-либо существенных ресурсов центрального планирования. Накопленный компаниями многолетний опыт даёт основания предполагать, что стратегия будет наиболее успешной в том случае,

если центр относительно мал по размерам или его не существует вообще. В таком варианте портфельная стратегия встроена в организационную культуру фирмы и проявляется естественным образом во всех действующих бизнес-единицах.

Можно утверждать, что корпоративная стратегия расширения рынка не исключает приобретений других компаний, но по большей части она является стратегией естественного расширения и значительно отличается от корпоративной стратегии, ориентированной на приобретения.

Корпоративная стратегия, основанная на компетентности. Достаточно часто имидж, репутация и позиции компании заключаются не в том, что она делает, а в том, каким способом она это делает. Настоящий потенциал, стимулирующий работу во всех подразделениях компании, – это корпоративная культура, накопленные знания, приёмы и технологии (её деловые способности), уровень квалификации персонала и сила его мотивации. Корпоративная культура, деловые способности и персонал организации в своём единстве приводят к успеху стратегии бизнес-единицы, а не наоборот. Таким образом, две различные реально существующие фирмы при реализации абсолютно одинаковой стратегии могут добиться различных результатов.

Результаты зарубежных исследований показали, что те компании, которые принимают особые усилия в направлении социальной ответственности, в течение 30-летнего периода превосходили своих конкурентов по индексу Доу-Джонса для акций промышленных компаний в 7,6 раза. Компании с достаточно развитой корпоративной культурой, в рамках которой клиентам и сотрудникам уделя-

лось такое же внимание, как и акционерам, фактически показали в 12 раз более высокие результаты в отношении повышения цены акций по сравнению с аналогичной выборкой компаний, не обладающих подобной корпоративной культурой.

Многие фирмы уделяют особое внимание созданию деловых способностей в ключевых сферах деятельности. Так, для автомобилестроения ключом к успеху будут являться достижения в соотношении качества и издержек производства, а для инвестиционной деятельности банков будут важны навыки в области обмена активами.

Каким бы ни являлся ключевой навык, организации, бесспорно, следует уделить ему особое внимание и сконцентрироваться на выполнении тех функций, в реализации которых компания является наиболее компетентной. Одним из «производственных секретов» первоклассного стратегического управления является превращение ноу-хау в области технологии производства и маркетинга в ключевые достоинства, существенно повышающие конкурентоспособность компании. Главным преимуществом организации всегда является что-то, что она делает особенно хорошо по сравнению с остальными конкурентами.

Важность и ценность основного преимущества для разработки стратегии связаны с тем, что оно:

усиливает способность компаний находить определённые рыночные возможности;

может обеспечить компании конкурентное преимущество на рынке;

способно стать основой стратегии.

Конкурентное преимущество легче сформировать тогда, когда компания уже располагает ключевыми навыками в сферах, акту-

альных для достижения успеха на рынке, в то время как её конкуренты не обладают такими достоинствами, а для их приобретения им необходимы, как минимум, финансовые вложения и определённый период времени. Таким образом, ключевые навыки организации и её основные достоинства конвертируются в ценный «конкурентный актив», способный стать источником успеха в системе стратегического менеджмента.

Основные деловые способности, как правило, могут быть сосредоточены по всем подразделениям многопрофильной компании, а также могут быть сконцентрированы в центре или главном офисе подразделения. Но ни один из этих аспектов корпоративной культуры или деловых способностей не может быть отнесён к уровню стратегии отдельной бизнес-единицы. Все они, так или иначе, являются предметом обсуждения на уровне корпорации.

Корпоративная стратегия контроля результатов деятельности.

В рамках данной стратегии центр улучшает финансовые результаты производственных компаний путём установления подробных финансовых целей в бюджете каждого года, контролирует менеджеров, ответственных за выполнение бюджета, мотивирует их на достижение поставленных целей, а также осуществляет строгий бюджетный контроль. Корпоративные центры компаний, реализующих стратегию контроля результатов деятельности, принимают инвестиционные решения, сопровождая их тщательной проверкой краткосрочных и среднесрочных денежных потоков.

Эта форма централизованной стратегии по своей сути может быть уникальной. Центры в данном случае способны добавить больше стоимости, чем они отнимают.

Права и свободы человека

М.Е. АПОН, кандидат исторических наук, НОИР

M. Apon, candidate of historical Sciences, NOIR

e-mail: aponme@mail.ru

Подготовка и проведение цензурной реформы 1865 года: опыт реформирования отношения общества и власти

Preparation and carrying out censorship reform 1865: the experience of reforming the relationship between society and authorities

Аннотация: Новое направление правительственной политики России середины XIX века в преддверие масштабных реформ, основанное на стремлении привлечь на свою сторону общественное мнение, неизбежно привело к отказу от политики «цензурного террора» Николая I и поставило на повестку дня разработку нового цензурного законодательства. Это было тем более актуальным, что отсутствие надлежащей законодательной базы нового цензурного режима приводило к реальным осложнениям общеполитического характера.

Abstract: A new direction of government policy of Russia in the mid-nineteenth century to the eve of large-scale reforms, based on the desire to gain the support of public opinion, inevitably led to the abandonment of the policy of "censorship of terror" of Nicholas I and was put on the agenda the development of a new censorship laws. This was all the more urgent that the lack of a proper legislative base of the new censorship regime resulted in a real complications General policy.

Ключевые слова: периодические издания, общественное мнение, цензура, цензурное законодательство, журналистика, книгопечатание, министерство народного просвещения, Главное управление по делам печати при МВД.

Key words periodicals, public opinion, censorship, censorship law, journalism, publishing, Ministry of national education, Main Department on Affairs of the press the Ministry of internal Affairs.

Некоторые историки называют крупнейшие российские реформы «революциями сверху». Однако в полном смысле слова это определение можно применить лишь к эпохе реформ Александра II, повлекшей за собой коренные формационные преобразования. «Ни до, ни после «эпохи великих реформ» никому не удавалось столь глубоко, комплексно и относительно бесконфликтно убрать старое, отжившее и ввести новое в жизнь огромной страны и, самое главное, органично вписать нововведения в при-

вычное направление исторического пути России, не совершить насилия над её тысячелетним опытом и традициями»¹.

В обстановке общественного подъёма второй половины пятидесятых годов правительство оказалось не в состоянии держать печать под контролем с помощью николаевской цензурной системы, основанной на предварительной цензуре и методах репрессий. Являясь единственно возможным средством для выражения общественного мнения в стране, где отсутствовали парламентские

учреждения, печать становилась огромной общественной силой и, явочным порядком завоевывая право на участие в обсуждении важнейших проблем, приобретала всё больший вес в обществе. Политика правительства подвергалась критике в периодических изданиях всех направлений. Оппозиционность почти всей прессы неоднократно отмечалась в отчётах цензурных учреждений и в докладах правительственных чиновников. Для того чтобы овладеть положением, правительство пыталось приспособить старую цензур-

ную систему к новым условиям, не затрагивая её основ. Но ни реорганизация прежних цензурных учреждений, ни создание новых, ни работа по пересмотру цензурного устава не дали положительных результатов².

Видя несостоятельность существующей цензурной системы и попыток приспособить её к новым условиям, правящие круги вынуждены были поставить вопрос о коренной реформе цензуры, которая должна была изменить основной принцип цензурной системы – перейти от цензуры предварительной к карательной (при которой печать отвечала бы за нарушение закона перед судом). С точки зрения прогрессивных деятелей печати, карательная цензура меньше препятствовала выражению их мнения, чем предварительная. А правительство, в свою очередь, идя на это, с одной стороны, пыталось придать своим действиям видимость либеральной политики, а с другой, рассчитывало на большую эффективность цензуры.

И всё же пришедший к власти в феврале 1855 года и обременённый Крымской кампанией и мирными переговорами годом позже, Александр II лишь эпизодически уделял внимание цензуре в течение первых двух лет своего правления. Вначале он сосредоточился на задачах освобождения крепостных и призвал землевладельцев проявить инициативу. Всё это заставило императора в январе 1858 года разрешить прессе обсуждать крестьянский вопрос и, в свою очередь, вопросы реформы в целом. По ряду направлений реформ, например, о реформах в сфере среднего образования, в печати развернулась обширная дискуссия³.

Новое направление государственной политики в преддверие

масштабных реформ, основанное на стремлении привлечь на свою сторону общественное мнение, неизбежно привело к отказу от николаевской политики «цензурного террора» и поставило на повестку дня разработку нового цензурного законодательства. Это было тем более актуальным, что отсутствие надлежащей законодательной базы нового цензурного режима приводило к реальным осложнениям общеполитического характера. С одной стороны, писатели стали более откровенными, а цензоры менее строгими, так как они чувствовали желание Александра расположить к себе прессу и приобрести поддержку своих реформ. С другой стороны, разногласия в прессе, видимо, приводили к возрастанию революционных настроений в разночинской среде. К 1861 году необходимость учреждения контроля за прессой, соответствующего новому правлению, была очевидной.

Наряду с тактическими задачами изменения цензурной политики реформирование законодательства о цензуре должно было стать важным элементом последующих масштабных реформ. Это осознавалось как в правительственных кругах, так и радикалами. Ещё накануне реформ А.И. Герцен говорил, что, на его взгляд, Россия особенно нуждается: 1) в освобождении крестьян от помещиков; 2) в освобождении податных сословий от побоев; 3) в освобождении печати от цензуры⁴.

Одним из свидетельств возросшего влияния печати в общественной жизни страны было согласие правительства на участие публицистики в обсуждении основных положений цензурного законодательства. В развернувшейся дискуссии обсуждались

вопросы об организации суда по делам печати, об ответственных лицах за совершённые «преступления», о введении денежных залогов для периодических изданий и другие. Особенное внимание уделялось основному вопросу реформы – переходу от системы предварительной цензуры к цензуре карательной. Подавляющее большинство изданий выступило с требованием свободы слова. Однако этот термин, употреблявшийся представителями различных общественно-политических лагерей, трактовался ими по-разному. Каждый хотел беспрепятственно проводить свои взгляды за счёт ущемления в правах своих противников⁵.

Александр унаследовал от Николая I монолитную систему цензуры и, вместе с ней, устав 1828 года, дополненный со времени своего вступления в силу множеством, зачастую противоречивых, директив. Его главным цензором был министр просвещения А.С. Норов, в подчинении которого находились, в порядке перечисления по иерархии, Главное управление цензуры в Санкт-Петербурге, управляющие округов образования, местные комитеты цензуры и цензоры⁶.

В начале правления Александра II А.С. Норов предсказывал, что император вскоре призовет к изменениям в области цензурной политики, и соответственно смягчит существовавшие правила⁷. В мае 1855 года органы цензуры разрешили печатать новости о войне в «Современнике» и «Отечественных записках» и позволили публикацию произведений Гоголя. В течение года сам Александр предпринял шаги по ослаблению цензурных ограничений. 6 декабря 1855 года он упразднил коми-

2 Розенберг В.А., Якушкин В.Е. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. – М., 1905. – С. 72–81.

3 Подробнее см.: Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ. 1859–1865. – СПб., 1904. – С. 2–14.

4 См.: Реформы Александра II. – М., 1998. – С. 35.

5 Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. – СПб., 1904. – С. 341–346.

6 Подробнее см.: Арсеньев К. Законодательство о печати. – СПб., 1903. – С. 5–6.

7 Лисовский Н. Периодическая печать в России, 1703–1903 гг. // Сборник статей по истории и статистике

тет Бутурлина, тесно связанный с «террором цензуры» в начале 1848 года. Кроме того, несмотря на запрет Николаем публикаций, содержащих критику правительственных дел, Александр разрешил журналам морского и военного министерств, «Морскому сборнику» и «Военному сборнику», описывать, как официальные лица злоупотребляют своим положением⁸.

Началом эпохи цензурных реформ нужно признать высочайшее повеление 12 ноября 1859 года, когда последовали первые изменения в строе цензурных постановлений. Было предписано: «1) Главное управление цензуры отделить от министерства народного просвещения и составить, под председательством того лица, которое будет избрано Его Императорским Величеством, особое официальное государственное учреждение, для исключительного и непосредственного заведования цензурой в империи и Царстве Польском; 2) Комитет по делам книгопечатания, в нынешнем его составе, слить с преобразуемым главным управлением цензуры; 3) Министру народного просвещения взять обратно внесенный им в государственный совет проект цензурного устава и передать тому лицу, которое будет назначено государем императором для председательствования в главном управлении цензуры, и на которое будет Его Величеством возложено составление подробных соображений об устройстве главного управления и о прочих предметах, до цензурного дела относящихся»⁹.

3 апреля 1859 года Министерством народного просвещения было разослано «высочайше одобренное» распоряжение. С этим распоряжением были ознакомле-

ны под расписку редакторы всех периодических изданий¹⁰. Совет министров нашёл, что правительство заинтересовано в том, чтобы в печати оглашались сведения о беспорядках и злоупотреблениях, так как оно может получить не только нужную информацию, но и может контролировать деятельность официальных учреждений, обязанных сообщать ему эти данные. Но при этом в печати должны пропагандироваться идеи о «неприкосновенности самодержавия и его аппарата» и не допускаться рассуждения о преимуществах других форм государственного устройства и рассуждения о тех общественных вопросах, которые правительство ещё не поставило и по которым не приняло окончательного решения¹¹.

Вместе с тем определённые ограничения в правила «о гласности» внёс циркуляр от 23 декабря 1859 года. Циркуляр предписывал: 1) «...статей, касающихся прав дворянства на совещания по общественным и государственным делам в дворянских собраниях, ...не допускать к печати»; 2) статьи за подписями должностных лиц «допускать к печати» после проверки, дабы убедиться, что они действительно написаны этими лицами; 3) статьи, «представляющие какое-либо сомнение или по направлению или по содержанию сочинения, отнюдь не разрешать к печати собственной властью цензора, а непременно вносить на рассмотрение комитета». В это же время министр внутренних дел должен был разослать соответствующие циркуляры и губернаторам, так как III отделение сигнализировало ему о том, что «неодобрительные» обличительные материалы и «рассуждения о пользе гласности» публикуются

в неофициальных частях губернских ведомостей (были упомянуты Иркутские, Нижегородские и Саратовские губернские ведомости). Министр, в частности, напомнил нижегородскому губернатору, бывшему декабристу А.Н. Муравьеву, что в губернских ведомостях «дозволено помещать сведения и материалы, могущие служить к изучению губернии ...которые, однако же, никак не должны иметь характера повествовательно-беллетристического, тем менее полемического»¹².

Кроме перечисленных распоряжений, следует также упомянуть о предписании Министерства от 28 февраля 1859 года, обратившего внимание на «неодобрительное направление» политических отделов некоторых московских изданий. С этого времени московские газеты и журналы должны были «заимствовать» известия из петербургских изданий. Рассматривать эти статьи следовало не одному цензору, а всему комитету¹³. Но это распоряжение не дало надлежащего эффекта.

Из других циркуляров, разосланных Министерством народного просвещения, можно назвать распоряжения от 6 июня 1858-го и от 10 июля 1859 годов, напоминавшие о необходимости все сочинения о церковных вопросах и о религии обязательно посылать на предварительное рассмотрение духовной цензуры; распоряжение от 31 декабря 1859 года, запрещавшее издателям газет и журналов отправлять своих корреспондентов по сёлам и деревням для сбора сведений о быте крестьян. Это право предоставлялось только учёным обществам, которые были обязаны каждому своему посланцу давать «надлежащие виды» и должны были ставить в известность об отъезде корреспондента

8 Арсеньев К. Законодательство о печати. – С. 6–7.

9 Цитируется по: Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ. – С. 15–16.

10 Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. – СПб., 1862. – С. 444–445.

11 Там же. С. 445.

12 Письмо от 24 февраля 1850 г. // Русский архив. – 1897. Кн. 3 (№ 9–12). – С. 294.

13 Сборник постановлений и распоряжений по цензуре... – С. 441–442.

тов Министерство внутренних дел; сами же собиратели были обязаны о своём прибытии заявлять местной полиции¹⁴.

В целом проект нового цензурного устава был составлен лишь в 1859 году, но обсуждения его в Государственном совете так и не состоялось¹⁵. В 1860-м было реорганизовано Главное управление цензуры, и в его руках был сосредоточен высший надзор за печатью и над цензурными комитетами. В ноябре 1861 года «для пересмотра цензурного устава и приготовления материалов к преобразованию цензуры вообще» создаётся новая комиссия, в которую вошли представители Министерства народного просвещения и Министерства внутренних дел. В марте 1862 года по «высочайшему» повелению при Министерстве просвещения была учреждена под председательством Д.А. Оболенского особая комиссия «для пересмотра, изменения и дополнения всех вообще постановлений по делам книгопечатания»¹⁶. Результатом деятельности этой комиссии явились Временные правила о печати от 12 мая 1862 года, которые отменяли многие постановления и распоряжения, служившие дополнением к цензурному уставу 1828 года.

Временными правилами 1862 года цензурный гнёт был несколько смягчён. Отныне можно было затрагивать в печати вопросы, связанные с недостатками в деятельности администрации и содержанием реформ, но только в книгах объёмом не менее 10 печатных листов или в журналах, стоимость годовой подписки на которые была 7 руб. и более. За «вредное направление» периодические издания могли быть приостановлены на 8 месяцев¹⁷.

В начале 1863 года – по представлению министра народного просвещения – цензура перешла из ведения Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел. В него же был передан и проект цензурного устава, составленный комиссией князя Оболенского. Как отмечал министр просвещения, «роль министра внутренних дел в цензуре яснее, определительнее и проще, а потому и сама цель достижимее»¹⁸.

После окончания Крымской войны МВД являлось самым влиятельным учреждением в сфере управления и важнейшим центром выработки внутренней политики. Министерство играло ведущую роль в подготовке и проведении в жизнь реформы 1861 года. К середине шестидесятых годов МВД осуществляло непосредственный контроль над администрацией и полицией в губерниях и уездах, неправославными вероисповеданиями, православными сектами, здравоохранением, благотворительностью, целым рядом областей экономической и общественной жизни, а теперь и над цензурой. Во второй половине XIX века МВД, по существу, было государством в государстве¹⁹.

Переход цензуры под контроль Министерства внутренних дел означал усиление её охранительной функции. Он имел и определённые объективные основания. Государство вынуждено было защищать себя от бурно развивающегося революционного движения и терроризма, получившего достаточно широкое распространение в России в этот исторический период. Субъективные устремления министра П.А. Валуева в этом совпали с потребностью охранять порядок в стране.

Комиссия, созданная теперь уже в МВД в 1863 году, в своём проекте пошла на большие уступки печати. По проекту вводились суды присяжных, концессионный порядок основания периодических изданий, типографий и книжных магазинов был заменён явочным (предусматривавшим только уведомление местного начальства), сумма денежных залогов для периодических изданий была сокращена почти вдвое. Министр внутренних дел обязан был объяснить причины наложения административных взысканий. Однако все льготы, содержащиеся во втором проекте, были аннулированы после работы П.А. Валуева над его текстом.

И всё же следует признать, что именно П.А. Валуев стал основателем нового, более сложного и гибкого подхода к созданию цензурного режима в государстве: не только через цензурное ведомство, но и через регулирование взаимоотношений с журналистикой другими средствами, объединёнными понятием «покровительство правительства», но негласного, «чтобы не уронить доверия публики к изданию, на которое тотчас может упасть обвинение в подкупности». Одной из важных сторон программы Валуева в области журналистики было регулирование диапазона её информации. Министр быстро оценил то, что журналистика несёт обществу разностороннюю информацию. В этом была одна из основных забот любого издания.

В связи с этим перед цензурным ведомством открывались новые возможности. Не обязательно было действовать только запретами. Так, период реформирования общества сопровождался обострением его внимания к

14 Там же. С. 446, 450–451.

15 Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. – С. 360–362.

16 Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ.

17 Сборник постановлений и распоряжений по цензуре... – С. 462.

18 Всеподданнейший доклад министра народного просвещения по проекту Устава о книгопечатании, читанный в Совете Министров 10 января 1863 г. – СПб, 1863. – С. 7.

19 Пивоваров Ю.С. Политическая культура пореформенной России. – М., 1994. – С. 87.

проблемам политики. Министр стремился предоставить прессе такое поле деятельности, которое отвлекало бы её от сосредоточенности на политических вопросах, а именно – проблемы общественной и хозяйственной деятельности («земско-хозяйственные учреждения, новые предприятия, банки, заводы, железные дороги и т.д.»)²⁰.

Таким образом, программа Валуева в области журналистики создавала новый цензурный режим, поддерживаемый не только цензурным ведомством, но и целым рядом своеобразных мер, регуляторов социальной информации общества. Министерство внутренних дел, встав на этот путь при Валуеве, затем продолжит и разовьёт эти его традиции.

По результатам деятельности комиссии, после исправлений, внесённых в проект по отзывам министров и других чиновников и четырёх обсуждений проекта в Государственном Совете 6 апреля 1865 года, Александр II утвердил в качестве «Временных правил» закон «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати»²¹, который закрепил существование двойственной предварительно-карательной системы цензуры. Содержание устава от 6 апреля лишь в небольших деталях отличалось от первоначального проекта 1862 года.

Именной указ дополнялся «высочайше утверждённым» мнением Государственного Совета от того же числа «О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях»²², получившим в дальнейшем также наименование Временных правил по цензуре, которые действовали с определёнными дополнениями и изменениями сорок лет.

В указе Сенату говорилось: «Желая дать отечественной печати возможные облегчения и удобства, Мы признали за благо сделать в цензурных постановлениях, при настоящем переходном положении судебной у нас части и впредь до дальнейших указаний опыта, нижеследующие перемены и дополнения:

1. Освобождаются от предварительной цензуры:

а) В обеих столицах:

1) все выходящие донныне в свет повременные издания, коих издатели сами заявят на то желание;

2) все оригинальные сочинения объёмом не менее 10-ти печатных листов и

3) все переводы, объёмом не менее 20-ти печатных листов.

б) Повсеместно:

1) все издания правительственные;

2) все издания академий, университетов и учёных обществ и установлений;

3) все издания на древних классических языках и переводы с сих языков;

4) чертежи, планы и карты».

Изъятие из обращения сочинений, освобождённых от предварительной цензуры, можно было производить только в том случае, если автор или издатель непосредственно нарушили какую-либо конкретную статью закона о печати. В этом случае обязательно должно было возбуждаться судебное дело. Периодические же издания, освобождённые от предварительной цензуры, помимо судебного преследования «в случае замеченного в них вредного направления», подлежали действию административных взысканий «по особо установленным на то правилам».

С учётом того что в России, начиная ещё с первого цензурного

устава 1804 года, повсеместно для всех изданий существовала предварительная цензура, освобождение ряда изданий от предварительной цензуры имело принципиально важное значение. Положения временных правил о печати 1865 года не распространялись на издания, выходящие вне Петербурга и Москвы, которые по-прежнему подлежали действию цензурного устава 1828 года «на существующем основании». Следует обратить внимание и на то, что действие нового закона распространялось только на светскую внутреннюю цензуру. Духовная и иностранная цензуры и после 1865 года в своих действиях руководствовались цензурным уставом 1828 года и более поздними узаконениями.

Как отмечалось выше, по новым правилам периодические издания «вредного направления» подвергаются административным взысканиям. Министр внутренних дел имел право делать три предостережения, при третьем предостережении издание приостанавливалось сроком не свыше шести месяцев, после третьего предостережения министр мог совсем прекратить издание, согласовав предварительно своё решение с первым департаментом Сената²³. Редакторы и издатели временно приостановленных периодических органов не имели прав выпускать никаких сборников «для вознаграждения» подписчиков²⁴. Закон предусматривал внесение залогов периодическими изданиями, выходящими без предварительной цензуры: 5000 руб. серебром для ежедневных газет или газет, выходящих 6 раз в неделю, и 2500 руб. серебром для всех остальных периодических изданий²⁵. Денежные залогов должны были обеспечивать уплату штрафов, накладывавших-

20 См.: Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ. – С. 268–272.

21 Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собр. 2. Т. XL, № 41988.

22 Там же. № 41990.

23 Законы о печати. – М., 1870. – С. 61–62.

24 Там же. С. 330.

25 Там же. С. 56–57.

ся по решению суда за нарушение периодическими изданиями законов о печати.

Все книги и периодические издания, напечатанные без цензуры, представлялись в цензурные комитеты и только после получения оттуда расписки «о предоставлении положенного числа экземпляров» могли выпускаться в свет. Для книг был установлен трёх-, а для периодических изданий двухдневный срок пребывания в цензурном комитете²⁶. Закон от 6 апреля, таким образом, ограждал себя от всяких «неожиданных случайностей», поскольку одна из его статей гласила: «В случаях, не терпящих отлагательства по значительности вреда, предусматриваемого от распространения того издания, в котором замечено нарушение закона, председателям цензурных комитетов предоставлено право немедленно останавливать выпуск такого издания и в то же самое время начать против виновного судебное преследование»²⁷.

Закон предоставлял очень большие полномочия министру внутренних дел. В указе Сенату прямо указывалось, что «заведование делами печати и цензуры вообще» не только сосредоточивается при Министерстве внутренних дел, но и осуществляется «под высшим наблюдением» министра внутренних дел. Именно от его усмотрения, как и прежде, зависело разрешение новых периодических изданий. При этом министру внутренних дел было предоставлено право «дозволять выпуск в свет такого издания или без цензуры, или под условием предварительно цензуры». Для основания любого периодического издания требовалось специальное разрешение министра, которое давалось на имя конкретных издателя и редактора, при строго определённой програм-

ме издания, выход за пределы которой не дозволялся. Смена редактора, а также любое изменение в периодическом издании (программы, названия, подписной цены, места издания и т.п.) требовали специального разрешения.

Министру внутренних дел было предоставлено право вынесения цензурных взысканий органам печати, которые были освобождены от предварительной цензуры. Во Временных правилах прямо указывалось, что именно ему «предоставляется право делать повременным изданиям предостережения с указанием на статьи, подавшие повод. Третье предостережение приостанавливает продолжение издания на срок, который министром внутренних дел при объявлении предостережения будет назначен, но не свыше шести месяцев». Далее указывалось, что после третьего предостережения министр может «вовсе прекратить это издание», но для этого требовалась сенатская санкция, прекращённое периодическое издание могло быть возобновлено только с особого разрешения министра внутренних дел»²⁸.

Важным следствием закона от 6 апреля 1865 года были постановления о типографиях, о книжной торговле, в том числе правила о надзоре за этими заведениями, которые предусматривали суровые наказания за напечатание и распространение сочинений с «вредными направлениями»²⁹.

По закону от 6 апреля 1865 года все дела цензуры и печати сосредоточивались в создаваемом при Министерстве внутренних дел Главном управлении по делам печати. Штаты цензурного ведомства были установлены в сентябре 1865 года и в феврале 1867-го в качестве временных были утверждены Государственным советом. В

действительности же они просуществовали без каких-либо изменений до 1873 года.

Главное правление по делам печати состояло из начальника управления, членов Совета, канцелярии, цензоров драматических сочинений и нескольких чиновников особых поручений. В ведении Главного управления находилось два комитета по внутренней цензуре (Петербургский и Московский), три комитета по иностранной цензуре (Петербургский, Рижский и Одесский), восьми отдельных цензоров по внутренней цензуре (в Риге, Ревеле, Дерпте, Митаве, Киеве, Вильне, Киеве и Ревеле). В подчинении Главного управления по делам печати имелось 8 инспекторов (5 – в Петербурге и 3 – в Москве), которые осуществляли надзор за типографиями, литографиями и наблюдали за книжной торговлей.

Главное управление по делам печати обязано было наблюдать за действиями цензурных комитетов и отдельных цензоров, как по внутренней, так и по иностранной цензуре, и рассматривать поступавшие на них жалобы; вести наблюдение за изданиями, освобождёнными от предварительной цензуры, обнаруживать нарушение ими цензурных правил, возбуждая судебные преследования против них; осуществлять надзор за открытием и деятельностью типографией, а также вести постоянное наблюдение за книжной торговлей. Кроме того, в обязанность Главного управления входило составление ежедневных «литературных обозрений», которые представлялись Александру II.

В тех губерниях, где не имелось ни цензурных комитетов, ни отдельных цензоров, цензура возлагалась на вице-губернаторов, которые рассматривали и разре-

26 Там же. С. 58–61.

27 Там же. С. 6.

28 Соответствующие распоряжения министра с 1865 по 1870 гг. см. в издании: Материалы собранные особою комиссиею высочайше учрежденной 2 ноября 1869 г. для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати в пяти томах. Ч. 2. – СПб., 1870. – С. 118–163.

29 Законы о печати. – С. 15–21, 31–43, 44–46, 47–52.

шали к печати официальную часть местных губернских ведомостей. Цензирование же неофициальной части губернских ведомостей в других местных изданиях осуществлялась особыми чиновниками, назначавшимися губернатором из числа должностных лиц местной администрации.

Несмотря на то, что в законе от 6 апреля 1865 года ничего не говорилось о предварительной ведомственной цензуре, она продолжала действовать и после 1865 года на прежних основаниях³⁰.

Особенностью законодательной базы цензурной практики в пореформенный период явилось то, что Временные правила о печати 1865 года, инициатором разработки и принятия которых являлся министр внутренних дел П.А. Валуев, не представляли собой полного цензурного устава. Главные задачи цензуры остались неизменными в том самом виде, как они были сформулированы ещё уставом 1828 года. Временные правила 1865 года лишь реорганизовали Главное управление по делам печати, установили институт последующей карательной цензуры, сохранив в ряде важных случаев цензуру предварительную, ввели систему судебного преследования по делам печати.

Как уже отмечалось, наиболее существенным изменением, внесённым в цензурное законодательство Временными правилами 1865 года, являлось разделение цензуры на предварительную и карательную. Последняя применялась по отношению к изданиям, освобождённым от предварительной цензуры. Однако само это освобождение было весьма относительно, и в действительности представляло ту же самую предварительную цензуру, но в несколько изменённом и завуалированном виде. Сам термин «карательная цензура» не

встречался в цензурном уставе: там лишь говорилось об административных взысканиях, налагаемых на издания, освобождённые от предварительной цензуры³¹. Тем не менее, этот термин вполне правомочен и получил довольно широкое распространение в периодической печати и специальной литературе.

Согласно предшествующим нормативно-правовым документам, включая и Устав 1828 года, предварительная цензура состояла в рассмотрении и разрешении или запрещении сочинения, представленного в рукописи или же корректурных листах. Рассматривавший данную книгу цензор должен был либо разрешить её к печати, либо предложить автору (издателю или переводчику) произвести в ней необходимые изменения. На решение цензурного комитета автором могла быть принесена жалоба в Главное управление по делам печати. Издания же, изъятые от предварительной цензуры, должны были доставляться в цензуру после их отпечатания, но за несколько дней до предполагаемого выпуска в свет. Цензуре предоставлялось право держать отдельные книги три дня, ежемесячные журналы – два дня, а затем или разрешить выпуск их в свет, или возбудить судебное преследование с предварительным задержанием издания до вынесения судебного приговора. Ежедневные и еженедельные газеты и журналы, освобождённые от предварительной цензуры, должны были представляться в цензурные комитеты одновременно с началом печатания тиража.

Следовательно, термины «издания, изъятые от предварительной цензуры» и «издания, подлежащие предварительной цензуре», или «предварительная цензура» и «карательная цензура» не являлись юридически точными и не отвеча-

ли по существу своему названию.

Так называемая «карательная цензура» в значительной мере являлась той же предварительной цензурой, так как ей подлежали книги и журналы, хотя и после их напечатания, но до выхода в свет. Как отмечает В. Гольцев, «прежде сочинения просматривались цензурой в рукописи, после закона 6 апреля 1865 г. многие из них стали просматриваться уже в отпечатанном виде»³². Различие между предварительной и карательной цензурой в пореформенной России заключалось в том, что при первой цензор имел право предложить автору изменить те или иные места в рукописи, а при второй, т.е. по отношению к сочинениям, изъятым от предварительной цензуры, цензурная мера (разрешение издания или его запрещение) была возможна лишь на основании всей книги. При этом в первом случае право запрещения принадлежало исключительно цензурным комитетам, а во втором – суду, действовавшему на основании закона и допускавшему защиту.

В цензурном законодательстве после принятия Временных правил обнаружилась несогласованности, пробелы и противоречия. Так, кара, налагавшаяся на периодическое издание, подлежавшее предварительной цензуре, была строже, нежели кара, которой подвергалось издание, освобождённое от предварительной цензуры. Если в первом случае взыскания могли налагаться без объяснения мотивов, то при вынесении взыскания изданию, изъятому от предварительной цензуры, оно должно было быть обязательно мотивировано. Это несоответствие объяснялось тем, что по отношению к изданиям, освобождённым от предварительной цензуры, действовали положения Временных правил о печати 1865 года, в то

30 Словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 74. Статья «Цензура».

31 См.: Законы о печати. – С. 39.

32 В. Гольцев. Суд и печать // Юридический вестник. – 1891. № 11. – С. 318.

время как на издания, подлежащие предварительной цензуре, распространялись нормы ранее изданных законодательных актов о печати, начиная от цензурного устава 1828 года и кончая Временными правилами 1862 года. Сам закон от 6 апреля 1865 года являлся не более как дополнением к цензурному уставу 1828 года и более позднему законодательству по делам печати. И после 1865 года российская печать стала не намного свободнее: она по-прежнему зависела не столько от действовавшего законодательства, сколько от «смотрения» цензурных органов и произвола администрации. «Горе русской печати, её главный недуг и вместе с тем самое тяжёлое условие её существования, – писал В. Розенберг, – заключается в том, что она, по выражению поэта, может быть «верна истине» разве только “задним числом”»³³.

При разработке цензурного законодательства 1865 года правительство России (как и ряда других государств, в первую очередь Германии и Австрии) ориентировалось, прежде всего, на пример законодательства о цензуре Франции³⁴. Поэтому представляется целесообразным кратко рассмотреть историю последнего и сравнить его с российским законодательством.

Сложившаяся во Франции в течение XVI столетия цензура была отменена постановлением Конвента в 1791 году. В годы после термидорианского переворота шёл процесс её постепенной реставрации. В 1810 году администрация получила право цензуровать предварительно, в рукописи или корректуре, все выходящие в свет книги.

Администрация также получила право изменения или исключения всех негодных мест в рукописи. В 1814 году цензура была уничтожена. Но в ходе второй реставрации французской монархии предварительная цензура восстанавливается для периодической печати и книг объёмом менее 20 п.л. После революции 1830 года предварительная цензура отменяется и вводится последовательная цензура, основанная на практике судебных преследований³⁵.

Усиление цензурной политики во Франции связано с приходом к власти бонапартистов, особенно в первый период реставрации империи. Наполеон III уделял очень большое личное внимание вопросам взаимодействия с прессой, прекрасно отдавая отчёт в силе печатного слова и в его способности формирования общественного мнения³⁶. Результатом развития законодательной базы цензуры стал так называемый Органический Декрет о печати 17 февраля 1852 года.

Историко-правовому анализу этого документа с учётом его значения для развития российского законодательства уделяется много внимания в книге А.А. Раевского³⁷. Подчёркивается, что этот Декрет был прямым продолжением конституции 1852 года и обеспечивал реализацию принципа личной власти Наполеона III³⁸. Декрет ставил периодические издания в прямую зависимость от произвола администрации. Особенно большие полномочия, как в последующем и в России, были предоставлены министру внутренних дел. Прежде всего ни одно периодическое издание по

вопросам политики и экономики не могло учреждаться и публиковаться без разрешения министра. Более того, при каждом изменении в персонале издателей, главных редакторов, собственников или администраторов следовало получить повторное разрешение на издание. Таким образом в руках правительства оказывался достаточно действенный инструмент влияния на состав редакций. Министру было дано право следить за периодической печатью и делать изданиям официальные предостережения. Третье предостережение, по закону, влекло временное закрытие издания. Император мог закрывать издание бессрочно. Кроме того, вводилась гибкая система залогов, которые были достаточно значительны по объёму.

Дальнейшая история цензуры эпохи Наполеона III – это история постепенного смягчения жёсткого цензурного режима образца 1852 года. То есть во Франции происходил отход от цензурного законодательства, основанного на Органическом Декрете, как раз в то время, когда на его основе разрабатывалось российское законодательство. Хотя последнее, как нам представляется, в итоге получилось более либеральным, чем законодательство Наполеона III. 11 мая 1868 года во Франции был принят новый Закон о печати. Согласно этому закону, государственная администрация отказывалась от прямого контроля за прессой, передавая её суду. Но сами судебные репрессии были достаточно строгими, а также сохранялась система крупных денежных залогов³⁹.

33 Розенберг В.А., Якушкин В.Е. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. – М., 1905. – С. 68.

34 О влиянии французского законодательства на разработку нормативно-правовой базы русской цензуры в шестидесятые годы XIX столетия см.: Материалы собранные особою комиссиею высочайше учрежденной 2 ноября 1869 г. для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати в пяти томах. Ч. 1. – С. 79–81. См. также: Раевский А.А. Законодательство Наполеона III о печати. – Томск, 1903. С. II. Ср.: Проект устава о книгопечатании. – СПб., 1862.

35 Подробнее см.: Словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 74. Статья «Цензура».

36 Сравнение с положением дел в России в вопросе об общественном мнении и о подходах к его регулированию со стороны государственной власти см. в статье современника: Гиероглифов А. Об отношении правительства к литературе в России и в других европейских государствах // Русский мир. – 1862. № 20.

37 Раевский А.А. Законодательство Наполеона III о печати. – С. 142–165.

38 Там же. С. 145.

39 Об этом законе см.: Раевский А.А. Законодательство Наполеона III о печати. – С. 230–251; Арсеньев К. Новый закон о печати во Франции // Вестник Европы. – СПб., 1868. Т. II. – С. 901–931.

Обновление французского законодательства оказало своё воздействие на развитие цензурного законодательства в России, что отчётливо видно хотя бы по работе комиссии Урусова⁴⁰. Но, как нам представляется, значение иностранного опыта для российского законодательства не стоит преувеличивать. Во второй половине XIX века законодатель в России, по крайней мере, в рамках изучаемого нами вопроса, опирался, прежде всего, на отечественные традиции, учитывал характер накопившихся проблем, особенности отношения прессы и власти в России, степень развития общественного мнения и особенности правовой культуры населения нашей страны, разработки отечественных юристов.

На протяжении всего последующего после 1865 года времени российское правительство предпринимало целый ряд мер как законодательного порядка (в виде «высочайше» утверждённых мнений Государственного совета и постановлений Комитета министров), так и чисто административных, которые были направлены на расширение прав цензуры, в ущерб правам печати и литературы.

Законом от 6 апреля 1865 года завершился десятилетний период поиска оптимальных для своего времени направлений политики власти в области печати. В итоге за печатью был установлен тройной контроль: со стороны правительства, министерства просвещения и полиции⁴¹. В принципах цензурного режима 1865 года нашло отражение стремление правительства отойти от старой системы цензурно-предупредительных мер воздействия, на которых был построен устав 1828 года, и «дать практическое осуществление новому правовому началу свободы печатного слова с установлением ответственности за преступления печати только по суду»⁴². Среди российских реформ шестидесятых годов XIX века цензурная реформа несомненно являлась одной из самых трудных и сложных, поскольку перемены здесь касались тонкой сферы общественной мысли, идейных убеждений и литературного творчества, была заложена правовая база для развития и функционирования отечественной периодики, и, начиная с этого момента, как показывает история цензуры и цензурного законодательства в России, социально-экономические

реформы получили духовно-идеологическое обеспечение со стороны прессы. Разумеется, традиции автократизма и подданнической политической культуры в немалой степени повлияли на незавершённость и ограниченность цензурной реформы 1860-х годов. Но до настоящих дней многие положения Закона от 6 апреля 1865 года не утратили актуальности, ряд из них был использован при разработке законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации в 1990-х годах.

Реформа увенчалась смешанной системой цензуры, поскольку предварительный надзор сохранялся за всей провинциальной периодикой, иллюстрированными изданиями, а правовое регулирование сочеталось с административным. Разумеется, по меркам государств с развитыми и устоявшимися демократическими основами Закон от 6 апреля мог показаться довольно скромным. Но если вспомнить, как сильны были традиции «цензурного террора» в начале царствования Александра II, то нельзя не признать этот закон действительно крупной реформаторской акцией в сфере отношений власти и прессы.

40 Материалы собранные особою комиссиею высочайше учрежденной 2 ноября 1869 г. для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати в пяти томах. Ч. 1. – С. 79–81; Журналы особою комиссиею высочайше учрежденной 2 ноября 1869 г. для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати в пяти томах. № 28–54. – СПб., 1871. – С. 89.

41 См.: Вестник права. 1905. № 7.

42 РГИА ф. Министерства народного просвещения, ф. 740, оп. 43, г. 1913, д. 13, л. 2-об.

Наследие столетий

С.П. БЕЛЬЧИКОВ, аспирант Юридического института (Санкт-Петербург)

S. Belchikov, post-graduate student of the Law Institute (St. Petersburg)

Эволюция представлений о сущности уголовного наказания в русском обществе XVIII – XIX веков

The evolution of ideas about the nature of the criminal punishment in Russian society in the XVIII - XIX centuries

Аннотация: Автор исследует тенденции развития системы наказания в России и приходит к выводу, что: "с конца XVIII века и особенно во второй половине XIX века шёл постепенный процесс гуманизации системы наказания. Не в последнюю очередь это было связано с теоретико-правовым осмыслением данного вопроса, как под влиянием Западной Европы, так и на основе теоретической интерпретации национальных правовых традиций".

Abstract: The Author examines trends in the development of the penal system in Russia and come to the conclusion that: "from the end of XVIII century and especially in the second half of the XIX century there was a gradual process of humanization of the penal system. Last but not least it was connected with theoretical and legal understanding of this issue, as under the influence of Western Europe, and on the basis of the theoretical interpretation of national legal traditions."

Ключевые слова: преступление, уголовное наказание, закон, личность, социальные конфликты, сословия, телесные наказания, помилование, смертная казнь, суд.

Key words: crime, criminal punishment, the law, personality, social conflicts, bar, corporal punishment, pardon, the death penalty, the court.

Проблема наказания традиционно относилась к числу важных и значимых тем наук об обществе. Сегодня её чаще всего изучают в рамках других юридических наук. Поэтому актуальной остаётся задача возвращения темы наказания в круг теоретико-правовых вопросов. Слова Гегеля о том, что «теория наказания есть одна из тех частей положительной науки о праве, которая хуже всех других была разработана в новейшее время, потому что в этой теории недостаточно применения рассудка, а существенно необходимо понятие»¹, остаются актуальными и по сей день.

Поскольку человеку свойственно не только соблюдать, но

и нарушать правовые нормы, делая это вольно или невольно, с умыслом или нет, то необходима система мер, оберегающих личность и общество от нарушителей закона и восстанавливающих справедливость и законность. В обществе, основанном на началах права, наказание преступника, каким бы суровым оно ни было, отнюдь не является злом. Напротив, оно есть преодоление, отрицание того зла, которое несёт в себе преступление. Наказание есть право преступника. В правовом государстве наказание преследует две цели: защиту правопорядка и воспитание граждан в духе уважения к праву. На реализацию этих целей ориентированы репрессивно-карательные и предупредительно-

воспитательные функции наказания. В историческом развитии уголовного права роль каждой из этих функций была различна.

Анализ русского средневекового законодательства опровергает существующий в научной литературе тезис о господстве в нём принципа устрашения. На самом деле во всех видах уголовных кар государство исходило из целесообразности их применения в соответствии со стремлением добиться изменения духовного облика преступника. Одним из последствий умеренно-репрессивной уголовной политики московских царей явилось сохранение в обществе большого количества преступных элементов (в Европе они безжалостно истреблялись), которые

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.-Л., 1934. – С. 116.

серьёзно влияли на остроту социальных конфликтов, особенно в XVII столетии.

Кроме вышперечисленных обстоятельств, на практику уголовных наказаний в средневековой Руси оказывали влияние сложившиеся в XIII–XV веках традиции борьбы с монголо-татарским игом. Осознание необходимости его свержения всем обществом в известной степени сглаживало остроту социальных конфликтов, что не могло не учитывать правительство.

Тюремное заключение уже в XVI веке приобрело черты срочности. Законодатель понимал, что длительные сроки лишения свободы не могут быть средством изменения нравственного облика наказуемого. В XVII веке законодательство шло на пути установления кратких сроков заключения для преступников не профессионалов. Что касается профессиональных преступников, то для них срочность не имела никакого «исправительного» значения. Развитие абсолютизма в последующий период, однако, помешало дальнейшему укреплению целесообразных принципов применения лишения свободы.²

Что касается практики применения телесных наказаний, то, в отличие от европейского права, на Руси не получили развития изуверские членовредительные акции во многом потому, что государство нуждалось в трудоспособной личности. В русском праве первостепенное значение имели болевые наказания, главным образом кнут. С помощью такого рода наказаний власть стремилась воспитать у подданных законопослушание и безусловное подчинение собственной политике, не всегда пользовавшейся действительной популярностью.

Стремление сохранить людские ресурсы обусловило весьма

осторожный подход государства к применению смертной казни. В политике её ограничения также сказались влияние бытовых народных воззрений, которое проявлялось наиболее наглядно в соблюдении православной обрядности при реализации приговоров и в ограничении изуверских методов лишения жизни. Увеличение количества смертных приговоров во второй четверти XVI века явилось реакцией государства на формирование профессиональной преступности, которую законодатель строго отделял от преступности непрофессиональной. Преступления «лихих» людей в виде разбоев, грабежей и убийств в основном стали караться смертью, тогда как к остальным правонарушителям применялись штрафы, телесные наказания и тюрьма. Увеличение количества казней и пыток к середине XVI века не привело, однако, к кардинальной ломке карательной доктрины. Решающую роль в её деформации в период опричнины сыграли субъективные элементы в политике Ивана Грозного.

Террор Ивана IV привёл к падению в обществе нравственности и морали, к разложению традиционных основ правосознания. Права подданных свелись к минимуму. Развал был столь глубоким, что попытки ограничения карательных действий, предпринятые в конце XVI века, не привели к желаемым результатам. Но и они были прерваны Смутой начала XVII столетия, поставившей страну на грань катастрофы.

В XVII веке репрессивные тенденции в уголовном праве продолжали нарастать. Последняя попытка сохранить элементы традиционной карательной доктрины была сделана в Уложении 1649 года. В середине XVII столетия вместе с церковным расколом, знаменовавшим кризис традиционной идеологии и правосознания, сме-

щение политики к превентивным карательным акциям и массовому террору, ещё более усилилось.³ Окончательный удар по традиционным представлениям был нанесён в царствование Петра I.

В основном, согласно имевшимся представлениям, цель наказания до XIX века состояла в мести, возмещении материального ущерба пострадавшему и в извлечении материальных выгод государством. Потому в XV–XVII веках среди разных видов наказаний перевес взяли телесные наказания и смертная казнь. Неисправимые преступники приговаривались к смерти, исправимые – к телесным наказаниям и заключались в тюрьму. За незначительные служебные преступления применялось отращивание от должности. Большая часть смертных приговоров не приводилась в исполнение в силу древнего обычая «печалования» – права православного духовенства ходатайствовать о помиловании. Освобождённый от смерти заключался пожизненно в монастырь. Наказания отчасти сохранили прежние функции, но главной их целью стало устрашение ради предотвращения преступлений, поэтому они приняли весьма жёсткий характер.

Петровское законодательство ещё более ужесточило наказания, и на первое место поставило смертную казнь: в «Воинских артикулах» 1715 года она предусматривалась в 200 случаях против 60 в Соборном уложении 1649 года. На втором месте стояли телесные наказания, набор которых увеличился. К старым наказаниям были добавлены каторжные работы и лишение прав; получили распространение децимации, когда наказывался каждый десятый, и наказания лиц, не причастных к преступлению, но находившихся в родственных отношениях с правонарушителем, чаще всего жён и де-

2 Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – СПб., Киев, 1915. – С. 112.

3 Пионтковский А.А. Смертная казнь в Европе. – Казань, 1908. – С. 68–69.

тей. Наказания за имущественные преступления были поставлены в зависимость от величины ущерба: за малую кражу полагались различные наказания, а за крупную – смертная казнь.

Цели наказаний оставались прежними – устрашение, возмездие, изоляция преступника и извлечение материальных выгод. Осуждённые стали приговариваться к принудительному труду на заводах, фабриках, в рудниках, на строительных работах, в качестве гребцов на галерах в невиданных прежде размерах. Расчётливый император стремился извлечь максимальную пользу из заключённых. В истории русского права петровское царствование являло высшую ступень карательной строгости, которая, в отличие от предыдущей эпохи, направлялась часто не только против воров, поджигателей, разбойников и т.п., но и против мирных обывателей, твёрдо стоявших за право, но за такое право, как оно понималось раньше. Никогда после, вплоть до 1917 года, репрессивный аппарат государства не развивал такой активности против законопослушных граждан только за то, что вводимые социальные новации им в принципе не нравились. Вот пример, иллюстрирующий эту мысль. Чиновник («подьячий») Докукин вписал в текст присяги новому порядку престолонаследия, установленному Петром I в 1724 году, следующее: «За неповинное отлучение и изгнание со всероссийского престола цесаревича Алексея Петровича не клянусь и не подписуюсь, хотя за то царский гнев на меня произлиется; по воле Его (Господа моего Иисуса Христа) за истину Илларион Докукин страдать готов». Докукин действительно был колесован.⁴

Вместе с тем необходимо заметить, что если бы наказания, назначаемые по закону, точно исполнялись, то к концу петровского

царствования в России не осталось бы ни чиновников, ни мирных обывателей, потому что смертная казнь грозила за большинство преступлений. Как и в XVII веке, угроза смерти чаще всего была мнимой угрозой, исполнение которой не предполагалось и самим законодателем в момент издания закона. Она сделалась одной из гиперболических формул, которые стали характерной чертой юридического языка того времени. Жаловавшиеся на побои обязательно писали, что их «били смертным боем до смерти многожды», просившие каких-либо налоговых льгот непременно указывали, что без их получения они все умрут с голоду, и т.п. Подобным образом и законодатель грозил всякому ослушнику смертной казнью, не предполагая, что эта угроза будет исполнена. Всеобщая угроза смертной казнью отражала, с одной стороны, господство в петровское царствование неопределённой санкции, с другой – имела целью устрашить несогласных с проводимыми реформами.

Смягчение наказаний наступило при Елизавете Петровне, которая в день дворцового переворота дала обет, что в случае успеха отменит смертную казнь. И она сдержала своё слово. Переворот не сопровождался казнями, как это бывало прежде. Свергнутых правителей даже не пытали, а только отправили в ссылку. Несмотря на то что действовавшие до Елизаветы законы не отменялись, смертная казнь фактически не применялась: преступники приговаривались к смертной казни, а затем приходило помилование и казнь заменялась другим наказанием. В 1753–1754 годах специальными указами натуральная смертная казнь была заменена политической казнью – лишением всех прав состояния, телесным наказанием и ссылкой на каторжные работы, что дало толчок развитию ссылки в Сибирь.

Политика смягчения наказаний продолжалась при Екатерине II, при которой смертная казнь применялась только к государственным преступникам. Во всех таких немногочисленных прецедентах, как, например, в случае с Е. Пугачевым, дела рассматривались в Верховном уголовном суде, особо учреждённом Высочайшими манифестами, и преступники приговаривались к смерти на основании Соборного уложения 1649 года и «Воинских артикулов» 1715-го Петра I. Однако других принципиальных изменений в системе наказаний во второй половине XVIII века не последовало, а сохранение страшных телесных наказаний, иногда приводивших к засечению насмерть, делало и саму отмену смертной казни до некоторой степени фиктивной. Князь М.М. Щербатов, имея в виду эпоху Елизаветы и Екатерины II, говорил, что у нас отменён лёгкий вид смертной казни, состоящий в повешении или обезглавливании, а самый тяжкий – засечение – оставлен.

Однако, несмотря на сохранение в законе прежних суровых наказаний, массовое запугивание населения прекратилось; многие деяния, считавшиеся прежде преступлениями против нравственности, религии, порядка управления или государства, стали рассматриваться просто как полицейские деликты, а некоторые (вроде ношения бороды или старорусской одежды) вообще не принимались во внимание. Приговоры стали мягче, чем прежде, и более соответствовали тяжести вины.

Всё это происходило постепенно, благодаря в значительной мере либеральному настроению императрицы, чётко выраженному в её «Наказе». Следуя за западными мыслителями того времени, Екатерина II отрицала взгляд на наказание как на возмездие и развивала мысль, что главная цель наказания

состоит в ограждении людей от преступлений и в уменьшении их общественного вреда. Она рекомендовала, чтобы суд назначал наказание, соответствующее тяжести преступления, дифференцировал наказания в зависимости от степени участия в преступлении. Императрица провозгласила ответственность во всех случаях только за совершённое преступление, а не за намерение, за исключением устного и письменного слова, направленного против особы государя. Она полагала, что важными предпосылками совершения преступления являлись отсутствие просвещения и неблагоприятные общественные условия, что не только сам человек, но и общество ответственно за преступления. Поэтому наказания должны быть мягче и иметь исправительную цель.

Со времени Екатерины II обнаружилась другая важная тенденция: наказания, направленные против жизни, здоровья и имущества правонарушителей, постепенно уступали место наказаниям, ограничивавшим свободу преступников, тюремному заключению, ссылке и каторге. Новые тенденции получили своё дальнейшее развития в XIX веке.

При Екатерине II, в 1775 году, в качестве общей нормы в уголовное законодательство вошло понятие давности как обстоятельство, освобождающее от наказания. До этого времени в законодательстве встречались лишь отрывочные и весьма неопределённые постановления о погашении давностью некоторых немногих преступлений. По новому закону через 10 лет после совершения любого преступления, если оно не сделалось гласным, правонарушитель освобождался от ответственности. Иск об обиде словом погашался по прошествии года, а об обиде действием – через два года.

Установленная в 1775 году норма давности действовала для всех преступлений, но постепенно для некоторых из них стали делаться изъятия: в 1829 году – для дезертирства, в 1842-м – для отступления от православия. Уложение о наказаниях 1845 года отменило давность для государственных преступлений и умышленного убийства отца и матери и ввело особую давность для каждого отдельного преступления. По Уголовному уложению 1903 года (ст. 68) давность не применялась в двух случаях – при совершении преступлений, направленных против императора, и при переходе из православия в другую веру. Сроки давности находились в зависимости от преступления и колебались от 15 лет за преступления, караемые смертной казнью, до одного года – за проступки.

Особенность подхода к проблеме наказаний в исследуемый период, вплоть до Свода законов 1832 года, состояла в том, что они не образовывали системы. В Своде законов 1832 года (ст. 16) была сделана первая попытка систематизации наказаний, которые были подразделены в зависимости от тяжести на 10 родов: 1) смертная казнь, 2) политическая казнь, 3) лишение прав состояния, 4) телесное наказание, 5) принудительные работы, 6) ссылка, 7) отдача в солдаты, 8) лишение свободы, или тюремное заключение, 9) денежные взыскания, 10) церковное наказание. В Уложении о наказаниях 1845 года была создана лестница наказаний, включавшая 11 родов наказаний – 4 уголовных и 7 исправительных.⁵

В основе деления на уголовные и исправительные наказания лежала идея, что первые удаляют преступника из общества навсегда, а вторые – временно, на срок наказания, после отбытия которого осуждённый возвращался в обще-

ство. Каждый род уголовного наказания предусматривал лишение всех прав состояния, т.е. полное поражение прав политических, гражданских, семейных и имущественных, лишение чина, чести, доброго имени, знаков отличия с отображением всех грамот и аттестатов. Это дополнялось для первого рода наказания смертной казнью, для второго рода – ссылкой в каторжные работы на срок от 4 до 20 лет или бессрочно, для третьего и четвёртого родов – соответственно ссылкой в Сибирь или на Кавказ. Лица непривилегированных сословий дополнительно публично наказывались плетями.

Каждый отдельный род уголовного и исправительного наказания делился на степени, которых в совокупности насчитывалось 38. Например, ссылка на каторжные работы подразделялась на 7 степеней по продолжительности срока и тяжести работы; ссылка в Сибирь – на 5 степеней в зависимости от места ссылки и её продолжительности; выговоры в присутствии суда делились на строгие, более строгие и строжайшие (Уложение о наказаниях 1845 года, гл. 2). Наказания зависели от сословия: дворяне, священники, купцы первой и второй гильдий были освобождены от телесного наказания, а заключение в тюрьме для них заменялось ссылкой.⁶

По Своду законов 1832 года смертная казнь могла назначаться за государственные, воинские и так называемые карантинные преступления (за мародёрство и некоторые другие преступления во время эпидемии чумы, холеры и т.п.). По Уложению о наказаниях 1845 года была отменена смертная казнь за воинские преступления. Но, с другой стороны, закон позволял передавать дела о некоторых из ряда вон выходящих преступлениях – жестокие убийства, поджоги, повлекшие огромные жертвы и

5 См.: Таганцев Н.С. Лекции по уголовному праву. Часть Общая. Вып. 4. – СПб., 1892. – С. 34–38.

6 Там же.

ущерб, – на рассмотрение военного суда, который, применяя законы военного времени, мог приговорить к смертной казни. Несмотря на это, применение смертной казни по-прежнему носило ограниченный характер. Лишь в самом конце XIX века, после покушений террористов на императора, и в

особенности с 1881 года, когда после убийства Александра II был принят закон о чрезвычайной и усиленной охране, стала широко практиковаться передача тяжких уголовных дел на рассмотрение военных судов.

Таким образом, с конца XVIII века и особенно во второй поло-

вине XIX века шёл постепенный процесс гуманизации системы наказания. Не в последнюю очередь это было связано с теоретико-правовым осмыслением данного вопроса, как под влиянием Западной Европы, так и на основе теоретической интерпретации национальных правовых традиций.

Прошлое в настоящем

Д.Н. СОЛОВЬЁВ, кандидат военных наук, г. Санкт-Петербург

А.В. КАЗАКОВ, кандидат исторических наук, НОИР

D. Soloviev, candidate of military Sciences, St. Petersburg

A. Kazakov, candidate of historical Sciences, NOIR

Система управления казачеством

Аннотация: Проблемы объективной и всесторонней характеристики законодательно оформленных прав и обязанностей казаков, их соотношения, значимость для казачества и для государства, влияние на общее политическое и социально-экономическое положение казачества и, естественно, на происходившие в его среде процессы позволяют оценить систему управления казачеством, которое использовалось в России как мобилизационный ресурс.

Abstract: The issue of objective and comprehensive description of legal rights and duties of Cossacks, their relations, the significance of the Cossacks and the state, impact on the General political and socio-economic situation of the Cossacks and, of course, taking place in its environment processes allow to evaluate management system Cossacks, which was used in Russia as resource mobilization.

Ключевые слова: казаки, бояре, атаман, казачье управление, государственные интересы, жалованье, сход, старейшины, самоуправление, единоначалие, войсковой атаман.

Keywords: Cossacks, boyars, ataman Cossack management, the public interest, the salary, the gathering of the elders, the government, the monarchy, the army ataman.

Служилыми казаками становились свободные люди и вольные казаки, называвшие себя по рекам и местам, где они жили и промышляли. С 1444 г. известны рязанские казаки. Русские летописи указывают на существование в 1468 г. казаков в Москве. К первой половине XVI в. относятся сведения о путивльских и белгородских «станичниках», которых также называли северскими казаками или «севрюками». В документах второй половины XVI в. сообщалось о донецких, волгских, оскольских, заднепровских и многих других казаках. На государеву службу казаки приходили в основном большими группами, имея выборного атамана.

Если правительство поселяло атаманов и казаков в городах, они назывались городовыми и носили наименование города. Если казаки размещались в городах и пригородах «на белых местах» (свободных от податей и повинностей), то они назывались ещё и беломестными. Если местные власти направляли

атаманов и казаков на жительство в пригородную или сельскую местность, то они назывались «слободскими» (в Самарском крае – юртовыми). Все слободы были освобождены от уплаты налогов.

В отличие от детей боярских, земля давалась всей группе принятых на службу казаков и закреплялась одной грамотой на всех. При этом земельный надел каждого казака определялся заранее местными властями. Пользоваться землёй казак мог только на период службы в этой местности, перевод в другое место означал и потерю прежнего надела. В южных уездах России сложилась небольшая группа поместных казаков – служилых людей, которые смогли получить землю лично, по типу детей боярских. В дальнейшем они слились с детьми боярскими.

В худшем положении находились просто «казаки» (в документах встречается термин «кормовые казаки»), которые набирались по одиночке, из вольных людей, атаманов у них не было. Этими каза-

ками командовал «казачий голова», специально назначаемый из детей боярских.

Саму историю становления системы управления казачеством необходимо вести от образования Войска Донского в конце XVI в., когда оно уже представляло собой военно-политическое объединение. Процесс объединения разрозненных отрядов в единое Войско Донское не был единомоментным и однонаправленным. В этой сфере сталкивались интересы рядовых казаков и их непосредственных атаманов, русского правительства во главе с царём Михаилом Фёдоровичем, а также воинствующих соседей. После ряда неудачных попыток установить полное царское правление на Дону правительство предоставило рычаги правления, а, точнее, самоуправления в руки самих казаков.

Главным органом управления был казачий круг. Здесь – на круге решались все вопросы. Сохранилось много описаний казачьих кругов в разных казачьих областях

и войсках, а также в войске запорожском, где круг имел общеславянское название – коло (кола).

Каждый казак, участник круга, имел голос. Тут принимались решения о боевых походах, подводились итоги вылазок, делились и добыча и трофеи, выбирались и снимались с должности атаманы, наказывались нагайкой нерадивые казаки, закреплялось шефство над семьёй погибшего казака, принималась в казачество и молодая казачья поросль, избирался казачий суд чести. Особой привилегией на круге пользовались старые казаки, которые составляли совет стариков. За стариками было последнее слово. Выборность снизу вверх, подчинение меньшинства большинству, формирование своего бюджета (казачьей казны), контроль за использованием денег из казны, строгая иерархия, воинская дисциплина – вот основные формы управления общиной.

Самобытное казачье управление, основанное на демократических началах, представляется своего рода феноменом. Подобных форм организации жизни в то время в России не было. Именно сейчас, когда в России очередной раз строится здание государственности, богатые традиции управления у казаков и их опыт взаимоотношений с Москвой, т.е. царём Руси, могли бы оказать большую помощь в вопросах регионального управления, управления различными военизированными формированиями и т.п.

Одной из форм казачьей общественной жизни был сход. При большом сходстве с казачьим кругом он имел значительные принципиальные отличия. Сбор на сход осуществлялся тем же порядком, что и на круг, но на него, как правило, приглашались все жители станицы, в том числе иногородние, и женщины. Принципиальным отличием схода от круга было то, что на нём не проводилось голосование, не решались основополагающие вопросы, а ставились пробле-

мы, влияющие на жизнь общины. Если круг был организацией, выполняющей политическую долгосрочную программу, выполнял функции законодательного собрания, то сход был общественной исполнительской организацией. Соответственно менялся и порядок проведения схода. По характеру и задачам огромное многообразие сходов можно свести к двум разновидностям: очередной, на котором зачитывались приказы и предложения атамана; и чрезвычайный, посвящённый событиям неожиданным, например, оглашению приказа атамана о борьбе с эпидемиями или о посылке сменных казаков на службу и т.п.

В этом случае сход проводился дежурным есаульцем, при атаманском правлении и под председательством атамана и его заместителя. На сходе отсутствовали совет стариков и священник. Зачитанные писарем приказы и данные атаманом разъяснения не обсуждались, а принимались к сведению и немедленному неукоснительному исполнению.

Особым сходом (особливым) были собрания, на которых разбирались тяжбы (не входящие в компетенцию мирового судьи, или, по мнению казаков, такие, которые при государственном разбирательстве были бы решены неправильно и бросили бы тень на казачество). Как правило, это были проступки и тяжбы не уголовного характера, но которые атаман не считал себя вправе разбирать единолично. Когда, по мнению стариков и общественному мнению, само публичное разбирательство, как и наказание, должно было укрепить нравственность казачьего общества, напомнить им о святых казачьих устоях.

На таком сходе знамя не выносилось, хотя совет стариков и священник сохранялись. После молитвы писарь оглашал жалобу, затем есаулец вызывал либо судящихся (истца и ответчика), либо жалобщика. После выслушивания

обеих сторон и заключения атамана (например, атаман сообщал, что в некоей семье снохе-жалмерке живётся худо, тиранит свекровь, пристаёт свекор и т.д., или сын «избаловался», отца не слушает, равно как не слушает стариков, атамана, не ходит к исповеди): «Я оставляю это дело на ваш суд, господа честное казачество». После этих слов атаман снимал шапку и уходил со схода как сторона оскорблённая (в этом случае наказание провинившегося устраивалось) или переходил в ряды казаков.

Разбирательством, а чаще всего обвинением провинившегося начинали заниматься старики, судя его «по обычаю», т.е. по прецеденту. До вынесения приговора ответчик мог заявить, что старики к нему несправедливы, и он просит судить его «по совести». В случае если провинившийся оскорблял не казака, то точно так же проводились выборы в иногородней общине. Число судей обязательно должно было быть нечётным, причём, если шла тяжба между казаками и не казаками, нечётным судьёю приглашался житель другой общины, часто незнакомый в этой станице ни с кем, или священник.

Приговор судей мог быть смягчён по просьбе стариков или по просьбе священника, но никогда не отменялся и приводился в исполнение немедленно. В момент оглашения приговора провинившийся, скажем, «грубый сын», стоял с непокрытой головой, без ремня, а два пристава, назначенные есаульцем, крепко держали его за руки. Самым страшным наказанием было не физическое, выпоротый на сходе казак отчасти даже гордился, но если, например, был порот за слабость по женской части или за приверженность к питью, то не мог более рассчитывать ни на хорошую невесту, ни на приглашение в трудовую артельную охоту, ловлю. Равно как и при дележе участков на паи получал самые плохие земли. Но самым страшным было признание того,

что суд видит преступление таким тяжким, что не может найти виновнику наказание.

В этом случае старейшина подходил к провинившемуся, плевал ему под ноги, что означало: преступник оскверняет землю, по которой ходит, и надевал ему на шею ремень. С этой минуты преступник становился персоной нон грата и далее, даже при его убийстве, расследование не проводилось. Он должен был немедленно покинуть хутор или станицу, а у казаков-староверов его отпевали заживо и больше никогда не упоминали его имени. В момент приведения в исполнение приговора о телесных наказаниях женщины и дети – а часто и все иногородние – со схода изгонялись. Приводили приговор в исполнение казаки по жребию. После судебного схода все его участники держали трёхдневный покаянный пост, ежедневно усиленно молились, и только после бани шли в церковь к исповеди, каясь в нарушении заповеди «Не судите да не судимы будете».

Развитие (как полноценное эволюционирование) казачьих поселений в особые административные единицы происходило как перманентно, так и государственно направленно. Если на территории государства появлялись новые административные формации, они подчинялись общему устройству государства, либо с ними велись боевые действия с большей или меньшей продолжительностью во времени. Так происходило и с казачеством на Дону. Попав на перекрестии государственных интересов и собственных мотивов, казачество более не могло автономно существовать на территории России. Однако в этом контексте можно говорить как о добровольном подчинении, так и не подчинении во все. Царское правительство, начав выплату жалования казакам, из-за опасения в надёжности атаманов и казаков неоднократно прекращало его. Неприятны для правительства были также отдельные отряды за-

порожских казаков, которые воевали против России под знамёнами Польши. Колыбель казачества могла взрастить как отважных сынов отечества, так и отъявленных преступников, чему история государства российского – яркое подтверждение.

Формирование было обусловлено противоречиями казачьего самоуправления на Дону. Существовавшая в те годы модель управления была насквозь пропитана духом дуализма. Одновременное подчинение двум предметам мотивации составляла систему управления Войска Донского. Весь дуализм ситуации состоял в том, что образованная как вольная казачья общность она попадала под конкретный интерес участвующих сторон. С одной стороны – имперские, с другой – интересы самого казачьего поселения. Самым оптимальным видом казачьего устройства в тех условиях являлся строй военной демократии, которая в то время реально воплощалась в управленческих императивах. Нежелание конфликтовать с Россией и реальные выводы от несанкционированных царём военных действий приходилось многократно соотносить и нивелировать.

Главенство военной демократии легко понять в связи с объективными причинами того времени. Это постоянная военная опасность, территориальная ограниченность, малая историческая продолжительность казацкой общности. Демократические порядки, выборность атаманов содействовали сплочению казачества перед лицом его противников и усилению его боевой мощи, поскольку атаманами становились при таких порядках наиболее достойные. Демократическое устройство внутренней жизни казачества в XVI–XVII вв. представляло собой завоевание наиболее смелых, решительных, предприимчивых и активных выходцев из народа, не имело аналогий в России того времени. Оно означало: всеобщее

вооружение; наличие народного собрания – войскового круга на Дону как высшего органа власти для этих поселений и для участников походов; выборность всех властей и их сменяемость по воле народа; безусловное право всех казаков бывать на кругах, высказывать на них своё мнение и подавать голос. Высшим органом управления являлся войсковой круг, предназначенный одновременно для принятия послов от царя, выборности атаманов, есаулов, для решения других жизненно важных дел, например, для заключения мира с соседями. Самое важное, что решения войскового круга признавались легитимными и в Москве, а также при решении территориальных вопросов. Наделение войскового круга полномочиями судебной власти делало его важнейшим органом управления на Дону. Помимо всего вышеперечисленного войсковой круг оставался демократическим объединением в том смысле, что участвовать могли все желающие не только из числа местных жителей, но и те, кто нахаживал на Дону проездом.

Как любое воинское формирование казачество пользовалось принципом единоначалия во главе с войсковым наказным атаманом. Вниз по иерархической лестнице власти находились окружной атаман, который ведал вопросами военной и статской службы, и станичный атаман, которому, в свою очередь, подчинялись есаулы станиц и простые казаки. Помимо воинских обязанностей на атаманах лежала часть обязанностей, связанных с мирской жизнью. Знаком атаманского достоинства служила насека – специальный посох, который вручался на круге избранному на пост атамана, при соблюдении особой церемонии.

Другими словами, управление у казаков было в достаточной степени институционализировано, имело свою символичность. Наличие принципа единоначалия роднило казачье устройство с ква-

зигосударственным типом управления (недопустимость смешения законодательной, исполнительной и судебной власти) и действительным военным руководством. Принцип выборности и участия в делах управления рядовых казаков соответствовал лучшим образцам демократичности в казачьем обществе.

Это единоначалие стало проявляться у казаков в особой форме предводителя ватаги промысловиков, группы лиц, совершавших набег на соседей с целью грабежа, носившего название «ватамман» (ватагаман, атаман), которое впервые упоминается в новгородских грамотах XIII в.

Удалённые на сотни и тысячи километров от тогдашних государственных центров, казаки должны были создать свои органы самоуправления. Атаманами стали звать своих начальников донские казаки. Главный предводитель всего Войска Донского назывался войсковым атаманом. Он избирался войсковым кругом – народным собранием всего войска, получившим своё имя от того, что на этих общественных сходбищах, происходивших на открытой площади, казаки действительно составляли из себя круг, стоя на ногах и без шапок в знак уважения к месту и случаю. Выборы происходили ежегодно и решались большинством голосов. Как повсюду, так и на Дону на выборах происходила борьба партий, которая среди этой необузданной вольницы нередко заканчивалась кровопролитной схваткой ожесточившихся сторон.

В помощь войсковому атаману избирались ещё два войсковых есаула, а для ведения письменной части – войсковой дьяк. Войсковой атаман был лишь «исполнительным органом» войскового круга, самостоятельной власти он никакой не имел. Блюститель порядка и исполнитель решений круга, он по собственному почину ничего не мог и не смел пред-

принимать, в противном случае ему грозило позорное лишение должности, а иногда и суровая казнь.

Войсковой атаман обыкновенно докладывал в кругу дела и возбуждал вопросы, требовавшие решения всего войска, для чего он вместе со своими есаулами выходил на середину круга, но это не было его исключительным правом: всякий казак мог выступить в середину и предлагать вопросы на суд народный. Голос атамана был равен голосу любого другого казака: он имел вес лишь постольку, поскольку подкреплялся личной доблестью атамана и уважением, которое к нему питало войско. Сложив с себя звание по окончании выборного срока, атаман поступал в общее число войска и уже ничем не отличался от рядовых казаков. По образцу этого общего войскового управления начали в конце XVI столетия складываться и частные управления в городках. Всякая казачья община, жившая в городках или зимовищах, равно и посланная куда-либо (например, в Москву за царским жалованьем), именовалась станицей и имела своего станичного атамана.

Но не одних начальников своих и должностных лиц казаки называли атаманами; всякого доблестного казака, выдававшегося своей удалью и отвагой, честили атаманом. Атаман – это цвет казачества, высшее сословие войска, но это не было сословие замкнутое: право называться атаманом давалось не рождением, а приобреталось личной доблестью и славой. Этим значением слова «атаман» объясняются формулы царских грамот, отправляемых на Дон. Так, например, в царствование Иоанна Васильевича и Феодора Иоанновича в грамотах (после титула) писали: «на Дон Донским атаманами и казакам» или даже «на Дон Донским атаманами (следуют имена их) и всем атаманами и казакам». Это же значение слова «атаман» отразилось

в поговорке «из рядовичей в атаманы выходят», в традиционном обращении к казакам «атаманы – молодцы!», в сохранившемся обычае всякого казака чествовать «атаманом».

Первоначально власть войскового атамана была выборной, ограниченной в своих действиях только волею народного собрания казаков войскового круга. Атаману были подчинены все вооружённые силы, равно как и выборные исполнительные власти в войске. На своих народных собраниях казаки вырабатывали и нормы, по которым действовала эта власть. Раз принятое решение по какому-либо вопросу запоминалось в народной памяти и применялось в аналогичных случаях, становилось обычаем; и таким образом создавалось войсковое право, которое регулировало духовенство, которое также было выборное и избиралось казаками из наиболее уважаемых, грамотных и религиозных людей. Нередко священник не только удовлетворял религиозные потребности казаков, но был для них учителем и судьёй.

Существование между Россией и Доном самых тесных взаимоотношений в XVI–XVII вв. определялось потребностью – как Российского государства, так и донского казачества. Для донских казаков особое значение имела экономическая и внешнеполитическая поддержка со стороны Москвы, а также возможность постоянно ездить на Русь для торговли и для удовлетворения своих религиозных потребностей. Русское правительство, в свою очередь, также было заинтересовано в казаках, осознавая их важную роль в обороне южной окраины страны, в сдерживании агрессивных действий против России со стороны Турции и Крыма; в колонизации южных территорий (Кубань, Предкавказье, Черноморье).

С укреплением государства и административным подчинением казачьих территорий к середине

XVIII в. самодержавие начинает координировать эти процессы. Ему нужна не просто пограничная служба, но и мобильные, хорошо управляемые войска, поэтому и создаются специальные «служилые казацкие войска». Во временном контексте степень доверительности отношений между Москвой и Доном варьировалась в зависимости от ситуации, однако больших перерывов в сношениях не наблюдалось (период запрета сношений при Б. Годунове). Характер отношений, по одним источникам, был по принципу взаимоотношений между государственной властью и её подданными, хотя и пользовавшимся широкими автономными правами; по другим – отношения между Россией и Доном строились на принципах взаимоотношений двух независимых государств, имевших на международной арене общих противников. Это предопределило складывание между ними военно-политического союза, в котором Россия, как более сильная сторона, играла ведущую роль. Такой союз подкреплялся особой заинтересованностью казачества в экономической поддержке со стороны Москвы, а также, что очень важно, наличием между Россией и Доном религиозного и этнического единства.

Казачество, как этносоциальное явление в жизни России, приводило к изменению существующей политической и социальной жизни, т.е. существование казачества обуславливало целый ряд политических, социальных и культурных изменений в жизни страны. Являясь своего рода феноменом российской действительности, казачество на протяжении целого ряда десятилетий замыкало на себе всю жизнь юга России. Феноменологичность самого казачества и управления вызвана целым рядом факторов. К ним относят:

- смешанную этничность (столкновение и взаимодействие различных народов);

- перманентно усиливающуюся сословность (выполнение военно-служебных обязанностей для сохранения традиционных привилегий);

- преобладание пассионарного генотипа (господствующий активный тип социального поведения среди населения);

- воздействие геополитических интересов (расположение казачьей общности в регионе столкновения политических амбиций соседних государств);

- природно-климатические условия (лесостепная зона в бассейне большой реки);

- форумность культурной среды (объединение культурного влияния различных народов);

- общинную социальную организацию (объединение жителей края в соседские общины и проживание по их законам);

- конфессиональную терпимость (доброжелательное отношение к иной вере, личностное восприятие Бога, недоверчивость к официальной церкви);

- участие в первичной колонизации земель (освоение казаками ранее не изведанных территорий).

Всё вышеперечисленное создавало условия для слияния казачества с русским государством, что неминуемо вело к изменениям в системе управления казачеством. Построение отношений между Москвой и Доном происходило в три этапа:

- полная самостоятельность;

- территориально-государственная автономия и вассалитет;

- состояние колониальной автономии.

В соответствии с этими этапами процесс взаимодействия с Москвой и внутреннее управление казачьими поселениями сильно дифференцировались. Нет необходимости доказывать, что полная самостоятельность предполагает более широкий спектр действий, нежели автономия или колониальная автономия. В этом смысле

имеет место феномен управления вольными поселениями (первоначально они обозначались именно так). Почему же сие произошло? Ведь люди, покинувшие места своего прежнего проживания из-за причин несогласия подчинения, в будущем, если и хотели подчиняться, то только самим себе. Потому что это был двунаправленный процесс. Выгоды в этом случае искали и казаки, и царское правительство. Если бы люди, приехавшие на Дон, остались на прежних местах, не существовало бы предмета для торга, власть бы подавила силой любые попытки выйти из-под управления. Казачество же, расположившись в политически выгодном районе и набрав достаточную силу, требовало к себе скорее диалога, чем просто приказа.

Среди причин, традиционно детерминирующих сближение Дона и Москвы, выделяют следующие:

- общность интересов национальной политики;

- разветвлённость управленческой структуры (для собственного контроля казакам не хватало сил из-за обширности территории);

- естественные исторические процессы включения и исхождения автономий из государств;

- большая численность русскоязычного населения;

- материальная, техническая обусловленность в процессе воссоздания культурных традиций и в воинской службе.

С 1624 г. службой не только иноземцев, но и русских офицеров ведал Иноземский приказ. Он же жаловал их землями и крестьянами, вершил суд над ними. С 1649 г., с появлением «полков иноземного строя», их комплектование, обучение и воспитание перешло в ведение специального Рейтарского приказа.

В актах 1614 и 1618 гг., а также в последующее время (до 1646 г., по другим источникам – до 1651 г.) встречаются указания на существование особого Казачьего приказа, который заведовал всеми

служилыми казаками в Москве и в других городах, как «кормовыми», получавшими хлебное жалованье, так и «белопоместными», т.е. владевшими землями без платежа податей.

С 28 августа 1671 г. донские казаки стали подданными Московского царя. После принятия присяги московская власть предприняла меры для закрепления своего положения на Дону, в низовьях реки были построены укрепленные городки, в которых размещались гарнизоны русской армии.

Нигде в актах того времени не упоминается, что, приняв присягу, казаки «учинились в подданстве». Казаки посылали свои отряды с Дона туда, куда указывал царь. Когда казачье посольство (или, по-казачьи, Зимовая станица) прибывало в Москву, то его представители пользовались там правами дипломатов.

Ограничение прав войска шло и путём царских грамот. В 1703 г. Петр запретил казакам Войска Донского иметь сношения с окрестными народами без ведома азовского губернатора Толстого, которому было поручено разбирать спорные пограничные вопросы между донскими и днепровскими казаками. Ему же подчинены были казаки на случай войны.

Характер принудительной повинности, которую донские казаки получили при Петре I, закрепил участие казаков в походах регулярных войск и вообще в вооружённой обороне государства. Оно стало определяться исключительно велениями русской государственной власти, исходившей из общегосударственных интересов. В начале XVIII в. был утверждён новый порядок направления казаков на службу по очередям, просуществовавший до 1917 г.

Атаман войска по-прежнему выбирался свободными голосами, но уже утверждался царём. Окраинные города войска стали подвергаться контрольной переписи. Указом 1703 г. казакам запрещалось

под страхом смертной казни принимать к себе беглых людей.

С усиливавшимся влиянием Москвы в казачьих делах стало возрастать и значение атамана и старшин. С 1705 г. атаманы и старшины начали вытеснять войсковой круг: рассылали от себя распоряжения по станицам, призывали на круг лишь покорных казаков. В 1775 г., по представлению Потемкина, императрицей были утверждены Положения об управлении Войска Донского, которыми указывалось:

«1. Учредить на Дону гражданское правительство, под именем войсковой канцелярии, которой, на основании общих империи законов, предоставить как и расправу земскую, так и все хозяйственные распоряжения, сборы доходов, проверку расходов, и всё до промыслов и торговли относящееся.

2. Правление это подчинено главнокомандующему Донского Войска кн. Потемкину, которому, по избранию его, назначить из старшин двух непрременных членов, а четырёх других определить по общему выбору на год.

3. Войсковому атаману, подведением главнокомандующего, управлять военной частью так, как генералы управляют вверенными им войсками, по указанию Военной коллегии или иного высшего правительства.

4. Ему же, атаману, присутствовать в канцелярии как председателю, дела же решать по большинству голосов, а в случае спора представлять на разрешение кн. Потемкина.

5) Как казацкие старшины и прочие выборные люди, не имея чинов, оставались во всю жизнь без производства и повышения, то в отвращение сего повелено: старшинам, командовавшим полками в походе, объявить штаб-офицерский чин и считать их за уряд младшими перед армейскими секунд-майорами. При производстве их в полковники выдавать им из Военной коллегии патенты.

Есаулов же и сотников признавать и обращаться с ними, как с обер-офицерами».

15 февраля 1775 г. по предложению Г.А. Потемкина императрица утвердила на Дону гражданское правление под именем войсковой канцелярии. Донская старшина получила права русского дворянства, что положило начало оформлению социального расслоения казачества. В Положении также подчёркивалось, что на Войско Донское распространялись все законы империи, а высшей властной фигурой являлся главнокомандующий Донским войском, войсковой же атаман служил под его руководством. Впоследствии данное Положение было распространено и на другие казачьи войска.

6 февраля 1804 г. канцелярия Войска Донского была разделена на военную, гражданскую и экономическую экспедиции. Одна из главных привилегий Войска Донского – право иметь отдельную казну и собственный бюджет. Правительство строго соблюдает неприкосновенность войсковых капиталов.

Казачьи войска с течением времени включаются в общую систему государственного управления страны. Одновременно происходит и процесс полного законодательного оформления специфических прав и обязанностей казаков и их особой социальной функции. Продолжается и активный процесс организационного оформления высших государственных управленческих структур, в ведении которых находились все казачьи войска страны. В 1815 г. они были подчинены Главному штабу Военного министерства.

На самом нижнем уровне управления казачьими войсками – станичном и хуторском – государство было вынуждено сохранить некоторые демократические принципы. Станичное управление составляли станичный сбор, станичный атаман, станичное прав-

ление, станичный суд; хуторское управление – хуторской сбор и хуторской атамана. Должность станичного атамана была выборной. Как правило, на сборе избирали казачьего офицера, проживающего в этой станице. Ему подчинялись все жители юрта как войскового, так и не войскового сословий. Он отвечал за сохранение порядка в пределах юрта, приводил в исполнение решения станичного сбора, станичного суда и других судебных и полицейских учреждений, наблюдал за исправностью снаряжения, выходом казаков на службу, обучением молодых казаков военному делу и т.д.

В 1832 г. в Военном министерстве учреждается Военный совет, сосредоточивший в своём ведении большинство дел по казачьим войскам, а 26 мая 1835 г. Николай I утвердил «Положение об управлении Донским войском», по которому всё управление было разделено на три части: «военное и гражданское, военное в особенности и гражданское в особенности». При этом было подчеркнуто, что «в звании Войскового Наказного атамана соединяются как военные, так и гражданские учреждения». «Положением об управлении Войском Донским» был установлен новый войсковой комплект: лейб-гвардии Казачий полк, Атаманский полк, 54 казачьих полка, гвардейская конно-артиллерийская батарея и 3 конно-артиллерийские батареи.

Изменялся порядок управления войском, которое разделялось на военное и гражданское, но подчинялось единому лицу – войсковому наказному атаману. При атамане состояли канцелярия, адъютанты и войсковые есаулы. Вторым лицом после атамана был начальник штаба Донского войска. Органы военного управления составляли: войсковое дежурство (начальник штаба, дежурный штаб-офицер – помощник начальника штаба и два старших адъютанта); четыре окружных дежур-

ства, возглавляемых окружными генералами, в подчинении которых находились старшие адъютанты и их помощники. Гражданскую власть осуществляло войсковое правление под председательством войскового наказного атамана вместе с одним старшим чином и четырьмя асессорами, а при них войсковые прокурор с двумя стряпчими, контролёр, землемер, архивариус и другие.

Войсковая территория делилась на семь гражданских округов со своим начальством, судами, казначействами, почтовыми конторами, опеками, сыском, дворянскими депутатами и стряпчими. Округа состояли из станиц, исполнительные органы которых решали как военные, так и гражданские вопросы; в станичное правление входили станичный атаман, два выборных судьи и два писаря. Калмыцкое население, причисленное Положением от 1835 г. к Донскому войску, подчинялось особому правлению, действовавшему на правах окружного. Преобразования, проведённые у донских казаков, затем были осуществлены и в других казачьих войсках, причём они стали служить образцом при выработке положений о реформах в казачьих войсках.

Были установлены и предельные сроки службы донских казаков. Все мужское казачье население обязано было нести воинскую повинность с 18 до 43 лет в строевых частях, вооружаясь, обмундировавшись, приобретая снаряжение и лошадей за свой счёт. За службу казаки наделялись в постоянное пользование земельными участками. Офицеры получали права потомственного дворянства, а также земли. Селиться на территории казачьего войска посторонним лицам запрещалось.

В декабре 1857 г. образуется подчинённое Военному министерству специальное Управление иррегулярных войск, в компетенцию которого передавалось

руководство всеми казачьими и другими иррегулярными войсками. 29 марта 1867 г. оно переименовывается в Главное управление иррегулярных войск. А в 1879 г. на его основе образуется Главное управление казачьих войск, которое также находилось в непосредственном подчинении Военного министерства. 6 сентября 1910 г. Главное управление казачьих войск было упразднено, а все его функции переданы специально образованному Отделу управления казачьими войсками Главного штаба Военного министерства. Формально атаманом всех казачьих войск страны с 1827 г. считался наследник престола.

В 1875 г. – после введения всеобщей воинской повинности – срок службы был сокращён до 20 лет (с 18 до 38 лет). Первые три года приходилось на призывной разряд, когда казак готовился к службе, обзаводился обмундированием и снаряжением. Затем 12 лет он состоял в строевом разряде, причём действительную службу отбывал четыре года в частях первой очереди, ещё четыре года – в частях второй очереди (на льготе) с проживанием в станице и последние годы – в частях третьей очереди с проживанием в станице. Вслед за этим он переводился на пять лет в запасной разряд, а по выслуге – зачислялся в ополчение. В этом же году вся территория войска стала называться областью Войска Донского. В 1887 г. к ней присоединили Таганрогское градоначальство и Ростовский уезд, из которых образовали два новых гражданских округа.

В XVIII – первой половине XIX в. казачество утрачивает не только былую независимость от государства, но и важнейшие права в области власти и внутреннего управления, лишается высших органов самоуправления, иными словами, войсковых кругов и избираемых на них войсковых атаманов, а также вынуждено мириться с процессами изменений многих

общинно-демократических прав и традиций.

Таким образом, на этапе существования казачества как своеобразной социально-этнической общности, сложившейся из воль-

ных казаков, в казачьих общинах, а позже и в казачьих войсковых образованиях (войсках) на основе обычного права были выработаны и строго соблюдались основополагающие общие принципы, формы и

методы внутреннего управления. С течением времени они претерпели определённую трансформацию, но сущность устоявшихся традиционных общинно-демократических принципов осталась прежней.

Литература:

1. Бронеvский В. История Донского Войска. Описание Донской земли. – СПб., 1834.
2. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. – М., 1973.
3. Губарев Г. Казачий исторический словарь-справочник. – М., 1970.
4. Гордеев А.А. История казаков. – М., 1992.
5. Казачий Дон. Очерки истории. – Ростов-на-Дону, 1995.
6. Короленко В.Г. У казаков. – СПб., 1914.
7. Нелепин Р.А. История казачества. – СПб.: Православная Русь, 1995.
8. Пашков Б.Г. Русь, Россия, Российская империя: хроника событий. 862–1917 гг. – М., 1994.
9. Ригельман А.И. История или Повествование о донских казаках. – М., 1846.
10. Свод военных постановлений. Ч. I. Кн. IV. – СПб., 1853.
11. Савельев С.П. Древняя история казачества: Историческое описание. – Новочеркасск, 1915.
12. Савельев Е.П. Войсковой круг на Дону, как народоправление. – Новочеркасск, 1917.
13. Улитин В.Г. За курганом... Сборник статей и очерков / Составитель К.Н. Хоxульников. – Ростов-на-Дону: РостИздат, 2000.
14. Устав воинской повинности Донского казачьего войска. – 1875.
15. Шамбаров В.Е. Казачество: История вольной Руси. – М., 2007.
16. Шишов А.В. Казачьи войска России. – М.: Вече, 2007.

Научные парадигмы

Б.В. МАКОВ, кандидат философских наук, НОИР

B. Makov, candidate of philosophical Sciences, NOIR

Формирование теоретических оснований синергетической концепции устойчивого развития Development of the theoretical of the bases synergetic concept of sustainable development

Аннотация: формирование синергетики как новой научной парадигмы, в то же время продолжающей традиции философского мышления было подготовлено сложным, многовариантным, насыщенным альтернативами развитием классической науки и философии, а также рядом школ и направлений неклассического периода. Именно синергетика предлагает сегодня современную модель развития, которая имеет самые широкие эвристические и прагматические перспективы.

По мнению автора, именно формируемые диалектикой гибкость мышления и постоянное стремление воспроизвести в теоретической форме парадоксы противоречия, нелинейности, неравновесности, присущие живой и неживой природе, обусловили современный успех синергетической проблематики в постсоветской России.

Abstract: the formation of synergetics as a new scientific paradigm, at the same time the tradition of philosophical thought was prepared complex, multivariate, rich alternatives to the development of classical science and philosophy, as well as a number of schools and branches of non-classical period. This synergy offers today a modern model of development that has the most wide heuristic and praxiological prospects.

According to the author, it is formed the dialectics flexible thinking and constant desire to play in theoretical form, paradoxes, contradictions, nonlinearity, nonequilibrium inherent in the animate and inanimate nature, caused a modern success synergetic issues in post-Soviet Russia.

Ключевые слова: синергетика, устойчивое развитие, философия, социальные процессы, эмерджентисты, чистое движение, материя, жизнь, сознание, эволюция, естествознание, общество, мировоззрение.

Keywords: synergetics, sustainable development, philosophy, social processes, emergency, pure motion, matter, life, consciousness, evolution, science, society, philosophy.

Идея развития является одной из центральных в истории научного и философского знания. В системе научных категорий она выходила на первый план, как правило, в те эпохи, которые сами характеризовались ускорением темпов и неустойчивостью параметров социального развития, причины чего требовалось осмыслить и научно объяснить. Так было и в эпоху формирования первых философских школ, и в эпоху Просвещения. Так обстоит дело и в наши дни.

XX век характеризовался фантастической интенсификацией темпов развития науки, техники, общества и в какой-то мере самого человека. Вторая половина XX века – период ускоренного научно-технического прогресса и целой серии научных революций в ведущих областях знаний о природе. На исходе столетия мы стали свидетелями такого явления, как глобализация. Последняя треть II-го тысячелетия представляет собой один из наиболее драматичных периодов мировой истории. На протяжении последних тридцати лет

прокатились две волны кризисных потрясений, свидетельствующих о формировании нового мирового порядка. Многофакторность развития общества, возрастание в нём элемента стихийности заставляет окончательно отказаться от иллюзии прямой управляемости социальных процессов и отдать предпочтение современным методам регулирующего воздействия на социальные процессы.¹

Новый уровень осознания в науке степени сложности общественных явлений (и, если можно так выразиться, параметров этой

1 См.: Сущность и характеристики процессов глобализации в их отношении к состоянию общества, социальных и политических институтов современной России. – СПб, 2002.

сложности) формирует социальный запрос на разработку новой научной модели развития. Ответом на него и стало выдвижение синергетической парадигмы. Хотя синергетический подход сложился первоначально как парадигма естественнонаучного знания, в наши дни от него вполне очевидно ждут объяснения именно социальных явлений.²

В последнее время исследователи всё чаще обращаются к теоретико-генетическим предпосылкам синергетики.

В качестве важного этапа обычно указывают на синтетическую теорию эволюции Г. Спенсера. В её основе лежит попытка унифицировать и выявить всеобщие механизмы, при помощи которых любое существующее образование обретает устойчивость или теряет право на сохранение своей целостности. Фундаментом философских взглядов Г. Спенсера является им же сконструированная теория равновесия, основные положения которой базируются на механистической картине мира и ряде умозрительных принципов. Идея о том, что всё сущее, относительное в своем существовании обусловлено стремлением к устойчивости, к сохранению своего качественно определённого состояния принадлежит предшествующим этапам философского знания. Новым моментом у Г. Спенсера является интерпретация всеобщих оснований бытия с позиций механистического мировоззрения в рамках понятий классической механики Ньютона. В последней важная роль отводится понятиям притяжения и отталкивания и связанного с ними понятия равновесия, как результата и цели всякого движения.³

А.А. Богданов пытался по своему реализовать идею Г. Спен-

сера о синтетической теории эволюции, создав «всеобщую организационную науку» (тектологию), в ткань которой органично вошли в качестве фундаментальных основные принципы спенсерской теории равновесия. Проблема устойчивого существования и развития – центральная в учении российского исследователя. В философии, по его мнению, эта тема выступает в форме проблемы «отдельности», в решении которой вопрос об устойчивости «превращался в сюжет догадок». Философия лишь «блуждала», пытаясь отыскать принцип «индивидуации существующего». Свою заслугу А.А. Богданов также видит в том, чтобы рассматривать весь мир с организационной точки зрения. Хотя традиционно А.А. Богданова принято относить к разряду позитивистов, нельзя не обращать внимание и на то, какое влияние на развитие его мировоззрения оказала немецкая классическая философия. Н.А. Ерохина в этой связи удачно обращает внимание на факт знакомства автора «Тектологии» с «системами, лежащими в основе немецкой классической философии».⁴

В силу целого ряда причин, преимущественно политического характера, обусловивших развитие в довоенные годы научных исследований в нашей стране, проблема, поднятая в трудах А.А. Богданова, оставалась на периферии научных интересов. Хотя опосредованно, конкретно-научные исследования, подпитывающие становление системно-организационных идей, связанных с устойчивостью, регуляцией, управлением, не прекращались в Советской России и в довоенные годы.

Основой для развития синергетики считается и общая теория систем Л. Бергаланфи. В теории систем были развиты три базовых

понятия, важных для синергетического мышления: динамическая система – система, параметры и свойства которой меняются со временем под внешними или внутренними воздействиями, в том числе и случайными, развитие системы при этом понимается как возрастание степени её сложности; сложность системы – понятие, связанное со структурой её элементов, которые сами могут быть системами, способными к самоорганизации и соразвитию; бифуркация – фундаментальная особенность поведения сложных систем, подверженных сильным воздействиям и напряжениям, момент выбора нового направления эволюции.

На рубеже XIX–XX вв. происходит смена парадигм в естествознании и философии: «Физика атомного ядра показала неадекватность традиционного механистического представления о природе, сформулированного в Новое время, доказав, что на уровне микромира существуют закономерности, родственные законам жизнедеятельности живых организмов... Смена парадигм в физике и математике, а также популярность витализма А. Бергсона породили в философии значительные симпатии к лейбницианству, в котором идея «предустановленной гармонии» заменялась на более современную идею эволюционного развития».⁵

Наиболее последовательно эти идеи выражали в англо-американской литературе Смит, Александер, Селларз, Ллойд-Морган, Монтегю, Лавджой, во Франции – Маню. Остановимся более подробно на учении о развитии некоторых из этих авторов.

В XX веке значительный вклад в разработку идеи развития внесли в основном англоязычные эмерджентисты, разработавшие учение о

2 См.: Социальная синергетика и актуальная наука: потенциалы России в глобальном мире. Проблема адаптации и развития. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 5–9.

3 Ростошинский Е.Н. Философские основания устойчивого развития. Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. СПб. 1999. С. 30–31.

4 Ерохина Н.А. Синергетика как методическая основа исторического исследования (историографический анализ). Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М. 2006. С. 8.

5 Никоненко С.В. Английская философия XX века. – СПб., 2003. – С. 165.

пространственно-временной основе эволюции. Наибольшее влияние на научное сообщество имел труд С. Александра «Пространство, время и божество».⁶

Исходным моментом эволюции природы у Александра выступает материя, которая рассматривается в качестве наиболее простой формы организации пространства и времени. Прогресс предполагает постоянное усложнение этой организации через последовательные уровни развития. При этом характеристика каждого конечного существования представляет собой определённый образец этой организации. Александр утверждал, что организация в принципе возможна как способ существования единого пространства-времени. Предпосылка этого заключается в характерном для времени непостоянстве, которое стимулирует постоянную изменчивость и реструктуризацию единого пространства-времени. Результатом являются различные качественные определённости, характеризующие стабильность его отдельных образцов.

Условия и элементы генезиса мироздания присутствуют уже в чистом пространстве-времени, которое включает в себе в имманентном виде всё многообразие возможных форм и веществ. Его конечные модификации производят определённое, конечное пространство-время. Определённости конечного пространства-времени приобретают форму последовательно организованных «мигов мгновения», как называет их Александр. Всю действительность мироздания можно трактовать как определённую последовательность этих мигновений. Все они связаны друг с другом, непосредственно или опосредованно. Те, что связаны непосредственно, организуют более устойчивые формы, существующие в виде длительного времени.

Эта, по сути «неонаксаго-ровская» модель мироздания, модернизируется Александром за счёт элементов диалектики. Каждый элемент системы постоянно изменяет своё отношение с мигами-мгновениями и должен приспособливаться к пространственно-временной окружающей среде. Мир находится в постоянном движении и изменении, достигая всё более совершенных форм приспособляемости конечного существования к внешней среде и таким образом эволюционируя. Основными ступенями эволюции пространства-времени являются: чистое движение, материя, жизнь, сознание. В этом, впрочем, Александр мало оригинален.

Самым высоким уровнем эмерджентного существования, который известен человеку, является мышление. Его Александр трактует как специфическое качество, которое принадлежит физическим и физиологическим структурам человеческого тела. В отношении низшего уровня существования – материи, определяющей конкретные формы организации пространства-времени, – Александр признаёт определяющим свойством различие первичных и вторичных качеств.

Материя является самой простой формой организации пространства-времени. В процессе эволюционного прогресса происходит постоянное увеличение сложности её существования через последовательные уровни эмерджентного развития, где каждая форма конечного существования представляет собой определённую организацию пространства-времени. Новое качество этой определённости понимается как новая модель сочетания видов движения, в своей совокупности обладающих качествами более высокого уровня.

В системе Александра эмерджентной признаётся новизна,

которая достигается воссозданием образцов, уже представленных в системе, а также образцов, создающихся в ходе прогресса во времени. Поэтому качества являются изначально новыми и выразимыми без остатка в терминах процессов, принадлежащих уровням, из которых они появляются. Таким образом, в концепции Александра фиксируется необратимость и направленность развития.

В ходе развития и сама материя, и каждый новый тип её существования возникают при помощи образующихся качеств. В процессе эволюционного развития возникали и некоторые альтернативные комплексы качеств, устойчивые образцы которых были сохранены, а неустойчивые вернулись в исходное нерасчленимое единство пространства-времени. Таким образом, по сути дела, Александр формулирует концептуальные послышки своей трактовки устойчивости развития. Образцы организации, которым имманентна тенденция к самосохранению, проявляют особо высокую степень сцепления пространственных конфигураций во времени. Возникающее в результате качество стабильности определяют данную конфигурацию пространства-времени как некоторое конечное существование. Характерно, что при этом Александр подчёркивает их системный характер. Именно он определяет стабильность временных образований, организованных в сообщества или особые комплексы пространства-времени. Исходная изменчивость времени, таким образом, является принципом и создания нового, и одновременно принципом организации пространства-времени. Наиболее устойчивые, стабильные качества являются одновременно качествами, заключающими в себе самый мощный потенциал развития. Здесь мы, фактически, имеем дело с ранним вариантом концеп-

6 См.: Alexander S. Space, Time and Deity. N.-Y., 1950.

туального обоснования принципа устойчивого развития.

Свою концепцию развития Александер интерпретируют также в своего рода мифологическом духе пантеистического толка. А именно: каждая последующая ступень представляется для предшествующей как нечто божественное, поэтому весь мир выступает как постоянное вечное стремление к божественности. В конечном итоге бог отождествляется с миром в целом и получает, таким образом, нехристианское толкование. Однако Александер усложняет эту конструкцию, рассматривая бога одновременно и как цель мироздания. Космос – это бесконечное движение, суть которого состоит в бесконечном поиске бога как наивысшего качества эмерджентности, которое превосходит все известные качества и предчувствуется человеком в своего рода творческом порыве.

По сути дела, бог в концепции Александера предстаёт как своего рода суператтрактор, если использовать синергетическую терминологию. Именно эта модель, фактически, позволяет Александеру трактовать устойчивость в развитии как универсальный принцип. Конечно же, здесь чувствуется значительное влияние Аристотеля. Но полезно будет сопоставить этот подход с теоретическими выкладками современного философа, который моделирует в чём-то похожую теоретическую конструкцию, также выходя при этом на принцип устойчивого развития: «Помимо асимптотической бесконечности у движения к суператтрактору есть ещё одна очень важная особенность: это устойчивость подобного движения. Как известно, устойчивость стационарного состояния природной или социальной системы означает появление в системе (в случае воздействия

на систему внешних или внутренних факторов, отклоняющих её от «нормального» состояния) каких-то факторов, компенсирующих неблагоприятное воздействие и возвращающих систему в исходное состояние. Устойчивость движения к суператтрактору тоже может нарушаться разными факторами. Благодаря... способности самоорганизующейся системы к самодействию, при отклонении от движения системы к суператтрактору в системе рано или поздно должно возникнуть противодействие такому отклонению, возвращающее её на прежнюю траекторию движения. Другими словами, при появлении в самоорганизующейся системе флуктуаций, отклоняющих её от направленности на суператтрактор, в этой системе должны произойти контрфлуктуации, нейтрализующие (компенсирующие) влияние первичных флуктуаций. Можно показать, что конечной причиной устойчивости движения к суператтрактору является закон суперотбора».⁷

Озвученный выше мифологический подход в концепции Александера, несмотря на всю его содержательную насыщенность, фактически призван завуалировать теоретические пробелы в рациональном обосновании идеи развития. Такое нередко имело место в истории философии. Скачкообразный переход от низших к высшим качествам обусловлен не внутренней логикой развития этих качеств, а духовным порывом идеальных божественных сил. Низший уровень только создаёт внешние предпосылки для появления высших формообразований, но не выступает их причиной. Скорее наоборот: высшие ступени оказывают определяющее воздействие на низшие, в том числе в определённом смысле слова, и в эволюционном плане.

Таким образом, Космос в трактовке Александера – это эволюционный процесс, начинающийся с чистого пространства-времени как матрицы всех вещей и событий, и одновременно как «чистого движения». Эволюция проходит через последовательно восходящие уровни материи, жизни и разума к ещё более высоким качественным ступеням существования. Суммируя изложенное, можно сказать, что концепция эмерджентной эволюции Александера представляет собой раннюю модель устойчивого развития, основанную на положении о развитии как скачкообразном процессе, в пределах которого возникают новые, высшие качества за счёт вмешательства идеальных, рационально непознаваемых сил.⁸ Это – своеобразное сочетание темпорального атомизма и диалектики, рационализма и иррационализма, сциентизированного и мифологического мышления.

Говоря о становлении синергетической концепции устойчивого развития в XX веке, нужно иметь в виду и то, что в науке XX века многие идеи, в дальнейшем интегрированные в синергетическую теорию, были наработаны до и вне возникновения системного и синергетического подходов в их самостоятельном, организованном и институционализированном виде. К ним, наряду с работами досистемно-синергетического периода, в которых идеи новой парадигмы существуют в скрытом виде (Н. Бора – принцип дополнительности; Р. Клаузеуса – второе начало термодинамики, принцип роста энтропии; Ч. Дарвина – законы эволюции как роста организованности мира живого; П.Т. де Шардена – идеи самоорганизующегося мира; А. Эддингтона – идея «стрелы времени», его необратимости; Д. Бернала – идея всеобщих законов и др.), можно

⁷ Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический историзм. – СПб., 2004. – С. 325.

⁸ См.: Матросова О.П. Концепция эмерджентной эволюции в философии Сэмюэла Александера и Конви Ллойд Моргана. Дисс. ... канд. филос. наук. – Нижневартовск, 2005. С. 31 (см. также с. 28–30, 32).

отнести значительное число работ системно-синергетического периода, ориентированных на развитие современной методологии науки (Э. Янча – идеи системного эволюционизма, М. Борна, Г. Гудмена, Э. Ласло – идеи системной философии как новой методологии научного знания, способной преодолеть «мировоззренческий вакуум» в науке и философии; Г. Башляра – идеи «нового рационализма», ориентировавшего современную науку на «синтез метафизических противоположностей», введение в исследовательский процесс «характеристик расширения» [прошлое, индукция, обобщения, дополнения, синтез, цельность и др.]; П. Фейерабенда – идеи «критического рационализма», исследовавшего феномен «пролиферации теорий», в основе которого принцип дополнительности всех форм познания и идей, понимаемый как «допустимо всё» (anything goes), и другие исследователи, работавшие в области биохимии, генетики, биофизики, биологического структурализма, социобиологии и т.д. и в значительной степени выходявшие за рамки собственно естественнонаучной проблематики).⁹

В сфере социальных наук особенно значительны для становления синергетического способа мышления стали идеи «открытого» и «закрытого» типов обществ А. Бергсона и К. Поппера. В то же время Х. Ортеги-и-Гассету принадлежит анализ феномена «восстания масс», «борьбы поколений» (своеобразной культурной бифуркации), идея города и городской площади (своеобразного аттрактора, взрастившего буржуазную форму организации жизни), апелляция к принципам дополнительности и диалогу научных форм познания. К. Ясперсу – идея принципиальной открытости мировой истории новым формообразованиям, способным породить «ось мировой истории». Й. Хейзинге –

идея общественного процесса как единства эволюционных и революционных тенденций, стабильных и кризисных периодов истории, имеющей открытый и необратимый характер.

Существенные системно-синергетические элементы содержатся в идеях П. Сорокина, разрабатывавшего тему диалектики культурных форм (идеациональной, чувственной и идеалистической), смена которых невозможна без войн, революций, анархий и хаоса переходных эпох, разрушающих «большие и малые ценности человечества». Бифуркационный аспект проявляет себя и в работах современного западного исследователя цивилизаций С. Хантингтона, осмысляющего столкновения ныне существующих цивилизаций как главную проблему современного мира.

Идея развития в советский период истории отечественной философии развивалась, как известно, в русле диалектической парадигмы. Благодаря этому воспроизводилась установка на классические образцы философской мысли, с одной стороны, и стремление к философскому осмыслению достижений естествознания, с другой. Активно осмыслились научные достижения Больцмана, Гиббса, Дальтона, Рейхенбаха и др.

В результате в трудах крупнейших советских философов в шестидесятые-семидесятые годы совершенно самостоятельно закладываются многие идеи, ставшие потом характерными для синергетики. Параллельно возникают многочисленные варианты научных дисциплин в рамках системного подхода: кибернетика в её различных вариантах (техническая, медицинская, биологическая и т.д.), системология, системотехника и т.д., которые разрабатывали общие принципы функционирования самоорганизующихся систем. В частности это относится к исследова-

ниям 70-х годов В.Н. Сагатовского, М.И. Сегрова, Ю.А. Урманцева, А.И. Умова, Г.А. Югая и др. При этом в трудах Б.М. Кедрова, С.Т. Милюхина, В.И. Свидерского, М.С. Кагана, В.П. Бранского и др. формируются очень перспективные предпосылки для столь актуального сегодня сближения синергетики и теории систем.

Нужно отметить, что проблеме форм движения материи, их классификации, связи, соотношения изменения и развития посвящено необозримое море работ, в которых постоянно подчёркивалось «подчинение» сохранения движению; относительность покоя, равновесия, устойчивости как видов сохранения. Такая ситуация определялась тем, что идея эволюционизма, развития, начиная с середины прошлого века, постепенно становилась методологическим основанием практически всех отраслей научного знания. Это было обусловлено в философском плане созданием диалектической теории Г. Гегелем, в естественнонаучном – крушением механистической картины мира, в социально-практическом отношении – распространением и созданием различного рода учений о преобразовании общества и прокатившимся по Западной Европе социальным катаклизмам.

Немаловажным фактором, обуславливающим приоритетное положение проблемы движения, изменения среди прочих философских проблем вступало то обстоятельство, что в трудах классиков марксизма-ленинизма разбросано множество замечаний по поводу тех или иных аспектов проблемы движения, его абсолютности и относительности покоя. Отчасти благодаря этому проблема сохранения, устойчивости оставалась в тени философских исследований. Основной объём литературы, посвящённой проблеме сохранения и устойчивости, падает преимуще-

щественно на 70-е годы в связи с работами по философским вопросам естествознания, особенно биологии.¹⁰

Одним из первых, нарушивших традицию «абсолютизма» движения в материалистической диалектике, Н.Ф. Овчинников отмечал, что движение без сохранения представляет собой «метафизическое учение наизнанку».¹¹ Действительно, без учёта противоположной изменению стороны – сохранения, о движении нечего будет сказать, если субстрат всех многообразных свойств, отношений, взаимодействий не обладает свойством сохранения. Движение необходимо предполагает сохранение, как и сохранение, в свою очередь, предполагает движение; сохранение немислимо без движения. Эти стороны всегда выступают в единстве, поскольку предполагают, отрицают, обуславливают друг друга – т.е. характеризуются всеми чертами диалектического противоречия. На взаимосвязь устойчивости и изменения, на всеобщность устойчивости указывал и В.Н. Сагатовский, обосновывая последнюю всеобщностью бытия и небытия.¹²

Существование любого материального образования определяется двумя тенденциями: сохранением и изменением. Влияние воздействующих на данную систему объектов несёт в себе тенденцию уничтожения, отрицания. Противоположная тенденция характеризует те изменения, которые претерпевает данная система для сохранения своего качественно определённого состояния.

В работах В.И. Свидерского, исходя из характеристик движения, изменения, следовало, что абсолютная природа движения проявляется в относительных, пространственно и временном отношениях, отграниченных движениях, изменениях тех или иных материальных объектов. Но всякое относительное движение, изменение стремится к установлению относительного покоя равновесия, устойчивому состоянию, которое в результате действия окружающих этот объект явлений окружающего мира нарушается и вновь устанавливается, и так до бесконечности. Поскольку каждый объект выступает в определённой степени как причина самого себя, то объективная направленность самодвижения выражается в степени развития внутренних факторов, обуславливающих направленность материальной системы к устойчивому состоянию. Более совершенной, в таком случае, будет пониматься та система, которая за счёт механизмов сохранения способна противостоять большому разнообразию нарушающих внешних воздействий.

Данная направленность преобразований в материальной действительности приводит, по мнению ряда исследователей, к тому, что определяющей стороной в противоречивом единстве сохранения и изменения на уровне живой природы начинает выступать самосохранение, которое определяет характер эволюционных изменений. В связи с этим важно проследить:

каким образом происходит увеличение устойчивости, повышение надёжности функционирования систем с точки зрения внутренних и внешних факторов детерминации в самодвижении той или иной системы.

Думаем, что именно формируемые диалектикой гибкость мышления и постоянное стремление воспроизвести в теоретической форме парадоксы противоречия, нелинейности, неравновесности, присущие живой и неживой природе, обусловили современный успех синергетической проблематики в постсоветской России.

В итоге можно утверждать, что сложное, многовариантное, насыщенное альтернативами развитие классической науки и философии (реальность которого, кстати, вовсе не совпадает с формируемым в рамках парадигмы классической науки понятием «классическая наука»: понятие «классическая наука» принципиально несамоприменимо), а также ряд школ и направлений неклассического периода подготовили формирование синергетики как новой научной парадигмы, в то же время продолжающей традиции философского мышления. «Несмотря на всю свою новизну, синергетика как способ видения мира и стиль мышления выросла на почве предыдущих исторических стилей научного мышления».¹³ Именно синергетика предлагает сегодня современную модель развития, которая имеет самые широкие эвристические и праксеологические перспективы.

10 См.: Методологические проблемы развития материалистической диалектики. – Л., 1980; Диалектика как основа интеграции научного знания. – Л., 1984; Стрельченко В.И. Диалектика снятия в органической эволюции. – Л., 1980; Его же: Концепция отрицания и диалектика познания жизни. Дисс. ... докт. филос. наук. Л. 1985; Корольков А.А. Диалектика, эволюционная теория и проблемы развития в медицине. Дисс. ... докт. филос. наук. Л. 1981.

11 См. в работе: Овчинников Н.Ф. Принципы теоретизации знания. – М., 2005.

12 Сагатовский В.Н. Философия как теория всеобщего и ее роль в медицинском познании. – Томск, 1968.

Духовные сущности

Р.И. ПОПОВИЧЕНКО, аспирант Юридического института (г. Санкт-Петербург)

R. POPOVICHENKO, postgraduate student of the Law Institute (St. Petersburg)

Нравственная идея как основание гражданского общества в философии права Г.В.Ф. Гегеля

Moral idea as the basis of civil society in the philosophy of law GWF Hegel

Аннотация: Анализ трудов Г.В.Ф. Гегеля, в которых исследуется философия права позволяет автору сделать вывод, что "Гегель подходит к трактовке проблем государства и права прежде всего как философ, а не как учёный-юрист, поскольку рассматривает эти проблемы не на конкретно-историческом, эмпирическом материале, а исходя из абстрактной идеи государства и общества как таковых. Поэтому многие глубокие и интересные мысли, подходы, а главное – сам способ трактовки правовых отношений ещё нуждаются в реинтерпретации в свете категорий и методик современной правоведческой науки".

Abstract: analysis of the works GWF Hegel, in which explores the philosophy of law allows the author to conclude that "Hegel suited to the treatment of problems of state and law primarily as a philosopher, and not as a legal scholar, as it considers these issues are not on the specific historical, empirical material, and on the basis of abstract ideas of the state and society as such. So many deep and interesting ideas, approaches, and most importantly - the way of interpretation of legal relations are still in need of reinterpretation in the light of categories and methods of modern legal science".

Ключевые слова: классическая философия, право, нравственная идея, общество, личность, природа, мораль, государство, индивид, социальные институты, классическая немецкая философия, дух.

Key words: classical philosophy, law, moral idea, society, personality, nature, morality, government, individual, social institutions, classical German philosophy, spirit.

Развитие принципов понимания права, государства и гражданского общества было осуществлено крупнейшим представителем немецкой классической философии Г.В.Ф. Гегелем (1770–1832). Его теория права была господствующей в Германии на протяжении целого ряда лет и в настоящее время является одним из наиболее влиятельных классических правоведческих учений. Причём, как отмечают учёные-гегелеведы, наибольший интерес и острейшие мировоззренческие споры вызывает именно проблема отношения личности и государства¹.

Отметим, что теоретико-методологическая база гегелевского исследования была иной, чем у

Канта, поскольку Гегель исходил не из субъективного варианта диалектической методологии, а из объективного. Важнейшей работой Гегеля, в которой раскрываются интересующие нас вопросы, является «Философия права». Краткое изложение философии права имеется также в гегелевской «Философии духа», являющейся третьей частью «Энциклопедии философских наук». Авторскую попытку популяризации учения о праве можно найти в так называемой «Философской пропедевтике».

Думаем, что мы не ошибёмся, если скажем, что именно у Гегеля теория естественного права, разрабатываемая на основе диалектического метода, достигает наи-

большей глубины. Разделяя точку зрения своих предшественников – Канта, Фихте и Шеллинга – относительно того, что все явления действительности должны получить оправдание в разуме, Гегель утверждает, что разум присущ также и самой действительности, в качестве её порядка и смысла. Изначальное единство логического порядка мышления и разумного начала природы Гегель определял с помощью понятия духа. Это понятие он раскрывает в своих работах «Феноменология духа» и «Философия духа».

Сущность духа, согласно его учению, составляет свобода, которая шаг за шагом осуществляет себя в историческом развитии человечества, а также в индивиду-

1 Шаймухамбетова Г.В. Гегель и Восток. Принципы подхода. – М., 1995. – С. 8.

альном развитии личности. Сначала дух ещё переплетён с природой, не отделяет себя от неё, но, развиваясь, он осознаёт себя и тем самым определяется как «свободный дух». В качестве такового он выступает, прежде всего, в общественных отношениях, задавая при этом основу научного анализа отношения права, государства, общества и личности, морали и нравственности. В сжатом виде это отношение представлено Гегелем в следующем фрагменте его «Энциклопедии философских наук»: «Свободная воля является:

- а. Сперва непосредственной и поэтому в качестве единичной – лицом; наличное бытие, которое это последнее даёт своей свободе, есть собственность. Право как таковое формальное, абстрактное право.

- в. Рефлектированной в себя, так что она имеет своё наличное бытие в пределах самой себя, и вследствие этого определена в то же время как частная воля, – право субъективной воли, – моральность.

- с. Субстанциальной волей как соответствующей своему понятию действительностью в субъекте и тотальность необходимости, – нравственность в семье, гражданском обществе и государстве»².

Учение Гегеля о праве глубоко интегрировано в целостности его философской системы, выступая в качестве необходимого момента развития всеобщего духа, а именно: как явление его объективности. Своей предпосылкой сфера права имеет определения субъективности, а результатом характеристики духа как всеобщего основания всех форм деятельности человека и общества. При этом изначально является целостность духа, которая обнаруживает его определённую как субъекта всех отношений, проявляющихся в его развитии.

В своей работе «Философия права» Гегель исследует эти от-

ношения, рассмотрев сначала взаимодействие двух личностей. Именно тогда, когда оно основано на взаимном признании ими друг друга в качестве личностей равноправных и свободных, Гегель получает исходный пункт для своего анализа правовых отношений. Рассмотрению этих элементарных начал права посвящена первая часть «Философии права», носящая наименование «Абстрактное право». Здесь даётся философское толкование формам, в которых выражается это взаимное признание личностей. Оно выступает как корреляция их прав и обязанностей, взаимообусловленность которых отражает реальную зависимость участников общественной жизни друг от друга, от государства, общества, коллектива, семьи. Именно в такой обоюдной корреляции прав и обязанностей и состоит их единство в политико-юридическом мире. В более конкретной форме речь идёт о взаимном признании прав собственности, а также об отношениях договора, закрепляющего взаимные обязанности сторон.

Далее раскрывается смысл, заключающийся в нарушении правовых отношений – в обмане и в преступлении. Понимание человеком внутреннего противоречия, заключающегося в преступном деянии, понимание того, что преступление отрицает духовность и свободу личности, приводит, согласно Гегелю, к утверждению принципов морали и морального сознания. Их исследованию посвящена вторая часть «Философии права» – «Мораль». Моральный взгляд на отношение к обществу и к людям коренится в индивидуальном сознании человека, начал добра и совести. Но это моральное сознание существует, лишь будучи вплетено в систему заложенных в общественном устройстве более высоких начал нравственности. Гегель, таким образом, различает мораль и нрав-

ственность: первая существует в стихии индивидуального, вторая – в области общественного. Учению о нравственности посвящена третья часть «Философии права».

Принципы морали, как и принципы нравственности, согласно справедливому воззрению Гегеля, определяются развитием мышления, подчинённым собственным объективным законам, и не зависят от характера эпохи и мнений людей. Гегель разделял позицию Платона и Аристотеля, в соответствии с взглядами которых эти принципы заключены в самом изначальном порядке бытия. Этот порядок (который может быть понят как высший закон свободы) имеет, по Гегелю, духовную природу. А потому и постигается он лишь в процессе всего исторического развития человечества, всё более зримо проявляя себя на каждой его ступени. Нравственность в учении Гегеля о праве обнаруживает себя как действительная субстанциональная идея.

В пределах нравственной идеи понятие свободы имеет себя в качестве своей реальности или своей реальностью имеет сущее понятие свободы. «Нравственность есть понятие свободы, ставшее наличным миром и природой самосознания»³. Если моральность была формой воли в элементе её субъективности, то нравственность, сохраняя форму субъективности и самоопределения, имеет содержанием своё понятие свободы, как налично сущую свободу. Объективную сторону нравственности, согласно Гегелю, составляют в-себе и для-себя сущие законы и учреждения. Это – нравственные силы, управляющие жизнью индивидов, субстанциональные в них. «В простом тождестве с действительностью индивидов нравственное являет себя в качестве их всеобщего образа действий, как нравы, привычка к нравственному, как их

² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. – М., 1977. – С. 328–329.

³ Там же. С. 144.

вторая природа»⁴. Лишь здесь, в сфере нравственности, воля есть воля духа, соответствующая общественному началу или «всеобщей воле» Руссо. Здесь нравственное начало жизни общества обнаруживает свою внешнюю природу в форме права.

При этом вместе с всеобщим определением, благодаря которому нравственная субстанциональность общества получает своё право и значимость, в идее свободной воли (как всеобщей, так и личностной) находит своё признание и развитие момент субъективности⁵. Субъективная воля личности, с одной стороны, имеет нравственность своей абсолютной целью, а с другой – осуществляет её в своей деятельности, как нечто безусловно существующее. Тем самым нравственность имеет в субъективности принцип своей жизненности и осуществления, а субъективность в нравственности – свою внутреннюю сущность и объективное основание. Благодаря этому проникновению всеобщей и особенной воли друг в друга система нравственных определений заключает в себе нечто разумное и, безусловно, действительное, общественно значимое, обнаруживающее в себе потенциал правового содержания. Здесь Гегель отказывается следовать укоренившейся со времён Гоббса и Локка традиции объяснения нравственного, исходя из единичной воли, взятой в её случайном и обособленном определении. Он возвращается к точке зрения субстанциональности, которую начала разрабатывать греческая философия в учениях Платона и Аристотеля. Это связано с тем, что Гегель понимает природу общества не как сочетания отдельных частей и обособленных сфер, а как единство всеобщего и особенного⁶.

Нравственная идея как абсолютное единство единичности и

всеобщности свободы, самознания и его понятия трактуется Гегелем в качестве основы жизнедеятельности семьи и общества. Понятие нравственной идеи существует, согласно Гегелю, только в качестве духовной сущности общества, объективирующей себя саму и знающей себя в своей действительности. Всё предшествующее изложение «Философии права», начиная с абсолютного понятия, было краткой дедукцией этого определения. Лишь как возникающее из этой дедукции, оно обладает субстанциональной мощью абсолютной идеи и есть вечное определение духовной природы человека.

Дальнейшее развитие определённости этого понятия, что составляет одновременно и определение его наличного бытия, может послужить нам ориентиром для уяснения действительного отношения тех моментов природы государства, согласно которым она выступает в форме общества и в форме внутреннего государственного устройства, конституции. Лишь как моменты процесса самоопределения понятия нравственной идеи эти две формы обнаруживают внутреннюю, имманентную связь и раскрывают основание их действительного отношения друг к другу. Первым способом бытия нравственной субстанции, согласно Гегелю, является семья – непосредственный или природный дух.

Заслуга Гегеля состоит в том, что он подробно исследует роль и место семьи в процессе развития основ гражданского общества и государства. Принцип семьи содержит в себе моменты субъективной особенности и объективной всеобщности в их субстанциональном единстве. Нравственная идея есть здесь, поэтому, лишь в своём понятии. В семье находит своё действительное признание инди-

видуальная особенность личности, которая вместе с ним растворяется в чувствующем себя единстве нравственной любви. Благодаря этому духовному элементу непосредственная форма общения полов возвышается до устойчивого существования семейной жизни.

Влечение, чувство пропитываются представлением о должном и существенном. Совместное владение собственностью, воспитание детей лишь закрепляют это духовное начало и сообщают ему устойчивость наличного бытия. Семья оказывается первой ступенью возвышения единичной, субъективной воли над элементом природы, который с необходимостью здесь присутствует. Жизнь в семье есть, следовательно, начало действительного освобождения человеческого духа в сфере нравственности. Являясь непосредственной реальностью нравственной идеи, она вместе с тем имеет в себе самой возможность распада. Последний связан с возможностью расторжения брака ввиду случайности чувства.

Развитие нравственной идеи, однако, имеет своим результатом всё же не эту случайную негативность, а положительное развитие собственного принципа. Благодаря процессу расширения семьи она выходит в новую сферу – в сферу правовых отношений, в которой отношение индивидуумов между собой, и одновременно к принципу их субстанциональной свободы, где приобретает характер осознанности и большей устойчивости: «Право, которое принадлежит единичному на основе семейного единства и которое есть ближайшим образом его жизнь в самом этом единстве, лишь постольку выступает в форме правового как абстрактного момента определённой единичности, поскольку семья начинает распадаться, и те, кото-

4 Там же. С. 149.

5 См.: Быкова М.Ф. Проблема субъективности у Гегеля // Логос. – 1992. № 3. – С. 201–206.

6 Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990. – С. 231.

рые должны быть её членами, становятся по своим убеждениям и в действительности самостоятельными личностями, и то, что они составляют в семье как определённый момент, они теперь получают только в обособленности, следовательно, лишь с внешней стороны»⁷. Таким образом, личность начинает выступать не только как субъект межличностных, но и как субъект правовых отношений, как гражданин, составляющая единица гражданского общества. Однако для действительного достижения этого состояния человек ещё должен приобщиться к социальной культуре посредством образования и духовного воспитания.

Если в семье находит своё удовлетворение момент единичности, то в сфере правовых отношений свободная воля обретает своё право со стороны своей особенности. Сама ограниченность непосредственной реальности нравственной идеи делает семью подчинённым моментом и одновременно естественным основанием новой, более конкретной сферы. На этой ступени идея свободной воли обретает новое, более конкретное, право, так как здесь духовная субстанция являет собой видимость самостоятельного существования семей и отдельных лиц, которые преследуют свои собственные цели и удовлетворяют свои особые потребности во всей необходимости и случайности их определения. «Так как нравственность в качестве сущности необходимо есть являющаяся, она составляет мир явлений нравственного – гражданское общество»⁸.

Гегель различает гражданское общество и политическое государство. Гражданское общество для него – это сфера реализации особенных, частных целей и интересов отдельной личности. С точки зрения развития понятия

права это необходимый этап, так как здесь демонстрируются взаимосвязь и взаимообусловленность особенного и всеобщего. Развитость общества предполагает, по Гегелю, достижения такого единства, в рамках которого противоположности разума, в частности моменты особенности и всеобщности, воплощающиеся в свободе личности и общества как целого, признаны и развёрнуты в полной мере. Этого не было ни в античных государствах, ни в платоновском идеальном государстве, где самостоятельное развитие особенного (свобода отдельной личности) воспринималась как порча нравов и предвестник гибели нравственного целого – государства, ни в доктринах эпохи Средневековья (Фома Аквинский).

Итак, в качестве форм проявления духовных начал нравственности Гегель называет семью, организацию гражданского общества и государство. Вне основанной на взаимной любви семьи, вне развитого гражданского общества и построенного в соответствии с принципами разума и христианской веры государства, а также без гармоничного взаимоотношения этих социальных институтов, считал Гегель, нет и не может быть ни свободы, ни духовности. Мы находим в гегелевской философии права детально разработанное учение о личности, семье, гражданском обществе и государстве, которое конституируется посредством сопоставления субъективного и объективного, всеобщего и особенного начал права.

Наиболее ценное в философии права Гегеля – его диалектический метод, способ трактовки теоретического материала, ведь «для существа дела – понимания и трактовки проблем личности, общества, государства и т.д. – способ

подхода далеко не безразличен»⁹. Именно диалектический метод позволил Гегелю достичь главного в трактовке личности, гражданского общества, государства раскрыть их взаимосвязь, показать их внутреннюю целостность. В своём действительном отношении гражданское общество и государство раскрывают себя как моменты единого целого – системы нравственности, в которой реализуется личность человека. При этом гражданское общество является сферой внешнего единства, в которой находят своё удовлетворение частные, особенные интересы и потребности личности. Государство же выступает как налично данное, объективное выражение внутренней свободы личности, её всеобщей духовной природы.

Удачно выражает это отношение В.С. Нерсисянц в уже цитированной нами статье, посвящённой «Философии права», указывая при этом на системообразующую роль категории правопорядка: «Права и свободы индивидов и различных кругов целого (общин, корпораций, сословий, товариществ, общества), а также права самих государственных властей (монарха, правительства и законодательной власти), по Гегелю, действительны, разумны и правомерны лишь в качестве иерархически соподчинённых моментов правопорядка, пронизанного идеей суверенитета государственного целого. Когда какой-либо момент выпадает из этого контекста целого и в виде автономного начала противопоставляет себя всеобщему, ставит под сомнение его суверенитет, когда, следовательно, абстрактные формы права выступают не как разумно ограниченные моменты конкретного права, а как обособившиеся и оппозиционные целому права и свободы, – тогда последние превращаются в исток

7 Гегель Г.В.Ф. Философия права. – С. 209.

8 Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. – С. 168.

9 Нерсисянц В.С. «Философия права»: Диалектика объективного духа // Философия Гегеля: проблемы диалектики. – М., Наука, 1987. – С. 292.

произвола и насилия и являются симптомами болезни государственного организма»¹⁰.

При этом государство, гражданское общество и личность находятся по отношению друг к другу в состоянии постоянно возобновляемого противоречия, которое, в общем и целом, соответствует гегелевской логической схеме «всеобщее–особенное–единичное». Это противоречие, однако, составляет собственную природу нравственности, в пределах которой развиваются указанные духовные сущно-

сти (а Гегель понимает государство, общество и личность именно как сущности, имеющие духовную природу). При этом важно, чтобы данное противоречие не привело к дисбалансу отношения указанных трёх составляющих общественной жизни, а нашло форму своего диалектического разрешения, приводящего к развитию. Эту форму можно, используя современную юридическую терминологию, обозначить как правопорядок.

Следует, однако, отметить, что Гегель подходит к трактовке

проблем государства и права прежде всего как философ, а не как учёный-юрист, поскольку рассматривает эти проблемы не на конкретно-историческом, эмпирическом материале, а исходя из абстрактной идеи государства и общества как таковых. Поэтому многие глубокие и интересные мысли, подходы, а главное – сам способ трактовки правовых отношений ещё нуждаются в реинтерпретации в свете категорий и методик современной правоведческой науки.

¹⁰ Там же. С. 294.

Личность и общество

Ю.Е. ПУТИХИН, кандидат экономических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Академии бюджета и казначейства Министерства финансов Российской Федерации

J. POTEHIN, candidate of economic Sciences, Director of St. Petersburg branch Academy of budget and Treasury The Ministry of Finance of the Russian Federation

Идея экономической и социальной справедливости на рубеже XXI века (критическая интерпретация социальной философии Дж. Ролза) The idea of economic and social justice at the turn of the XXI century (critical interpretation of social philosophy John Bordley Rawls)

Аннотация: Автор статьи относится к числу немногих современных российских учёных, исследующих влияние "Теории справедливости" Джона Ролза (1921-2002) на экономические и социальные реалии XXI века. Концепция соотношения законности и справедливости в последние десятилетия подверглась серьезному переосмыслению: была сделана попытка примирить нравственно-правовые ценности индивидуализма и принцип равенства, «автономность» личности и вопросы перераспределения доходов.

Abstract: The author is one of the few modern Russian scientists investigating the effect of the "Theory of justice" by John Bordley Rawls (1921-2002) on the economic and social realities of the XXI century. The concept of ratio of legality and justice in the last decade has undergone a serious re-estimation: an attempt was made to reconcile the moral and legal values of individualism and the principle of equality, autonomy of the person and the issues of redistribution of income.

Ключевые слова: справедливость, законность, либеральные ценности, социальный выбор, рыночная экономика, неравенство, общественный договор, личность, добродетель, приоритет, возможности.

Key words: justice, lawfulness and liberal values, social choice, market economy, inequality, social contract, personality, virtue, priority capabilities.

Понятие экономической и социальной справедливости, начиная с эпохи Античности, постоянно находилось в поле зрения представителей социальной философии, экономической, политической науки, социологии.

Уже у первых философов мы находим осмысление справедливости как действия в соответствии с мировой космической закономерностью, которая должна быть воплощена в устройстве государства и в процессе воспитания

личности. Значительные изменения в понимание справедливости внесли софисты, которые вместо единой всеобщей естественной справедливости выдвинули на передний план её субъективистско-релятивистское понимание. Сократ, а затем Платон критиковали субъективизм софистов.

Платон сделал попытку обоснования вечности и всеобщности справедливости путём придания ей сверхчувственного божественного начала, трактуя при этом справедливость как высшую до-

бродетель, которая должна лежать в основе организации идеального государства и всех законов, как писаных, так и неписаных. Аристотель в истории этического мышления первый вычленил экономический и политический аспекты справедливости, её значение в экономике и политике, что впоследствии привело к замене философско-этического содержания справедливости экономическим и политическим содержанием. Работы Аристотеля имели парадигмальное значение, а впер-

вые предложенное им различие уравнивающей и распределительной справедливости стало фундаментальным для экономической и социально-философской теории.

Идеи античных мыслителей никогда не умирали. Но вместе с развитием общества меняется и содержание основных научных категорий, по-разному расставляются акценты. Так мы находим целый ряд изменений и новшеств, внесённых философским мышлением Нового времени в понимание категорий экономической и социальной справедливости, а именно: опровержение божественного и обоснование земного, общественного, происхождения справедливости; вместо этического содержания справедливости – выдвигание на передний план её экономического содержания; тесная её увязка с государственной политикой и законодательством; сближение содержания понятия справедливости и равенства в социальной и экономической сферах.

Согласно мыслителям Нового времени, справедливость состоит в защите и неуклонном выполнении договоров, заключённых в результате соглашений людей и являющихся основанием экономических отношений. В мышлении Нового времени постепенно укореняется мысль, согласно которой справедливость заключается в воздаянии по заслугам, обретении пользы, разумных действиях, неприкосновенности и защите частной собственности, неприемлемости словесных преимуществ, признании равенства и свободы людей и других моментах, характерных для современного понимания справедливости. Детализацию и конкретизацию этого содержания в связи с развитием проблематики экономической науки мы находим в творчестве выдающихся мыслителей XVIII–XIX веков: А. Смита,

И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса, Дж. Ст. Милля, а также русских философов этого времени С.Е. Десницкого, В.С. Соловьева, Б.Н. Чичерина и др.

В XX веке новый этап в развитии социально-философских взглядов на природу экономической и социальной справедливости был связан с понятием социального правового государства, в котором видели ответ на угрозу со стороны стихийной рыночной экономики и связанных с ней неравенством, безработицей, несправедливостью, а также экологической угрозой. Из этого следует, что проблемы справедливости приобретают совершенно особое значение. По мнению Дж. Ролза (1921–2002), конституирующим для послевоенного мироустройства «западного социума» является рациональный баланс между индивидуальной свободой и распределительной справедливостью. Данный баланс является основной его теории.

В 1961 году видный английский философ Г. Харт опубликовал ставшую знаменитой книгу «Концепция закона»¹, а Брайан Барри издал влиятельную работу «Политические аргументы»². Две эти книги знаменовали целую революцию в социально-философской трактовке понятия экономической и социальной справедливости в рамках аналитической философии. В работе Б. Барри была отвергнута этическая доктрина утилитаризма, которая является наиболее влиятельной для аналитической философии. Но, как признаётся сам автор, его книга принадлежит «доролзовской эпохе», и именно «Теория справедливости» Дж. Ролза может восполнить пробел, который характерен для современного гражданского общества.

Без сомнения, понятие справедливости на рубеже XXI века

развивается на Западе под преимущественным влиянием идей или даже в прямой интерпретации Дж. Ролза. Фундамент «теории справедливости» Дж. Ролза составляет рациональный баланс между индивидуальной свободой и социально легитимированной справедливостью.

/Справка: Дж. Ролз – один из крупнейших современных американских теоретиков реформистского либерализма, автор теории справедливого общественного устройства на принципах рыночной экономики. Дж. Ролз преподавал в ведущих американских университетах, был профессором Гарвардского университета. В 1958 и в 1963 годах в журнале «Философический ревью» учёный опубликовал первые наброски своей теории справедливости, вызвавшие широкий резонанс в академических кругах. В 1971 году был издан его основной труд «Теория справедливости», давший мощный импульс возрождению интереса к философии экономики в США и переосмыслению традиционной трактовки либеральных ценностей. В этом труде Дж. Ролз разработал концепцию справедливости, соответствующую демократическому обществу. Данная работа представляет особый интерес по двум обстоятельствам: во-первых, все свои общетеоретические размышления автор доводит до описания социальных механизмов, предусматривающих их эмпирическую интерпретацию, опору на конкретные социальные индикаторы; во-вторых, в нашей ситуации – идейного раскола российского общества нам крайне интересно знать, какой представляется оптимальная модель социального устройства общества авторитетному и глубокому западному теоретику, прочно стоящему на позициях традиционных либеральных ценностей.^{3/}

1 Hart H. The Concept Of Law. – Oxford, Clarendon Press, 1961.

2 Barry B. Political Argument. – London, Routledge and Kegan Paul, 1965.

3 Ролз Дж. Теория справедливости / Перевод и науч. ред. Целищева В.В. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С. 5.

Значимость проблематики, поднятой Дж. Ролзом, была хорошо подмечена К. Муздыбаевым: «Идея справедливости – одна из самых влиятельных в духовном универсуме человечества. В утверждаемых ею принципах заключены нормы и стандарты индивидуальной и общественной жизни. Поэтому каждый раз её новая трактовка трансформирует целые общества, изменяет характер социальных и политических учреждений. В основе социального выбора лежат прежде всего конкретные взгляды на справедливость»⁴.

Со времени своей публикации «Теория справедливости» заняла ведущее место в западной литературе как выражение классического либерализма современного толка. Как критики, так и поклонники Дж. Ролза отмечают, что социальная философия Запада разделяется сейчас на «доролзовскую» и «послеролзовскую» эпохи. По мнению С.Н. Демина, в этой работе автору удалось преодолеть крайности двух концепций в рассмотрении социальной справедливости, наиболее характерных для представителей современной западной теоретической мысли. В рамках первой концепции раскрывается взаимосвязь экономической справедливости и свободы, а в рамках второй – взаимосвязь социальной справедливости и равенства.⁵ По мнению Е.Б. Сваровской, «чтобы не быть очередной утопией, теория, на которую претендует Дж. Ролз, должна апеллировать не только к отдельным аспектам современной общественной жизни, но и к целостному видению её»⁶.

Ввиду того, что «Теория справедливости» Дж. Ролза написана на стыке многих наук – помимо социологии, этики, философии, – в

ней присутствуют экономические, юридические, политологические и информатизационные аспекты с привлечением средств современной аналитической философии, теории игр и решений. Можно сказать, что данная работа имеет явно междисциплинарный характер и «могла быть с равным успехом написана юристом, экономистом, политологом» – отметил известный американский правовед Р. Рорти.⁷ Как указывает Ю.Г. Гусейнов, «социальная справедливость представляет собой сложное многоплановое понятие и выступает как взаимодействие экономики, права, политики и морали»⁸.

Аргументация Дж. Ролза в пользу справедливого общества привлекается из самых разных областей общественной жизни:

- экономический анализ категорий благосостояния и справедливости, основанный на критерии Прето и критерии Калдора-Хиккса;
- политический анализ конституционной демократии и сопутствующей ей процедурной справедливости;
- моральный анализ справедливости в сопоставлении с ведущими этическими взглядами;
- философский анализ рациональности как основы либерализма;
- теоретико-игровые модели общественного договора;
- методологический принцип рефлексивного равновесия в качестве структуры общественной теории.

Методологический подход автора характеризуется стремлением комплексно обобщить наиболее значимые существующие либо существовавшие в науке подходы к анализу рассматриваемых процессов и явлений. Дж. Ролз подробно

рассматривает все возможные аргументы «за» и «против», обильно цитирует теоретиков, как классиков, так и современников, иллюстрирует ход рассуждений многочисленными схемами и таблицами, порой прибегает к логическому и математическому аппарату.

Как пишет Дж. Ролз, его теория «не концепция справедливости, которая является истинной, а такая, которая может служить основой сознательности и желательного политического соглашения»⁹. Она предлагает рецепт урегулирования многих важных вопросов экономической и социальной жизни. Тип философствования Дж. Ролза оказал исключительно сильное влияние на всю современную англо-американскую социальную философию. Дж. Ролз в значительной мере «восстанавливает английскую традицию Милля, настаивавшего на связи своих политических рассуждений с фундаментальными исследованиями моральной психологии и политической экономии»¹⁰.

«Теория справедливости» Дж. Ролза – одна из многих теорий, посвящённых справедливому устройству экономики. Справедливость понимается им как честность в выполнении соглашения. Это его специфическое понимание, напрямую связанное с теоретико-игровым подходом к пониманию общества. Учёный идёт к определению социальной справедливости двояким путём. Во-первых, он формулирует общие принципы справедливости, которым должно отвечать любое общественное устройство. Во-вторых, на основе философских рассуждений он стремится показать, что человек обладает абсолютными правами независимо от исторических условий.

4 Муздыбаев К. Идея справедливости // СоцИС. – 2002. № 11. – С. 94.

5 Демин С.Н. Социальная справедливость (философско-методологический анализ). – М., 2001. – С. 9.

6 Сваровская Е.Б. Структура и эволюция «Теории справедливости» Джона Ролза. – Новосибирск, 1999. – С. 6.

7 Rorty R. *Consequences of Pragmatism*. – Harvesrer Press, 1982.

8 Гусейнов Ю.Г. Социальная справедливость и пути ее реализации: Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. – Баку, 1991. С. 12.

9 Ролз Дж. Теория справедливости. – С. 9.

10 Шохов И.П. Правда о справедливости. – М., 1995. – С. 32.

Общепринятым положением является представление о справедливости, отражающее в первую очередь образ справедливых человеческих отношений. Как подчёркивал В.Н. Кудрявцев, «критерий справедливости вообще представляет собой достаточно точный и очень чуткий эталон для оценки степени соответствия той или иной нормы общественным нуждам и интересам»¹¹. Именно в этом смысле она была заложена в социальную идею, включающую идеал социальной справедливости, людской солидарности в противовес вражде и угнетению.

Определяя роль принципа справедливости в экономике, Дж. Ролз утверждает, что справедливость – это главная добродетель человеческой деятельности. Социальные институты выступают у него в роли дистрибьютора. Поэтому он считает, что для различных общественных устройств необходим набор принципов для составления исходного соглашения между людьми. Само понятие справедливости очень широко: справедливыми или несправедливыми могут быть законы, социальные институты, общественные системы, конкретные поступки людей, их суждения, установки, жизненные позиции и т.д. Для Дж. Ролза первичной основой справедливости является фундаментальная структура общества – общественный уклад. Он формулирует приемлемую концепцию справедливости для «базисной структуры общества».

С другой стороны, в качестве своих основных оппонентов в понимании справедливости с этической стороны Дж. Ролз видит представителей утилитаризма и интуитивизма. Эти два направления занимали и сейчас занимают ведущее место в этической мысли Запада. Более того, утилитарист-

ские концепции занимают прочное место в экономико-социальных построениях, связанных с государством, концепцией, играющей видное место в политических программах различных направлений на Западе. Как отмечает Б.Н. Кашников, «по степени аналитичности и обоснованности эта теория не только соперничает с утилитаризмом, но и значительно превосходит его»¹².

Следует отметить, что один из главных подходов к справедливости – удовлетворение основных потребностей – в какой-то мере входит в формулировку принципов самого Дж. Ролза.

Поэтому стоит более подробно рассмотреть процедуру выбора принципов в исходном положении. Два принципа справедливости выбираются у него в том случае, если бы стороны приняли правило максимина в условиях неопределённости. Это правило, по мнению Дж. Ролза, единственный приемлемый для каждого индивида критерий справедливого распределения социальных благ. Он предлагает участникам договора такой способ организации общества, при котором минимальная доля максимизируется, т.е. наименее преуспевающие люди будут знать, что их положение обеспечит им максимально-минимальные преимущества, вытекающие из неравенства, которое они осознают. В процессе взаимодействия учитываются основополагающие интересы индивида. Справедливость заключается в том, что гражданам обеспечена возможность предотвращать принятие таких решений, которые могут повлечь за собой неблагоприятные для них последствия. В обществе, в котором будут совместно провозглашены моральные максимины, должен будет снизиться до минимума риск возможной неудачи.

Из этого следует вывод, что правило максимина устанавливает целесообразный рациональный стандарт возмещения для «наименее удачливых» последствий естественных и социальных случайностей. Когда правило максимина принято, Дж. Ролз включает индивидов в реальную общественную жизнь, со всеми свойственными ей противоречиями.

Убеждения в сочетании со знанием обстоятельств приводят нас к разумным суждениям о справедливости и осознанию принципов, руководящих деятельностью людей. Но можем ли мы исключить те суждения, где проявляется некомпетентность, а также сделанные в состоянии аффекта, страха или расстройства, так как такие суждения либо близки к ошибочным, либо спровоцированы гипертрофированным вниманием к нашим индивидуальным интересам. Взвешенные суждения демонстрируют наше чувство справедливого. Но для того чтобы избежать интуитивного представления о справедливости на основе априорных суждений, человеку необходимо познакомиться с теорией справедливости Дж. Ролза.

Дж. Ролз считает, что для того чтобы достичь «честного-справедливого» общества, людям необходимо сделать самый главный выбор, который им придётся осуществлять совместно: это выбор принципов, с помощью которых регулируется последующая критика и реформы социальных институтов.

Нужно отметить, что два принципа справедливости по Дж. Ролзу, которые выделяют критики, на самом деле в «Теории справедливости» имеют три формулировки, различные между собой. Это вызвано эволюцией взглядов автора книги на проблему справедливости и способов её достижения.

11 Кудрявцев В.Н. Механизмы социальной деформации // Вопросы философии. – 1989. № 11. – С. 8.

12 Кашников Б.Н. Теория справедливости Ролза как доктрина гражданского общества // Этика гражданского общества: Тезисы докладов всероссийской научно-технической конференции. – Владимир, 2002.

Дж. Ролз говорит о том, что первая формулировка принципов носит экспериментальный характер. «Первый принцип: каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных, совместимых с подобными схемами свобод для других.

Второй принцип: социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы (а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех, и (б) доступ к положениям и должностям был бы открыт всем»¹³.

Предлогом для уточнения принципов послужила неточность фраз «преимущества для всех» и «открыт всем». Таким образом, второй вариант первого принципа выглядит так: «Первый принцип: Каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами для других. Хотя формулировка второго варианта практически совпадает с формулировкой первого варианта, отличие состоит в том, что принцип дополняется правилом, существенным для понимания действия этого принципа»¹⁴.

«Правило приоритета. Принципы справедливости должны располагаться в лексическом порядке, и, следовательно, свобода может быть ограничена только во имя самой свободы. Существуют два случая: (а) менее распространённая свобода должна укреплять всю систему свободы, разделяемую всеми, и (б) свобода, меньшая, чем равная, должна быть приемлемой для граждан, обладающих этой меньшей свободой»¹⁵.

Два принципа справедливости Дж. Ролз выстроил, согласно правилу приоритета, в иерархическом (лексическом – в его терминологии)

порядке. «В целом это соответствует традициям моральной философии со времён Хатчесона и Дж. Милля и вплоть до наших дней. Речь идёт об определённой иерархии, разделении по рангам, упорядочивании. Это такой тип порядка, который предполагает удовлетворение первого принципа, только после этого мы можем перейти ко второму, третьему и т.д. Принцип не начинает действовать, пока не выполнены или не применены предыдущие. ... Тем самым принцип равной свободы оказывается приоритетным по отношению к принципам, регулирующим экономическое и социальное неравенство. Или, иными словами, основополагающая структура общества должна регулировать неравенство в распределении богатства и власти таким способом, чтобы оно было совместимо с равной свободой, на чём настаивает первый принцип»¹⁶.

Второй вариант второго принципа имеет уже другое название – «принцип различия». Социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы они были: (а) к наиболее ожидаемой выгоде наименее преуспевших и делали (б) доступ к должностям и положениям открытым для всех в условиях честного равенства возможностей.

Формулировка третьей модели называется «теорема Ролза». В дополнение к двум принципам справедливости Дж. Ролз добавляет правила приоритета, которые следует считать частью его принципов.

Первый принцип: каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами свобод для всех остальных людей.

Второй принцип: Социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно (а) ведут к наибольшей выгоде наименее преуспевших, в соответствии с принципом справедливых сбережений, и (б) делают открытыми для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей.

Первое правило приоритета (приоритет свободы): принципы справедливости должны располагаться в лексическом порядке, и, следовательно, основные свободы могут быть ограничены только во имя самой свободы.

Существуют два случая: (а) менее широкие свободы должны укреплять всю систему свободы, разделяемую всеми; и (б) свобода, меньшая, чем равная, должна быть приемлемой для граждан, обладающих этой меньшей свободой.

Второе правило приоритета (приоритет справедливости над эффективностью и благосостоянием): второй принцип справедливости лексически предшествует принципу эффективности и принципу максимизации суммы выгод; а честное равенство возможностей предшествует принципу различия.

Существуют два случая: (а) неравенство возможностей должно увеличивать возможности людей с меньшими возможностями; (б) чрезмерная ставка сбережений должна в итоге уменьшать бремя тех, на ком оно лежит.

Изложенное выше является полной формулировкой принципов справедливости Дж. Ролза.

На самом деле мнения критиков расходятся по поводу толкования принципов справедливости Дж. Ролза. Например, Т.А. Алексеева считает, «что модель Ролза фактически содержит три принципа справедливости.

13 Ролз Дж. Теория справедливости. – С. 66.

14 Там же. С. 223.

15 Там же.

16 Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция. – М., 2001. – С. 21–22.

1. Принцип наивысшей равной свободы.

2. Принцип справедливого равенства возможностей.

3. Принцип различия»¹⁷.

Именно эти принципы и являются результатом общественного договора. Они справедливы, так как процедуры их формулирования были честными. Данные принципы соответствуют взвешенным суждениям в состоянии рефлексивного равновесия. Таково мнение Дж. Ролза.

Интерпретация «справедливости» до настоящего времени базировалась на равенстве возможностей и вознаграждения за одинаковый труд. На деле люди наделены разными способностями, получают неодинаковое образование, воспитание, наследство, ставят перед собой разные жизненные цели, имеют разные потребности. Следовательно, справедливость может в лучшем случае означать

равенство исходных шансов для всех индивидуумов, но и это требование трудно реализуемо, учитывая различия в стартовой ситуации. Поэтому попытка установить справедливость должна сводиться к устранению определённых крайних проявлений неравенства возможностей, в результате которых целым группам и классам с самого начала закрыт доступ к важным жизненным благам. Но ведь можно также исходить непосредственно из потребности людей, а «справедливость» определять как право на те или иные материальные и нематериальные блага, необходимые для поддержания достойного человека образа жизни. Поэтому ширится осознание того, что общественный строй нельзя считать справедливым, если он не гарантирует всем гражданам удовлетворение их основных потребностей. Следовательно, равенство нельзя отождествлять со справед-

ливостью не только потому, что справедливость шире понятия равенства, но и потому, что относительное социальное и экономическое неравенство исторически не всегда несправедливо.

Таким образом, по Ролзу, экономическая и социальной справедливость – это не вопрос соглашения с некоторым идеалом или предпочтительной структурой распределения. Теория справедливости должна быть теорией чисто процедурной справедливости. Такого рода современная реинтерпретация классического (прежде всего кантовского и неокантовского) социально-философского наследия определила высокий теоретический уровень творчества Дж. Ролза, при всей новизне и оригинальности его воззрений на проблему воплощения принципов экономической справедливости в современном социальном пространстве.

Артём Валерьевич Фаизов, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы, НОИР
 Artem Faizov, Ph.D., associate professor of the Department of Social work of the NOIR
 e-mail: manuscriptor@yandex.ru, marcus_porcius_cato@mail.ru

«ЭВОЛЮЦИЯ» ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА (1726-1730 гг.)

«Evolution» of the Supreme Privy Council (1726-1730)

Аннотация: Автор статьи рассматривает изменения формальных и фактических статусов Верховного тайного совета с точки зрения развития его властных полномочий и его взаимодействия с самодержавными правителями и Сенатом как высшим государственным учреждением

Abstract: The author considers the changes of formal and actual status of the Supreme Privy Council in terms of the development of its powers and its interaction with the autocratic rulers and the Senate as the highest state institution

Ключевые слова: История Российской империи XVIII в., эпоха дворцовых переворотов, развитие российской монархии, история высших органов власти, царствование императрицы Екатерины I, Правительствующий Сенат, Верховный тайный совет.

Keywords: History of the Russian Empire in the XVIIIth century, Period of palace coups, the development of the Russian monarchy, the history of the institutions of higher authority, the reign of Empress Catherine I, the Governing Senate, , the Supreme Privy Council.

Под влиянием объективных исторических факторов, а также субъективных соображений вельмож и самой императрицы Екатерины I в феврале 1726 г. был учрежден новый высший государственный орган – Верховный тайный совет. Необходимость его создания вытекала из самой организации центральных органов управления, созданной Петром в качестве средства осуществления абсолютной власти со стороны монарха. Сенат, будучи до создания совета юридически высшей инстанцией, не мог оперативно управлять страной. Новая управленческая структура оказалась уникальной с точки зрения той эволюции, которую ей пришлось пережить за довольно короткий период существования (1726-1730 гг.).

Цель статьи – установить основные вехи в развитии формального и реального статуса одного из самых своеобразных государственных учреждений власти XVIII в. – Верховного тайного совета.

Совещательный орган и высшее правительственное учреждение при государыне

Согласно донесениям иностранных резидентов, уже в первый год царствования Екатерины I при императрице действовал неофициальный совет из влиятельных сановников «министров»¹. В частности, де Кампредон писал о заседаниях совета по иностранным делам в мае, октябре, декабре 1725 г. и январе 1726 г.² Но такие неорганизованные советы императрицы и «министров» в ситуации ожесточенной придворной борьбы не могли устраивать ни государыню, ни ее высших сановников.

8 февраля 1726 г. был издан указ, которым учреждался Верховный тайный совет³. В нем отмечалось, что тайные действительные советники, входившие в состав Сената, «часто имеют по должности своей, яко первые министры, тайные советы о политических и о других важных государственных делах». Некоторые из них вместе с тем возглавляли коллегии, «от

чего в первом и весьма нужном деле в Тайном Совете немалое им чинится помешательство...». Таким образом, Екатерина I официально признавала существование при ней нелегальных «тайных советов». Теперь советники императрицы выводились из состава Сената и назначались в особый высший государственный орган, который был уполномочен решать «внешние... и... внутренние Государственные важные дела». Указ от 8 февраля зафиксировал и то место, которое новое учреждение должно было занять в системе центральных органов: «в Сенат и во все Коллегии и прочие места, куда будет подлежать» Совет имел право «посылать указы»; из Сената и коллегий предписывалось «писать, о чем самом важном деле случится, по сему: доношение в Верховный тайный совет». Новый государственный орган, по сути дела, оказывался во главе всех центральных властных инстанций.

Заканчивался этот документ следующим положением: «сие

определение на первое время служить имеет, а впредь как тому быть... о том сочинить явственное и обстоятельное определение, и со временем донести Ея Императорскому Величеству»⁴. Императрица, учредив в помощь себе Совет, который бы облегчил для нее государственные обязанности, предоставляла своим советникам право самим определить основания своей деятельности, исходя из практики функционирования нового высшего учреждения.

Итак, Екатерина I создала весьма своеобразное высшее учреждение. С одной стороны, его члены действительно были советниками правительницы в вопросах верховного управления. С другой стороны, эти советники самодержицы образовали высший орган власти, который имел возможность в дальнейшем замещать ее в правительственной деятельности.

Следующим крупным актом, затронувшим компетенцию нового органа, стало «Мнение не в указ о новом учрежденном Тайном Совете», составленное герцогом Голштинским⁵ и утвержденное 16 марта 1726 г.⁶ императрицей. Полномочия Верховного тайного совета и здесь не были жестко регламентированы, поскольку «мнение не в указ» формулировало лишь их общие принципы – он являлся и высшей законосовещательной, и высшей административной, и высшей судебной властью. В «мнении не в указ»⁷ отмечалось, что императрица будет председательствовать в Совете, который «не следует считать за особый коллегийум, потому что он служит к облегчению Ее Величества в тяжком бремени правления», благодаря чему «все дела скорее будут отправляться». То, что члены Совета стремились подчеркнуть, что их совет не является «особливым коллегийумом», означает их нежелание превращаться в представителей учреждения подобного Сенату, где каждый бы имел значение только как член данного учреждения. Они скорее

стремились стать «министрами», каждому из которых Екатерина предоставила бы особые полномочия в пределах их компетенции. Одновременно границы этой компетенции были очерчены очень расплывчато. Формула «служит к облегчению» подчеркивала совещательный характер данного учреждения.

К именованным указам, согласно «мнению», теперь прибавлялась формула «дан в нашем Тайном совете». Никакие указы не должны были выходить, «пока они в Тайном совете совершенно не состоялись...». Каждый законодательный акт сначала должен был проходить через Совет, а затем уже в законченном виде представляться на подпись государыни⁸. Это, впрочем, не ограничило власти императрицы. Пытаясь по-возможности оградить себя от правительственного труда, она добровольно наделила своих советников правом выполнять ее именем ту работу по управлению государством, которую должен был выполнять сам монарх, нисколько не ограничивая пределов своей самодержавной власти. Поэтому граф Сперанский вполне справедливо оценивал полномочия Верховного тайного совета: «Сей обширной власти не было других пределов, кроме власти императорской, пред которой Совет во всех делах непосредственно ответствен»⁹.

Рапорты в Совет, согласно «мнению», должны были писаться прямо на имя императрицы «с прибавкою: к поданию в Тайном совете»¹⁰. Для определения компетенции данного учреждения наиболее важными являются следующие пункты «мнения»: «Дела, подлежащие ведению Тайного совета, суть: а) чужестранные; б) все те, которые до Ея Императорского Величества собственного высочайшего решения касаются» (п. 9). Выделение внешнеполитических дел в отдельный (к тому же первый) пункт, как нам представляется, должно было продемон-

стрировать связь нового Совета с Тайным советом Петра I, который преимущественно занимался разрешением данных вопросов. Более того «каждое почти заседание Совета открывается чтением иностранной почты с реляциями от министров российских...»¹¹. Впрочем, на практике в сферу ведения екатерининского высшего органа вошли важные дела самого разнообразного характера.

Что касается второго пункта (б), то он придавал компетенции Совета в сфере внутренних дел двойной характер. С одной стороны, ведомству Совета подлежали все дела верховного управления, которые не могли быть решены на основе действующего законодательства, и потому требовавшие личного вмешательства монарха. Эта же мысль проводится и в другом пункте «мнения»: «Сенат и прочия коллегии остаются при своих местах; но дела особенной важности, о которых в уставе нет определений или которые подлежат собственному решению Ея Императорского Величества, они должны с своим мнением передавать в Верховный Тайный Совет». Но с другой стороны, Совет, который фактически имел безграничную власть самодержавного государя, вполне мог заниматься совершенно любым вопросом, в том числе самым мелким, частным и незначительным¹².

Таким образом, в своем «мнении не в указ» верховники давали понять, что функции их учреждения будут столь же многообразны и сложны, как и у самодержавного правителя. Однако между императрицей и Советом стоял кабинет-секретарь А.В. Макаров, который излагал ей «мнения» Совета, передавал ему волю Екатерины I¹³. Большое значение Кабинета Е.И.В. было закреплено именованным указом от 7 сентября 1726 г., которым архангелогородскому губернатору Измайлову было предписано, чтобы «прежде писали» о «каких новых и важных делах»

императрице в Кабинет¹⁴. Подобные постановления были изданы и в отношении других губернаторов и командующих генералов. Копии с кабинетных указов присылались в Совет «только для известия, а не для резолюции».

Кроме того, в случае если верховники не решались взять на себя ответственность за решение весьма сложного дела, они обращались к императрице. Взаимоотношения между Советом и императрицей устанавливались либо через доклады советников императрице (личные или коллективные)¹⁵, либо через именные указы, которые сообщались Совету к исполнению. Но число относительно самостоятельных именных указов императрицы было невелико, и касались они всегда более или менее второстепенных дел¹⁶.

Следовательно, Совет был подконтрольным самодержице посредством ее личной канцелярии – Кабинета Е.И.В. – высшим совещательным и исполнительным органом, состоявшим из доверенных лиц, решения, которого были по форме коллегиальными и утверждались императрицей.

Заместитель Екатерины I

В указе от 8 февраля Екатерина I пообещала лично присутствовать в Верховном тайном совете, затем в «мнении не в указ» герцог Голштинский заявил: «Причина есть уповать, Ея Величество в Тайном совете персонально часто присутствовать будет»¹⁷. Но скоро стало ясно, что этим обещаниям и предположениям не суждено было сбыться¹⁸. Действительно, согласно журналам Совета, в первый год его существования самодержица принимала личное участие в заседаниях верховников. Но уже со второго полугодия случаи ее присутствия становятся заметно реже, а в 1727 г. вплоть до своей кончины (6 мая этого года) она совсем не бывала в Совете¹⁹. Верховному тайному совету приходилось просить царствующую особу «пожа-

ловать их своим присутствием»²⁰. Монархиня неоднократно выражала свое желание присутствовать на заседаниях²¹. В этом случае верховникам рассылались соответствующие оповещения, однако вскоре вновь присылались капралы и служители с сообщением, что государыня передумала или не может быть в присутствии²². Редкие присутствия императрицы на заседаниях высшего правительственного органа способствовали расширению его обширных полномочий, т.к. он должен был восполнять отсутствие самодержицы в системе управления.

В период существования Совета (как и до и после этого) имела место практика объявления указов в устной форме. 24 апреля 1727 г. этот порядок был даже узаконен следующим постановлением: «рассуждено, когда кто из присутствующих в Верховном тайном совете особ или господин т. с. Макаров объявил о именном указе, то по окончании протокола писать того объявителя имя, дабы впредь известно о том было, с чего тот указ учинен»²³. Внутри данного учреждения устные указы императрицы приобретали вид его письменных протоколов.

Затем, когда А.Д. Меншиков отправился в Курляндию, члены высшего органа предложили императрице издать указ против его злоупотреблений: «Не соизволили Ея В-во впредь, ежели о каких делах повеление Ея В-ва кому будет, а касаться то будет до Сената или до какой Коллегии, чтобы о том те люди прежде объявляли в Верховном тайном совете, откуда о том указы посылаются будут, а мимо Верховного тайного совета в Сенате и в Коллегиях словесных Ея В-ва указов не объявляли бы». Самодержица согласилась с представлением Совета, и 4 августа 1726 г. был издан именной постановлением, согласно которому Сенату было велено «не верить» указам словесным или даже письменным «без подписания Нашей

Собственных руки или всего Верховного Тайного совета»²⁴. Смысл его представляется вполне очевидным. Императрица стремилась сократить возможности злоупотреблений для своих приближенных (А.Д. Меншикова) путем объявления устных ее указов. Вместе с тем косвенное приравнение указов самодержицы и «всего» Совета являлось новым инструментом сосредоточения бремени государственных забот на высшем органе при сохранении неограниченной власти монархини.

Права своей властью издавать постановления обязательные для всех других государственных учреждений Верховный тайный совет формально не имел. Действовал он исключительно по указанию императрицы. Такое положение представитель дореволюционной историографии А.С. Алексеев интерпретировал несколько односторонне. Он утверждал, что указов, «которые исходили бы от Совета без апробации императрицы» вообще не было, были «только именные указы, объявленные из Верховного тайного совета»²⁵. Формально так и было. Но это не помешало членам высшего учреждения отправлять указы кому угодно именем самодержицы, что отразилось в их делопроизводстве. Именные указы теперь составлялись внутри Верховного тайного совета, причем Екатерина I далеко не всегда знала о них²⁶. И в тех случаях, когда дела действительно направлялись к докладу императрице (например, при назначениях на должности – президентов коллегий, губернаторов и др.), она зачастую только утверждала постановления Совета. Собственно именных указов было немного, и касались они достаточно узкой сферы личной деятельности государыни. Однако и эти распоряжения нередко либо подсказывались Екатерине Алексеевне членами высшего учреждения (например, А.Д. Меншиковым и др.), либо также проходили через Верховный

тайный совет, но об этом в них не упоминалось. Примерами последнего являются обнародованные в 1726 г. «декларация о позволении великобританским купцам производить в России свободу торговли»²⁷ и именной указ о разделении Синода на два департамента²⁸.

Регент

В начале мая 1727 г., согласно донесению саксонского резидента Ф. Лефорта, во дворце состоялось собрание высших государственных чинов по поводу опасной болезни Екатерины Алексеевны. Это собрание высказалось за предоставление прав регента Верховному тайному совету²⁹. 6 мая 1727 г. императрица Екатерина I скончалась. По ее завещанию («Тестаменту») на престол взошел юный Петр II. Регентом при нем был назначен Верховный тайный совет. Это, несомненно, вносило юридическую перемену в положение последнего. В частности, в «Тестаменте» указывалось следующее.

«... 3)[великий князь Петр Алексеевич]... не имеет, за юностью, в правительство вступать.

4) Во время малолетства имеют администрацию нести Наши обе Цесаревны, Герцог и прочие члены Верховного Тайного Совета, который обще из 9 персон состоять имеет.

5) И сим иметь полную власть правительствующего самодержавного государя, токмо определения о сукцессии ни в чем не отменять.

6) Множеством голосов вершить всегда, и никто один повелевать не имеет и не может.

7) Великий Князь имеет в Совете присутствовать; а по окончании администрации [срока регентства] ни от кого ответа не требовать...»³⁰.

Ранее так называемые «именные указы, объявленные из Верховного тайного совета», во всяком случае формально, были постановлениями монарха, изданными после его ознакомления с мнением высшего совещательного органа. Теперь эти указы стали постанов-

лениями самого высшего правительственного органа и по закону не нуждались в утверждении государем. Император до своего совершеннолетия становился лишь одним из 9 равноправных членов Верховного тайного совета.

Впрочем, фактическим регентом первое время после смерти Екатерины I являлся светлейший князь А.Д. Меншиков. Став тестем Петра II, он достиг наивысшего могущества. Сам же император до падения светлейшего князя (8 сентября 1727 г.) присутствовал в Верховном тайном совете всего лишь три раза.

В царствование Петра II строго соблюдалось³¹ постановление от 24 апреля 1727 г., которым предписывалось письменно фиксировать в протоколе Верховного тайного совета имя человека, объявлявшего ему некий устный указ³². Фактически одним Верховным тайным советом осуществлялись пожалование чинами, орденами, землями, назначение на должности и др. мероприятия. Так, в мае 1727 г. члены Совета назначили «главным командиром корпуса войск на царицынской линии» генерала Чекина, «чтоб не упустить времени». Указ этот содержал обычную формулу: «Его Имп. В-во указал...», хотя Петра II в это время в Москве (где происходило заседание Совета) не было³³. В июне верховники самостоятельно, без доклада императору, наградили орденом Александра Невского генерал-лейтенанта Левашева³⁴.

После получения регентских прав Совет ликвидировал ранее его контролировавший Кабинет Е.И.В. Специального постановления, предполагавшего упразднение Кабинета Е.И.В., издано не было, как не было и закона об его учреждении. Верховный тайный совет дал только два распоряжения, косвенно на это направленных. Это указы от 24 и 30 мая 1727 г.

24 мая 1727 г. Советом был объявлен именной указ: местной администрации докладывать о «но-

вых важных делах» (напр., «война, мор и какое замешание»), о которых ранее, прежде всего, доносили в Кабинет Верховному тайному совету³⁵. Упразднение Кабинета Е.И.В. было довольно обоснованным в том смысле, что потребность в контроле за Верховным тайным советом со стороны монарха теперь отсутствовала.

30 мая 1727 г. А.В. Макарову было повелено составить описи дел и всего имущества Кабинета Е.И.В. и представить их в Верховный тайный совет. Кроме того, ему предписали сдать все кабинетские дела в Сенат и коллегии, «что к которой надлежит». А.В. Макаров и Черкасов получили новые назначения³⁶.

Совещательный орган при государе

Полновластие Меншикова в Совете продлилось недолго. В начале сентября 1727 г. светлейший князь, «олицетворение той героической и морально-безобразной эпохи»³⁷, оказался под арестом. Петр II объявил себя совершеннолетним, повелел всем указам выходить не иначе, как за его подписью, а Совету действовать «при боку Нашем»³⁸. Этот указ был объявлен Верховному тайному совету как постановление самодержца. С этого момента высший орган формально перестал быть регентом. После ареста А.Д. Меншикова, император три дня подряд посещал Верховный тайный совет и старался вникнуть во все дела³⁹. Через неделю Петр II снова присутствовал на заседании⁴⁰. Затем последовал долгий перерыв⁴¹.

Фактический правитель

В конце того же сентября Петр II снова удалился от дел, представив их Совету⁴², а сам «исчез в веселом вихре»⁴³. Отсутствие императора в собрании стало правилом⁴⁴. 26 сентября было повелено все указы, исходящие из Верховного тайного совета за подписью одного тайного советника В. Сте-

панова, считать именными и «чинить по оным исполнение неотложное»⁴⁵.

В отличие от Екатерины I, которая очень редко посещала заседания Совета, Петр II почти совсем не принимал в них участия⁴⁶. Посещения заседаний императором могли быть обусловлены переменами в придворных влияниях. В некоторых случаях А.И. Остерман собирал заседание у себя и приглашал Петра. Это стоило больших усилий и требовалось, по-видимому, в исключительных случаях, так как Верховный тайный совет был уже вполне самостоятельным и мог совершенно обходиться без монарших визитов. После заседаний у А.И. Остермана⁴⁷ император более не участвовал непосредственно в работе Совета. Хотя однажды он и дал обещание присутствовать в собрании два раза в неделю⁴⁸.

Всего за время, прошедшее после ссылки светлейшего князя, император принял участие еще в 6 заседаниях Совета⁴⁹. Иными словами: во второй половине 1727 г. Петр II присутствовал на 5 заседаниях, в 1728 г. – на 2, в 1729 г. император совсем в Совете не бывал.

Таким образом, при Петре II после ссылки А.Д. Меншикова Верховный тайный совет развился до уровня фактического правителя империи, а после смерти юного государя в 1730 г. он с 18 января до 28 февраля 1730 г. Совет являлся единственным правителем империи. Впервые он издавал постановления не от имени монарха, а от собственного имени. Тогда в делопроизводстве высшего учреж-

дения появилась новая форма: «Протокол и указ Верховного тайного совета». Его постановления начинались следующими словами: «...Верховный тайный совет приказали», а подписывались они 3-6 членами, а иногда также одним В. Степановым⁵⁰. Совершенно самостоятельно Совет в эти дни утвердил также один манифест и форму присяги новой императрице⁵¹. Затем члены Совета вновь стали издавать указы от монаршего имени: от имени избранной ими Анны Ивановны, еще не принявшей власти. В дореволюционной описи актов Сенатского архива, составленной П. Барановым, приводится 56 повелений Совета от имени новой императрицы⁵².

Влиятельная олигархическая группировка

Сложившееся положение члены высшего учреждения (в большинстве своем – представители старой знати) в 1730 г. попытались закрепить юридически, предъявив Анне Ивановне «кондиции». Тогда чуть было не подтвердилось мнение французского посланника де Кампредона о том, что в учреждении Верховного тайного совета «нужно видеть первый шаг к изменению формы правления...»¹. Члены Совета в этом столь замечательном году действовали уже не как представители своего учреждения в соответствии с положенным ему объемом полномочий, но как участники придворной олигархической группировки, ориентированной на совершение государственного переворота. Однако в

борьбе со столичным дворянством о принципах ограничения власти императрицы неуступчивые и олигархически настроенные верховники потерпели поражение. Их противостояние завершилось вмешательством гвардии: «кондиции» были «разорваны»⁵³, самодержавие – восстановлено, а Верховный тайный совет Манифестом от 4 марта 1730 г. был упразднен⁵⁴.

Подводя итог, отметим, что у Верховного тайного совета, как ни у какого другого государственного учреждения в течение 4-х лет существования неоднократно изменялся статус и *de facto* и *de iure*. Он был учрежден как (1) совещательный и высший правительственный орган, но затем стал своего рода (2) заместителем Екатерины I. Далее он получил (3) права коллективного регента при малолетнем Петре II, после чего на короткое время он вновь стал (4) учреждением совещательным. Затем Совет развился до уровня (5) фактического правителя империи и, наконец, он, перестав быть государственной структурой, оказался ничем иным как (6) чрезмерно влиятельной олигархической группировкой. Все эти изменения в его статусе определялись, прежде всего, отсутствием формализованного регламента деятельности высшего учреждения власти, правительственной слабостью монархов, а также степенью активности Совета при исполнении обязанностей самодержцев. Свое влияние оказали и чрезвычайные условия междоусобия и династического кризиса после смерти внука Петра Великого.

1 Кампредон де. Ф. Донесения // Русский двор сто лет тому назад. 1725-1783 гг. ... С. 907.

- 1 Сборник русского императорского общества (далее - СИРИО). Т. LXIV. С. 46, 60, 92; Т. XV. С. 272, 274; Т. III. С. 409; Т. LVIII. С. 247.
- 2 СИРИО. Т. LVIII. С. 333, 337; Т. LXIV. С. 6, 130, 173.
- 3 Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее - ПСЗ). СПб., 1830. Т. VII. № 4830.
- 4 ПСЗ. Т. VII. № 4830.
- 5 СИРИО. Т. LV. С. 57.
- 6 СИРИО. Т. LV. С. 96-97.
- 7 СИРИО. Т. LV. С. 93-96.
- 8 СИРИО. Т. LV. С. 96.
- 9 Цит. по: Щеглов В.Г. Государственный совет в России в особенности в царствование императора Александра Первого. Т. 1. Ярославль, 1892. С. 535.
- 10 СИРИО. Т. LV. С. 94, 97.
- 11 Филиппов А.Н. История Сената в правление Верховного тайного совета и Кабинета. Юрьев, 1895. С. 66; СИРИО. Т. LV, LVI, LXIII, LXIX, LXXIX, LXXXIV, XCIV, CI.
- 12 Так, в журналах Совета, датируемых царствованием Петра II, есть свидетельства того, что члены этого учреждения рассуждали: «о прибавке лошадей в станы при проезде государя из Петербурга в Москву; о починке в Москве конюшенных дворов и о покупке лошадей; о прикреплении скамейки к креслам Ея Императорского Величества в зале заседаний Совета и обивке ея таким же бархатом, как и кресла; о выдаче кормовых по гривне в день некоему колоднику Протопопову, посланному ради смотрения и находку кладу в Курске, а потом руд в Сибири; о делании монеты новым штемпелем; об отпуске средств на новую кровлю для Вознесенского монастыря и т. д.» (Лютш А. Русский абсолютизм XVIII века // Итоги XVIII века в России: введение в русскую историю XIX века. М., 1910. С. 168.)
- 13 СИРИО. Т. LV. С. 3, 42-43, 49 и мн. др.
- 14 ПСЗ. Т. VII. № 4830.
- 15 СИРИО. Т. LV. С. 417, 458; Т. LVI. С. 16 и др.; доклады верховников Петру II см.: СИРИО. Т. LXIII. С. 465; Т. CI. С. 13, 14, 16 и др.
- 16 СИРИО. Т. LV, LVI, LXIII.
- 17 СИРИО. Т. LVI. С. 93.
- 18 Присутствия Екатерины I в Верховном тайном совете, согласно журналам этого высшего учреждения: СИРИО. Т. LV, С. 355, 368, 372, 408, 410, 462, 466, 472; Т. LVI. С. 10, 23, 25, 63, 64, 586, 590, 601; Т. LXIII. С. 120, 370, 465.
- 19 Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726-1730 гг. // СИРИО. Т. LV, LVI, LXIII.
- 20 СИРИО. Т. LXIII. С. 440.
- 21 СИРИО. Т. LV. С. 99, 260, 372.
- 22 СИРИО. Т. LV. С. 118, 131.
- 23 СИРИО. Т. LXIII. С. 465.
- 24 ПСЗ. Т. VII. № 4945.
- 25 Алексеев А.С. Русское государственное право. М., 1897. С. 358.
- 26 Например, СИРИО. Т. LXIII. С. 426, 436, 440-441.
- 27 ПСЗ. Т. VII. № 4910; СИРИО. Т. LV. С. 374, 398.
- 28 СИРИО. Т. LV. С. 320, 476.
- 29 СИРИО. Т. III. С. 464-465.
- 30 СИРИО. Т. LXIII. С. 473-474; ПСЗ. Т. VII. № 5070.
- 31 СИРИО. Т. LXIX. С. 212 и др.; Т. LXXIX. С. 17, 119, 167 и др.; Т. LXXXIV. С. 169, 172, 217, 504, 506, 534, 537, 712, 713 и др.; Т. XCIV. С. 56, 130 и мн. др.
- 32 СИРИО. Т. LXIII. С. 465.
- 33 Филиппов А.Н. Кабинет министров и его сравнение с Верховным тайным советом. Юрьев, 1898. С. 25.
- 34 СИРИО. Т. LXXIX. С. 486, 492.
- 35 СИРИО. Т. LXIII. С. 581.
- 36 Варыпаев П.И., Строев В.Н. Судьба Кабинета после кончины Петра Великого до воцарения императрицы Елисаветы. // Двухсотлетие Кабинета его императорского величества. 1704-1904. СПб., 1911. С. 276-277.
- 37 Щебальский П.К. Вступление на престол императрицы Анны. М., 1859. С.12.
- 38 СИРИО. Т. LXIX. С. 270, 271, 295; ПСЗ. Т. VII. № 5150.
- 39 СИРИО. Т. LXIX. С. 270, 271, 274-276.
- 40 СИРИО. Т. LXIX. С. 331, 333-335.
- 41 СИРИО. Т. LXIX. С. 745, 766, 767, 769-771.
- 42 СИРИО. Т. LXIX. С. 342.
- 43 Валишевский К. Преемники Петра. М., 1990. С. 110.
- 44 СИРИО. Т. LXIX. С. 343, 348.
- 45 СИРИО. Т. LXIX. С. 352.
- 46 СИРИО. Т. LXIII. С. 782, 784; Т. LXIX. С. 192, 195-197, 270, 271, 274, 276, 331, 333-335, 745, 766, 769, 771; Т. LXXIX. С. 114, 115, 205, 235, 241, 266, 271.
- 47 СИРИО. Т. LXXIX. С. 204, 205, 235, 271.
- 48 СИРИО. Т. LXXIX. С. 241.
- 49 Лютш А. Указ. соч. С. 160.
- 50 СИРИО. Т. CI. С. 427 и последующие.
- 51 СИРИО. С. 444, 448, 449.
- 52 Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. / Сост. П. Баранов. СПб., 1875. Т. 2. № 3672-3727.
- 53 Прокопович Ф. История о избрании и восшествии на престол блаженной и вечнодостойной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы всероссийской. СПб., 1837. С. 37.
- 54 ПСЗ. Т. 8. № 5510.

О.Г. ЦЫПЛАКОВА, кандидат социологических наук, РГПУ им. А.И. Герцена

O. Tsyplakova, candidate of sociological Sciences, Russian state pedagogical University of a name of A.I. Herzen

Структурный анализ современного российского общества: проблема критериев стратификации

Structural analysis of modern Russian society: the problem of stratification criteria

Аннотация: Особенности самоидентификации представителей различных социальных слоёв современного российского общества в зеркале научного социологического подхода к этой проблеме.

Abstract: Peculiarities of self-identification of the representatives of different social layers of the Russian society in the mirror of sociological research approach to this problem.

Ключевые слова: самоидентификация, страты, социальный слой, поколение, общество, преемственность, социальный статус, российский средний класс.

Key words: identity, stratum, social layer, the generation, the society, the continuity, the social status of Russian middle class.

Иntenсивные изменения в социальной структуре российского общества, произошедшие в последние десятилетия, требуют по-новому взглянуть на основополагающие подходы к её изучению.

Дело в том, что спецификой сложившейся ситуации является не только объективная размытость и неопределённость основных социальных слоёв социальной структуры, но и кризис самоидентификации, то есть субъективные трудности в отнесении себя к той или иной страте, социальной группе.

Кризис самоидентификации связан, прежде всего, с тем, что качественные сдвиги в культуре, общественном сознании происходят медленнее, нежели в экономической и политической сферах. Система ценностей, устоявшиеся социальные стереотипы, навязываемые общественному сознанию в предыдущие годы, разрушились под воздействием нестабильности; размылись чётко очерченные границы социальных групп. В результате у значительной части граждан

России процесс передачи опыта старшими поколениями последующим поколениям нарушился, так как представители старших поколений утратили способность идентификации, а представители более молодого поколения не получили этого представления от них.

В современных условиях оценка социальной структуры, только исходя из объективных показателей (уровня дохода, жилищных условий, должностного статуса и т.д.), представляется недостаточной. Важным итогом структурного анализа общества является выявление степени его стабильности или нестабильности, предрасположенности к конфликтным столкновениям между представителями различных социальных слоёв. В связи с этим необходимо учитывать субъективное ощущение членов общества, их удовлетворённость или неудовлетворенность своим нынешним положением. Само по себе социальное неравенство является неотъемлемой частью жизнедеятельности любого общества. Социальная неудовлетворённость порождается не столь-

ко абсолютными возможностями реализовать потребности, сколько относительными – по сравнению с представителями других общественных слоёв, групп.

Таким образом, главные проблемы структурного анализа общества связаны, во-первых, с чрезмерным расслоением (имеется в виду как значительное превышение уровня доходов высших слоёв по сравнению с низшими, так и высокий разрыв в уровне материальной обеспеченности населения между различными регионами); во-вторых, с субъективной оценкой гражданами своего положения в социальной структуре.

Трудности процесса самоидентификации можно проиллюстрировать на примере такого неопределённого понятия, как «российский средний класс». Дело в том, что на самоидентификацию россиян оказывают влияние не только материальные, но и социокультурные и психологические моменты самоопределения. К российской специфике можно отнести ситуацию рассогласованности статусных позиций, ощущаемых по-разному

в зависимости от точки отсчёта (доходной, профессиональной, образовательной и т.д.), а также незавершённой формированию в общественном сознании критериев именно благополучной, а не среднестатистической середины. Вследствие этой рассогласованности в России принято выделять свой «старый» и «новый» средний класс, определение которых отличается от принятых на Западе. «Старый средний класс» (бывшая советская трудовая интеллигенция) несёт в себе мотивационно-оценочный опыт, сформулированный в прошлый период, который измеряется по шкале социального достоинства. «Новый средний класс» (как правило, люди из новых областей экономики) ориентируется на рыночные реалии и измеряется преимущественно по шкале материального достатка. В результате оказывается, что критерий самоидентификации в современной России приобретает особую значимость в силу сложных перекрёстных отношений между старыми и новыми статусами; а исходя из слабой структуризации общества, оказывается критерием с ограниченными возможностями. Значимость и качественную результативность российская самоидентификация получает только в неразрывной связи с объективными показателями.

В отношении изучения объективных показателей социальной структуры в нашей стране на-

коплен значительный опыт. Тем не менее, этот аспект анализа не всегда дополняется качественными характеристиками, которые являются важными составляющими стабильного или нестабильного развития общества в конкретный исторический период.

Субъективная оценка принадлежности индивида к определённой страте может быть осуществлена при помощи следующих показателей:

во-первых, оценка респондентами качественных характеристик их бюджета в течение года, на которые влияют состав семьи, количество иждивенцев, вид деятельности, наличие подсобного хозяйства и т.д. Количественная оценка не всегда даёт адекватное представление об уровне жизни семьи, к тому же нередко случается, что при ответе на вопрос о размере дохода, получающие небольшую зарплату завышают её, а значительную – занижают либо вовсе не отвечают на этот вопрос;

во-вторых, оценка удовлетворённости социальным статусом при помощи переменных: степень удовлетворённости профессией, должностью, материальным положением, измеряемым шкалой - не удовлетворён (1 балл), слабо удовлетворён (2 балла), удовлетворён (3 балла).

Разработка индекса (коэффициента) качества жизни является одной из главных задач учёных в нынешних условиях.

Именно относительный анализ и даёт возможность изучить основные стратификационные факторы и распределение людей по стратам: абсолютные величины часто не являются достоверными показателями, так как люди с одинаковым материальным положением могут относить себя к различным социальным слоям. Этот факт демонстрирует неоднородность уровня притязаний у различных людей, что происходит под воздействием социально-культурной среды, ближайшего окружения, уровня образования, доступа к необходимым благам, понятия о справедливости, социально-психологических характеристик личности, уровня духовного развития и т.д. То есть немаловажным является сравнение своего социального положения с положением других индивидов.

На основании представленных рассуждений можно заключить, что проблема социального и имущественного неравенства связана не только с экономическими и политическими факторами, но и с этическими, психологическими корнями, обусловленными общественной культурой. Во многом социальное расслоение порождается духовным состоянием общества, а пути его решения нередко зависят от личностной позиции каждого индивида.

Таким образом, анализ социальной структуры должен включать в себя изучение и выявление как количественных, так и качественных критериев.

Никто не забыт, ничто не забыто

В.П. ШИЛОВ, ветеран Великой Отечественной войны

V. Shilov, veteran of the great Patriotic war

Цена Победы The Value Of The Victory

Аннотация: Воспоминания ветерана труда, который в школьные годы выжил в Ленинграде во время блокады, пережил гибель ушедшего в ополчение отца.

Abstract: The memoirs of veterans of work, in school survived in Leningrad during the blockade, had survived the death of the deceased in the militia of the father.

Зловещее дыхание войны я ощутил в возрасте десяти лет в дачном поселке Славянка под Ленинградом. Было воскресенье – 22 июня 1941 года. Я включил приёмник и услышал: «Внимание! Внимание! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза. Слушайте важное сообщение Министра иностранных дел В.М. Молотова...»

Я побежал к родителям. Толкнув дверь в их комнату, с порога прокричал:

– Началась война. На нас ночью напали немцы. Они бомбили наши города: Киев, Одессу, Севастополь и перешли границу. Сообщение об этом будет повторяться через каждые 15 минут.

В этот день, глядя на любимых мною родных и близких, я увидел, что известие о начавшейся войне поглотило их мысли так сильно, что никто из них не обращал внимания на летнюю погоду, цветы и запахи лета. Любой разговор моментально сбивался на войну и на рассуждения о том, что со всеми будет дальше? Сегодня они – родственники и близкие – встретились, может быть, в последний раз, и больше им на этой земле никогда не увидаться. Одни погибли на Ленинградском фронте, другие – их будет большинство – умрут в своих квартирах от

голода и лютого холода. Совсем скоро вся наша жизнь в насквозь промёрзших квартирах, без света, воды и отопления, будет похожа на жизнь в берлогах, покрытых инеем и жутким мраком. Некоторые, доведённые голодом до крайности, будут есть столярный клей, варить на коптилках ремни, а те, кто ещё сможет двигаться, пойдут на заснеженные поля под – миномётный огонь немцев – в надежде найти колосья овса или какую-нибудь капустную кочерыжку. К мучениям этих людей прибавятся еще и другие страдания: от стужи и грязи на их немые тела нападут полчища вшей... Это будут совершенно невероятные физические муки...

Всё, о чём я пишу, происходило со мной и с теми, кто был рядом. Во время блокады мозг работал в одном направлении: днём и ночью возникала одна и та же картина – большой кусок хлеба. Тогда не верилось в то, что где-то в этом мире существует сытая жизнь, есть свет, тепло и уют. Но не только лютый голод, холод будут изводить нашу жалкую жизнь запертых в блокаде городе людей. Мы испытаем такие массивные артобстрелы, что в квартирах задвигаются стены, ходуном заходят полы и кусками посыплется штукатурка, будет казаться, что вот дом сложится как костяшки домино.

С начала войны пошло несколько дней, но видимых изменений в жизни людей не было. Работали кинотеатры, магазины, на улицах продавали мороженое... Среди жителей Ленинграда ходил слух о том, что запасов продовольствия в городе хватит на два года. Большинству горожан не приходило в голову, что подобные сведения составляют государственную тайну, за разглашение которой строго наказывают. Были и те, кто считал этот слух «уткой». Запомнились мрачные слова, оброненные на улице каким-то мужчиной: «Если говорят, что всё есть и надолго хватит, значит, ничего нет и взять негде». Словно в подтверждение этих слов, с 1 июля 41-го в Москве и Ленинграде была введена карточная система, которая жёстко лимитировала распределение продовольствия. Вначале норма выдачи была вполне сносной для поддержания нормальной жизни. Но такое положение продолжалось только до первого сентября: к жителям Ленинграда неумолимо подбирался голод.

Наша семья продолжала жить на даче. Однажды я услышал надвигающийся, откуда-то сверху, непривычный гул. Выскочив на улицу, увидел круживший над полем необычного вида самолет. (Потом я узнал, что это немецкий самолет-разведчик, что и у нас его

называют «рама».) На очередном витке под этим самолетом что-то залетало, и вскоре все увидели, что это – листовки. Сбросив свою «пропаганду», он ещё долго кружил над полем и дачным посёлком, и никто его из наших самолётов не отогнал, и зенитки не припустили.

Прошло несколько дней, и я опять услышал тяжёлый гул самолётов. Над полем появились немецкие бомбардировщики, они летели как на параде: разукрашенные крестами, без прикрытия, крыло в крыло, – курсом на Ленинград. И опять ни одного нашего истребителя не оказалось поблизости, чтобы защитить наше небо. Трудно передать, охватившее меня чувство негодования и обиды от того, что над Ленинградом безнаказанно, по-хозяйски летают чужие боевые самолёты...

...Вскоре на поле появились сотни людей, вооружённых лопатами, ломом и кирками. С заводов, фабрик и учебных заведений на рытьё траншей прибыли женщины и девушки. Их расставляли в две линии, и они сразу же начали работать. Это был тяжелейший труд, но люди понимали, что он необходим для защиты города и поэтому копали, не жалея сил и не считаясь со временем. Они прекращали работу, когда становилось совсем темно и, изнемогая от усталости, засыпали там, где садились. И только спустя час–два они поднимались, ели похлебку и вновь, не раздеваясь, укладывались на полу в тех помещениях посёлка, в которых им были определены места для ночлега. Стоило забрезжить рассвету, как они поднимались, пили что-то наподобие чая и, взяв свои инструменты, уходили в поле продолжать работу. Казалось, что этому рытью никогда не будет конца, но вскоре оборонительные сооружения на нашем участке были завершены.

По возвращении в Ленинград все мои дни были похожи один на другой, как звенья одной цепи.

Утром я съедал свой кусочек хлеба и уходил бродить по улицам города. В эти дни я наблюдал, как шли танки, большие колонны красноармейцев, моряков с винтовками и в касках, и как, вцепившись в верёвки, шли военные с аэростатами. Так проходили дни за днями. Однажды случайно оказался около Володарского моста. Здесь я впервые увидел баррикады, они перекрывали проезжую часть дороги под мостом с двух сторон реки, а в качестве завалов использовались вагонные колёса и какие-то бетонные глыбы.

И тут же, около насыпи, виднелись пулемётные гнёзда, их было по одному на каждой стороне моста. Охраняли мост и на случай воздушных налётов. Стояли здесь два зенитных орудия, их стволы грозно упирались в небо, и тогда мне казалось, что никакой враг не сможет приблизиться к мосту.

Я понимал, что город готовится к обороне и был уверен – если враг ворвётся на окраины, то каждый дом будет защищаться до последнего человека.

Уныло и однообразно тянулись дни. Уже стремительно наращивал силы голод, он становился всё сильнее и мучительнее. У нас давно не было электричества, воды и дров, но мы продолжали бороться за жизнь. Воду брали из Мойки, на Сенном рынке купили печурку, так называемую «буржуйку», ну а дрова добывали прямо дома: ломали столы, стулья, деревянные кровати. Сжигали обувь, старые газеты и даже книги. В один из таких дней, поздним вечером к нам постучали. Это был мой отец. Он с трудом преодолел ведущие на кухню три ступеньки.

Отец был грязный, опухший, вшивый и от голода еле переставлял ноги. Не раздеваясь, прошёл в комнату, сел за стол и стал раздавать нам подарки. Мне – немецкий штык-нож в ножнах, моему маленькому братишке – несколько цветных карандашей, а матери – фонарик «жучок». Тем временем

мама, опустившись на колени, старательно рылась в нижней части большого буфета. Наконец, поднялась и, улыбаясь, поставила на стол маленькую бутылочку, на которой было написано «Водка». Такие бутылочки тогда назывались «шкаликами». Затем она положила перед отцом пачку папирос и мы, окружив стол, стали слушать отца. Он сообщил, что их сняли на отдых, что уже завтра в 10 часов сбор на Московском вокзале. Мы проговорили почти до рассвета и, когда нужно было собираться, отец сказал:

– Если меня ещё раз отправят на передовую, то придёт конец моим мукам. Там люди долго не живут, сегодня пришли, завтра бой и их уже нет.

Мать повесила на себя противогаз и каску. Взяла отца под руку и пошла с ним на Московский вокзал.

– Что было на вокзале? – Спросил я у матери, когда она вернулась.

– Боже мой! – Вырвалось у неё. – Ведь у них нет сил не только воевать, но даже ходить по-человечески. Их надо как следует подкормить, подлечить. Куда отправили ополченцев, никто не знает. Отец обещал прислать записку с адресом.

Записку вскоре нам передали. Оказалось, что отец находится в Черновой дачи, вблизи Володарского моста, на правом берегу Невы: ополченцам дали передышку, во время которой мать ежедневно его навещала. Длилось это недолго. Отца вместе с другими ополченцами отправили на передний край Мгинского направления. В конце декабря мы получили конверт, в который были вложены семейные фотографии, взятые отцом, какие-то деньги и извещение: «Ваш муж героически погиб 24.12.1941 года на подступах к городу Ленинграду».

При всех трудностях время шло своим чередом, и вот уже на исходе март 1942 года. Истощённые, с по-

темневшими лицами люди вышли убирать загаженные за зиму дворы и улицы. Чудесное весеннее солнце и увеличение нормы на все виды продовольствия оживили жителей города. Убрал свои дворы и улицы, они пошли работать туда, где требовались их руки. Для всех нашлась работа, приближающая Победу...

На Нюрнбергском процессе фигурировало число 632 тысячи погибших во время блокады ленинградцев. Только 3% из них погибли от бомбёжек и артобстрелов; остальные 97% умерли от голода. Сравним: 632 тысячи погибших только в одном Ленинграде и 322 тысячи военных потерь США за весь период Второй мировой войны!

Есть деревья, которые сохраняют листву и в зимнюю стужу. Так и жители Ленинграда, невзирая на утраты родных и близких, на голод, холод, бомбёжки и артобстрелы, сохранили лучшие нравственные качества, любовь к труду, смелость и стремление делать всё, что необходимо для Победы, которая стала Великой именно потому, что цена её была безмерной.

Об авторе. Валентин Павлович Шилов, пережив блокаду Ленинграда, после войны трудился грузчиком, шофёром. Был призван на военную службу, стал офицером флота. После увольнения в запас работал на заводе заместителем начальника производства, занимался профсоюзной деятельностью. В настоящее время – на пенсии.

О.В. ЯРУХИН, директор Санкт-Петербургского полицейского юридического колледжа
 O. Yarohin, Director of St. Petersburg the police law College

Естественно-правовая трактовка сущности общества и государства в дореволюционной политической мысли

Naturally legal interpretation of the essence of the society and the state in pre-revolutionary political thought

Аннотация: По своему характеру работы русских философов права – представителей естественно-правовой традиции означали преодоление ограниченности теоретических и методологических принципов, господствовавших в течение многих десятилетий в отношении изучения сущности государства в позитивистских учениях. В трудах выдающихся русских мыслителей утверждался этико-онтологический подход в изучении правовых явлений, который был направлен на утверждение идеи верховенства права по отношению к государству, а также идеи универсальности и неотчуждаемости прав и свобод человека, его достоинства и абсолютной ценности каждой отдельно взятой личности. Право трактовалось как своего рода мост между справедливостью и государственностью.

Abstract: By their nature the works of Russian philosophers of the rights of representatives of natural and legal traditions meant overcoming the limitations of the theoretical and methodological principles which prevailed for many decades in relation to explore the nature of the state in the positivist doctrine. In the works of outstanding Russian thinkers argued ethical and ontological approach to the study of legal phenomena, which was sent for approval to the idea of the rule of law in relation to the state, as well as ideas of universality and inalienability of the rights and freedoms of man, his dignity and the absolute value of each individual personality. Law is treated as a kind of bridge between equity and statehood.

Ключевые слова: естественное право, государство, свобода, гармония, личность, власть, неокантианство, общее благо, абсолютизм, монархия, государственно-правовой идеал, нравственные принципы.

Key words: natural law, government, freedom, harmony, identity, power, neo-Kantianism, the common good, absolutism, monarchy, state and legal ideals, moral principles.

Реакция на позитивизм со стороны русских мыслителей нравственно-идеалистического направления осуществлялась как в негативной форме критики, так и в положительной форме развития теоретико-методологического фундамента экспликации нравственной природы государства и права, реальность которой отвергал позитивизм. Для этого в истории политико-правовой науки были заявлены два концептуальных проекта: идеи Нового времени, ориентированные на понятие

естественного права, и идеи немецкой классики, апеллирующие к понятию свободы. Принципиального противоречия между ними не было, поскольку каждая из этих идей заключала в себе попытку указать умопостижимое начало государства. К началу XX столетия наметилась возможность для их новых содержательных синтезов.

На рубеже XIX–XX веков одним из наиболее крупных русских правоведов, выступавших с критикой позитивизма и продолжавших традиции российского государственоведения, ориентированные

на теоретико-методологические предпосылки немецкой классической философии права, был Е.Н. Трубецкой.

В своём учении Трубецкой связывал понятие государства с принципом свободы личности. При этом он, в отличие от Гегеля, который избегал самого термина «естественное право», считал последнее актуальным и содержательным. Однако, как нам представляется, в концепции Трубецкого естественное право всё же имело значение чего-то производного от по-настоящему первичного понятия свободы.

«Внешняя свобода, которая представляется лицу правом, заключается в возможности преследовать и осуществлять те или другие цели в мире внешнем: ясное дело, что такая свобода есть не безусловное, а относительное благо; внешняя свобода отдельного лица является благом лишь постольку, поскольку она подчинена благу общему, поскольку она не влечёт за собой несправедливых стеснений свободы других лиц. Безграничная свобода отдельного лица была бы не только отрицанием права, но и прямой противоположностью добра, так как она выражалась бы в возможности убивать, насиловать и грабить ближнего. Поэтому естественное право предписывает, чтобы внешняя свобода лица всегда была ограничена свободой других лиц в той именно мере, в какой этого требует добро. В этом и только в этом заключается непреходящее, неизменное требование естественного права», - писал Е.Н. Трубецкой.¹ Однако чтобы для естественного права стало возможным что-либо «предписывать» свободе, последняя уже должна быть предположена чем-то данным.

Отсюда им делаются следующие важные выводы относительно естественного права в его связи с общим понятием свободы: 1) естественное право предписывает, чтобы каждая личность пользовалась внешней свободой в тех пределах, в каких это требуется нравственными принципами; 2) отдельному лицу должен быть предоставлен максимум внешней свободы, совместимой с благом общества как целого; 3) право всегда должно проявляться как сила, освобождающая личность, а именно: оно всегда должно служить целям добра и его задача заключается в том, чтобы установить гармонию между внешней свободой индивида и благом общества как целого.

Эта гармония, подчёркивал Трубецкой, не может выражаться в форме застывшего, неподвижного законодательства, поскольку тот максимум внешней свободы человека, который требуется благом общества как целого, не является некоторой постоянной величиной, он изменяется в зависимости от бесконечно разнообразных условий деятельности. Он не поддаётся какому-либо исчерпывающему рациональному просчёту. Признание наличия в общественных отношениях, в том числе и тех, которые лежат в основе государства, некоторого иррационального начала, без которого не было бы свободы, стало одной из принципиальных идей теории государства и права П.И. Новгородцева, Н.Н. Алексеева и других близких к ним мыслителей. Оно оказало своеобразное влияние на трактовку идеи свободы в правовых концепциях русских учёных первой половины XX века.

Естественное право, содержание которого включает в себя и нравственные предписания, составляет высшее основание положительного права, а вместе с тем и внутренний закон нашего разума. Оно, согласно Трубецкому, содержит в себе единство нравственных требований и норм, в свете которого позитивное право находит себе подтверждение или осуждение. Естественное право, будучи правом нравственным по своей природе, ориентирует положительное право на принципы абсолютного добра, требуя, чтобы внешняя свобода была предоставлена лицу в тех границах, которые оправдываются целями добра.

Итак, свобода составляет основное содержание права. Согласно взглядам Трубецкого, трактовка права Б.Н. Чичериным в качестве внешней свободы, предоставленной и ограниченной внешней нормой, включает в себе

именно те существенные признаки права, которых недостаёт другим определениям права, выдвигавшимся в то время. Закладывая в себе существенные признаки права, это определение вместе с тем достаточно широко, чтобы включить в себя все формы права: под него подойдут не только нормы права, установленные и признанные государством, но и те нормы, на которых утверждается авторитет государства.

Разрабатывая понятие правового государства, Трубецкой считал, что через право проявляется абсолютная природа государства, о которой говорил Чичерин. Таким образом, понятия свободы, права, государства оказывались в его системе неразрывно связанными. Где нет свободы, учил Трубецкой, там нет и не может быть никакого права, а государство вырождается в царство произвола. В целом Трубецкой, как нам представляется, больше внимания, чем Чичерин, уделял вопросам сущностной взаимосвязи права и государства.

Рассматривая вопрос о сущности государства, Трубецкой прежде всего отказывается от одного из распространённых в позитивизме вариантов его трактовки, а именно: через посредство понятия общественной цели.² Ему удаётся вполне убедительно показать, что в различные исторические эпохи представление общества о цели государства было существенно различным.

Трубецкой следующим образом обобщает результаты своего анализа понятия государства: «государство есть союз людей, властвующий самостоятельно и исключительно в пределах определённой территории. Соответственно с этим определением в понятие государства входят следующие три элемента: 1) власть, обладающая указанными признаками самостоятельности и исключительности;

1 Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. - М., 1908. - С. 60-61.

2 Трубецкой Н.М. Энциклопедия права. - СПб., 1997. - С. 129.

2) совокупность лиц, подчинённых этой власти, - народ и 3) территория».³

Теория естественного права, восходящая ещё к древнеримским юристам и достигшая своего расцвета в эпоху Нового времени, к концу XIX века многими правоведами воспринималась как нечто архаическое. Вместе с тем доктрина естественного права была одной из центральных в истории политико-правовых учений. Оно переживало разные периоды в своём развитии. Е.Н. Трубецкой был одним из первых, кто всерьёз занялся её разработкой и применением к исследованию сущности государства. Во многом под влиянием его начинаний в России происходит своеобразное возрождение естественного права, с учётом всего того, что внёс в теорию права XIX век. Ренессанс теории естественного права в России связан с именами таких крупнейших правоведов, как П.И. Новгородцев, И.В. Михайловский, Е.В. Спекторский, А.С. Яценко, Н.Н. Алексеев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин.

П.И. Новгородцев справедливо был признан основоположником и главой школы «возрождённого естественного права» в России.⁴ Теория естественного права, прежде всего, позволила Новгородцеву акцентировать нравственное начало в природе государства и общества. Однако в действительности его концепция не была простым «возрождением» новоевропейских установок. Скорее к ней нужно относиться как попытке синтеза двух традиций: «возрождённого» естественного права и «возрождённой» на методологическом фундаменте неокантианства (позже – феноменологии) немецкой классической философско-правовой мысли.

На этом пути Новгородцев усматривал возможность преодоления кризиса правосознания, результатом чего надеялся увидеть установление такого идеала государственности, который реализовывал бы себя как некоторую прогрессирующую задачу, имевшую смысл морального требования и предполагающую бесконечное приближение к нему в духе кантовского учения об идеале.

Теория естественного права рассматривалась в трёх ракурсах: во-первых, как система надисторических морально-правовых норм; во-вторых, как фундамент позитивного - исторически обусловленного права, в котором данные абсолютные морально-правовые нормы находят свою конкретизацию и своё обеспечение; в-третьих, как выявление морального значения определённых неизменных базисных норм права в правотворчестве и правоприменении; в-четвёртых, как идеологический «инструмент борьбы» за справедливое право. Это – то основное, что ждали и что надеялись получить праведы и в Германии, и в России от теории естественного права. Хотя этим ни в коем случае не исчерпывается моральная и нравственная значимость естественного права.

Следует заметить, что в целом естественно-правовая традиция не имела достаточно прочных корней в отечественной науке права. Отсутствие сильного влияния античности в форме политико-правовых идей древнегреческой философии и римского права, характер государственной власти, близкий к абсолютизму, чья официальная идеология была малосовместима с идеями естественного права, - всё это повлияло на сравнительно сла-

бое восприятие этих идей в среде юристов дореволюционной России, несмотря на то, что именно русскими учёными во второй половине XIX века и в XX веке были подхвачены и развиты важнейшие идеи теории естественного права.⁵

Оригинальный способ выражения нравственной природы государства и общества нашёл в своей феноменологической концепции правовых явлений Н.Н. Алексеев. Прежде всего он подчёркивал исключительное значение понятия власти в определении государства: «Из тех логических признаков, которые вводятся в это понятие современным государствоведением, наиболее важным является, конечно, элемент власти. Поистине, государство немислимо без власти, как окружность немислима без центра. Союз, не обладающий властным характером, просто не может быть мыслим, как государство. С этим моментом власти и следует связать рассмотрение вопроса об отношении права и государства».⁶

Согласно его трактовке, принцип властности опосредствует отношение государства и права. Аргументация состоит в указании на то, что элемент власти не составляет исключительной особенности отношений в государстве: «Он может присутствовать также и во всяком правопорядке, поскольку этот последний не лишён свойств истинной реальности и действительности». Следовательно, между правом и властью нет противоположности, точно так же, как нет её между властью и государством. Отсюда, умозаключает Алексеев, можно считать, что её нет и между государством и правом: «Правопорядок не противостоит государству, как нечто совершенно чуждое

³ Там же.

⁴ О Новгородцеве П.И. см.: Баскин Ю.Я., Баскин Д.А. П.И. Новгородцев (Из истории русского либерализма). – СПб., 1997; Кузнецов Э.В. Философия права в России. – М., 1989; Поляков А.В. К критике методологических основ школы «возрождённого естественного права» в России (П.И. Новгородцев) // Вестн. Ленингр. ун-та. – 1986. Вып. 2. Сер. 6.; Савельев В.А. Теория возрождения естественного права в учении П.И. Новгородцева // Вопросы государства и права в общественной мысли России XVI-XIX веков. – М., 1979.

⁵ Ср.: История политических и правовых учений. XX в. – М., 1995. – С. 17–21.

⁶ Алексеев Н.Н. Философия права. – СПб., 1998. – С. 197.

власти... Право относится к государству, как власть к власти».⁷

Однако государственная власть принципиально отличается от других видов власти своим политическим характером. При этом Алексеев считает необходимым провести различие между понятием «политического» и понятием «правового». «Политические» отношения и связи представляют собою совершенно самостоятельные явления, обладающие по сравнению с правом особой природой и особыми качествами. Для их характеристики он указывает на два основных признака политической власти, отличающих её от власти частной, «неполитической». Во-первых, это её верховный или державный характер, определяемый понятием суверенитета. Данный аспект, в свою очередь, связан с идеей иерархии и обозначает свойство быть «высшей» властью «в порядке восхождения подчинённых властей». Это достаточно оригинальный ход теоретического построения. Русский учёный стремится показать, что там, где наблюдается процесс такого восхождения, там власть начинает приобретать политический характер.⁸

Вместе с этим Алексеев оговаривает, что понятие верховенства не является чисто юридическим понятием. Так, верховенство власти, как верховенство некоторого ценностного авторитета, может существовать не на основании правового признания, но на основе чисто нравственных чувств любви и уважения. В пределах, построенных на основе принципа «верховенства» отношений, может не быть никаких двусторонних отношений, никакой связи «прав» и «обязанностей». Здесь автор «Философии права» высказывает ценную мысль о том, что сама по себе идея права

при некоторых условиях оказывает на верховенство влияние разлагающее и обезличивающее: «Суверенитет, построенный на чистых «правовых» отношениях, является суверенитетом ослабленным, как это наблюдается в современных государствах, преувеличенно подчёркивающих принцип права и стремящихся вылить отношения государственного властвования исключительно в юридическую форму».⁹

Далее, политический характер государственной власти определяется качеством «публичности». Алексеев указывает на тесную связь понятия «публичности» с идеей права. Согласно распространённой точке зрения, любая «публичная» деятельность государства является в то же время деятельностью «публично-правовой». Анализируя данное понятие, Алексеев стремится решить дискуссионный вопрос о различиях частного и публично-правого права. Понятие публичности образовалось путём противопоставления с понятием «частный» и по первоначальному значению своему совпадало со всем тем, что «открыто для всех», «доступно всем», не «замкнуто» для определённого узкого круга лиц или для одного лица, не «тайно». Идея «публичности» связана с понятием «общества» и предполагает отношение к обществу, как к целому.

Отсюда Алексеев делает вывод исключительной значимости: государственная власть, как власть «публичная», не может быть властью, построенной на личном, партикулярном или сугубо экономическом интересе. Она (по крайней мере, в качестве некоторого минимума) должна считаться с «общественностью» и должна сообразно с ней направлять свои действия. И

поэтому «публичные» отношения можно назвать отношениями, построенными на «социальном служении». Данный подход перекликается с точкой зрения Ильина, а также Петражицкого.

Развивая эту мысль, Алексеев делает вывод, который он неоднократно повторял ранее: организация политической власти в государстве может не обладать чисто юридическим характером. В качестве примера он ссылается на теократическую форму государственного правления. В теократии основанием власти является не её правовая форма, а нравственные качества властителей. Здесь глава государства, не будучи связан правом и не служа праву, не призван применять и «правового» принуждения. Его власть имеет скорее отеческий характер и руководствует посредством внутренних стимулов нравственности, а не внешним аппаратом правовой санкции.

Таким образом, государственная власть может полностью элиминировать свой правовой элемент и основываться исключительно на нравственных основаниях. Она может, наоборот, свести свою нравственную составляющую до минимума. Но она никогда не может устранить последнюю. По мысли представителей школы возрождённого естественного права – Ильина, Алексеева, Вышеславцева, Струве и др., – нравственная составляющая государства должна быть выражена посредством формы государства. Для Ильина – это монархия, в которой традиционно объединены политические, правовые и сугубо нравственные начала. Для Алексеева на позднем этапе его творчества – своеобразное «идеоправство». В вопросе о функциях государства нравственная составляющая выражает себя в

⁷ Там же. С. 198.

⁸ «Власть отца семейства не есть ещё политическая власть, но власть старейшего в роде, власть над отцами отдельных семейств, мыслится нами, как обладающая, хотя бы элементарными, политическими свойствами. Власть рабочей биржи труда не есть ещё политическая власть, но власть центральной биржи или центрального синдиката в синдикалистском обществе необходимо приобретает политические свойства». (Алексеев Н.Н. Философия права. – С. 202.)

⁹ Алексеев Н.Н. Философия права. – С. 204.

его задачах как «социального государства». Здесь вопрос о форме и функциях государства оказывается органично связанным с вопросом и о государственно-правовом идеале.

По своему характеру работы русских философов права – представителей естественно-правовой традиции означали преодоление

ограниченности теоретических и методологических принципов, господствовавших в течение многих десятилетий в отношении изучения сущности государства в позитивистских учениях. В трудах выдающихся русских мыслителей утверждался этико-онтологический подход в изучении правовых явлений, который

был направлен на утверждение идеи верховенства права по отношению к государству, а также идеи универсальности и неотчуждаемости прав и свобод человека, его достоинства и абсолютной ценности каждой отдельно взятой личности. Право трактовалось как своего рода мост между справедливостью и государственностью.